

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (112) январь – март 2023 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (112) January – March 2023

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ПЕРВОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Магарамов Ш.А. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в.	9
Тюхменева Е.А. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время	20

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мартынова М.Ю., Тишков В.А. Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР	31
Бутовская М.Л., Ростовцева В.В. Облик мужчин, склонных к риску, по данным геометрической морфометрии	48
Щепкин В.В. Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX веков	58

ЭКОНОМИКА

Захарова Л.В., Асмолов К.В. КНДР в годы правления Ким Чен Ына: основные итоги первого десятилетия (2012–2021)	71

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Петухов Р.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Запрос на перемены в современной России: медиа-мем, научная категория, социальная реальность	83
Луковская Д.И., Васильев И.А., Волкова С.В., Ильин А.В., Карамышев О.М., Куликова М.С., Малышева Н.И., Поляков А.В., Суязов В.В., Тимошина Е.В., Юдина М.И. Концепт справедливости в современной российской правовой системе	96

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Московская Д.С. Творчество нобелевских лауреатов Б.Л. Пастернака и М.А. Шолохова: опыт интеграции в западную систему референций (1930–1970-е гг.)	106

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Прохоров А.О., Чернов А.В., Карташева М.И. Система Я в ментальной регуляции психических состояний	119
Алфимова М.В., Плакунова В.В., Кондратьев Н.В., Лебедева И.С., Голимбет В.Е. Психологические и молекулярно-генетические корреляты шизотипии в общей популяции	131

МИР КНИГИ РФФИ

Филимонова М.А. — Рецензия на книгу: Петров А.Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2022. — 280 с.	144

Виноградова Т.И. —

Рецензия на книгу: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии /
Под ред. Н.А. Самойлова. М.: Весь мир, 2022. — 432 с.: ил. 148

Ламин В.А., Кузнецова Я.А. —

Рецензия на книгу: Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма: исторический опыт
позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.
Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2022. — 332 с. 152

Исаев В.И. —

Рецензия на книги: Макарова Н.Н. Магнитогорск как социокультурный проект
советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021. — 532 с.; Сталинская Магнитка.
1929–1950-е гг.: Сборник документов и материалов / Под ред. Н.Н. Макаровой,
Н.В. Черновой, Е.М. Буряк. Магнитогорск, 2022. — 588 с. 156

CONTENTS

DEDICATED TO THE 350TH ANNIVERSARY OF PETER'S THE GREAT BIRTHDAY

Magaramov Sh.A. Caucasian–Caspian Region in the Politics of the Russian Empire in the First Decade of the 18 th Century	9
Tyukhmeneva E.A. A Path to Empire: Formation of the Art Culture at the Russian Court of Peter the Great	20

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Martynova M. Yu., Tishkov V.A. Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era	31
Butovskaya M.L., Rostovtseva V.V. Image of Risk-Prone Men According to Geometric Morphometrics	48
Shchepkin V.V. The Ainu in the History of the Japanese–Russian Relations in the 18 th and 19 th Centuries	58

ECONOMICS

Zakharova L.V., Asmolov K.V. DPRK under Kim Jong-un: Key Results of the First Decade (2012–2021)	71

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Petukhov R.V., Latov Yu.V., Latova N.V. Demand for Change in Modern Russia: Media Meme, Scientific Category, and Social Reality	83
Lukovskaya D.I., Vasiliev I.A., Volkova S.V., Ilyin A.V., Karamyshev O.M., Kulikova M.S., Malysheva N.I., Polyakov A.V., Suyazov V.V., Timoshina E.V., Yudina M.I. The Concept of Justice in the Modern Legal System of Russia	96

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Moskovskaya D.S. Works of the Nobel Prize Winners Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov: the Experience of Integration into the Western System of References (1930s–1970s)	106

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Prokhorov A.O., Chernov A.V., Kartasheva M.I. Self-System in the Mental Regulation of Mental States	119
Alfimova M.V., Plakunova V.V., Kondratyev N.V., Lebedeva I.S., Golimbet V.E. Psychological and Molecular Genetic Correlates of Schizotypy in the General Population	131

THE RFBR BOOK WORLD

Filimonova M.A. — Review of the book: A.Yu. Petrov 'Petrine Era and the Exploration of the North Pacific'. Ryazan: Yesenin Ryazan State University, 2022 — 280 p.	144

Vinogradova T.I. —

Review of the book: 'The Image of Peter the Great in the Eastern Asian Countries' /
Edited by N.A. Samoilov. Moscow: Ves mir, 2022. — 432 p: ill. 148

Lamin V.A., Kuznetsova Ya.A. —

Review of the book: N.S. Baikalov 'The Ultimate Construction of Socialism:
Historical Experience of the Late Soviet Modernization of the Baikal–Amur Mainline Railway'.
Ulan-Ude: Buryat State University publishing, 2022. — 332 p. 152

Isaev V.I. —

Review of the book: N.N. Makarova 'Magnitogorsk as a Socio-Cultural Project of the Soviet Power
in the 1930s–1950s'. Magnitogorsk, 2021. — 532 p.; Stalin's Magnitogorsk Iron and Steel Works
1929–1950s: Collection of Documents and Materials / Edited by N.N. Makarova, N.V. Chernova,
E.M. Buryak. Magnitogorsk, 2022. — 588 p. 156

350-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ПЕРВОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

Индекс УДК 94 (47)

Код ГРНТИ 03.23.31

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-9-19

Ш.А. МАГАРАМОВ*

Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в.

Статья посвящена новейшим результатам исследования каспийского вектора внешней политики Российской империи в петровскую эпоху. Проведённая эвристическая работа в федеральных и региональных архивах России позволила выявить и ввести в научный оборот более 300 оригинальных документов, на основе которых изучена российская политика в юго-западных областях Каспия в первой трети XVIII в., ставших российскими территориями по итогам Персидского похода. Подробный анализ литературы по Персидскому походу и пребыванию российских войск в Прикаспии, впервые проведённый в историографии, позволил выявить наиболее слабо разработанные сюжеты и изучить их на основе нововыявленных документальных данных с применением новых методологических подходов.

Изучен опыт управленческой практики Российской империи в Прикаспии в 1722–1735 гг., показаны трудности в управлении регионом, связанные с природно-географическим фактором, отдалённостью региона от основной части страны и этнополитическим составом присоединённых территорий. Персидский поход Петра I привёл к возникновению в Восточном Закавказье российско-турецкого пограничья (фронт), разделившего исторически формировавшиеся кавказские и персидские общества без учёта сложившихся традиций ведения хозяйства и этнокультурных контактов, что привело к сложной и изменчивой пограничной жизни в регионе. Изучение поведенческих действий различных акторов пограничной зоны позволило выяснить их отношение к появлению в Западном Прикаспии Российской и Османской империй. Рассмотрены особенности установившейся в Дербенте после его присоединения к России в 1722 г. двойной системы управления, когда управленческие функции одновременно исполняли представитель местной власти в лице наиба и имперской власти — комендант. Впервые в кавказоведении реконструирован образ Петра I в исторической памяти дагестанцев на современном этапе и на момент его похода.

По результатам работы над проектом опубликованы две монографии и сборник архивных документов и материалов.

* **Магарамов Шарифутдин Арифович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, руководитель проекта «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона» (20-09-42023).
E-mail: sharafetdin80@mail.ru

Ключевые слова: Кавказско-Каспийский регион, Петровская эпоха, Персидский поход Петра I, новые источники, научные результаты

В связи с 350-летием со дня рождения первого российского императора Петра I, которое широко отмечалось по всей стране, особую актуальность приобретает изучение различных исторических сюжетов, связанных с деятельностью самого Петра I и Петровской эпохой. Юбилейные даты служат хорошим поводом для активизации научного исследования того или иного исторического события, деятельности выдающихся исторических личностей. Последней крупной внешнеполитической акцией Петра Великого, приведшей к коренным геополитическим изменениям в Каспийском регионе, стали Персидский поход 1722–1723 гг. и пребывание российских войск и военной администрации в юго-западных областях Каспия.

Архивно-поисковая работа

Наш исследовательский проект был посвящён исследованию историографических, методологических проблем и конкретно-исторических аспектов каспийско-персидского вектора внешней политики Российской империи в первой трети XVIII в. Проект предусматривал работу в федеральных (АВПРИ, РГВИА, РГАДА (Москва), РГАВМФ (Санкт-Петербург)) и региональном (Центральный государственный архив Республики Дагестан) архивах и научных библиотеках (РГБ, РНБ). В ходе работ был изучен большой массив документации фондов РГАДА – Кабинета Петра Великого, Рукописного и Картографического отделов библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел, Дела Правительствующего Сената. В этих фондах содержится деловая и частная переписка командующих войск и комендантов крепостей Святого Креста, Терки, Дербента, Баку, астраханского губернатора А.П. Волынского. Эта переписка раскры-

вает многие стороны функционирования и деятельности Низового корпуса Русской Императорской армии, основной целью которого было обеспечение присутствия российской власти в прикаспийских областях.

В РГВИА изучены документы Военной коллегии, Военно-учёного архива, в которых содержатся данные о военно-политической ситуации в Западном Прикаспии и об организации командующими войск карательных экспедиций против непокорных кавказских и персидских владетелей. В АВПРИ особую ценность представляют документы фонда «Сношения России с Персией», в котором сосредоточены указы и рескрипты дипломатическим представителям и командованию Низового корпуса. Новые документальные данные также выявлены в фонде «Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина», хранящиеся в РГА ВМФ в Санкт-Петербурге.

В ЦГА РД документы извлечены из фондов «Комендант крепости Терки», «Комендант крепости Святого Креста», «Дербентский комендант», «Бакинский комендант», «Походная канцелярия генерал-лейтенанта В.Я. Левашова», «Кизлярская комендантская канцелярия». Документы данных фондов содержат подробные сведения о комплектовании гарнизонов войск Низового корпуса с указанием географии поступающих на службу рекрутов, данные о финансовом и продовольственном обеспечении войск, о выплатах дагестанским владетелям для обеспечения их лояльности к русским. Весьма ценными являются данные о налаживании производства вина, виноградарства, выращивании шафрана и других культур в садах императорского величества в Дербенте. Об уровне развития торговых отношений в регионе свидетельствуют извлечения из таможенных книг.

Новый сборник архивных документов по истории Персидского похода

В ходе реализации проекта был проработан большой объём архивных материалов, связанных с различными сюжетами российской имперской политики в юго-западных областях Каспия в первой трети XVIII в. Всё это позволило собрать большую базу источниковых данных по тематике проекта. Специфика источниковедческих исследований нашла отражение в опубликованном сборнике архивных документов и материалов [1].

Собранные в сборнике данные реконструируют российскую политику на западном и южном побережьях Каспия в 1722–1735 гг. в международном контексте, когда регион был завоёван и юридически признан за Российской империей, освещают имперский опыт управления и освоения региона, раскрывают цели и задачи российской дипломатии при взаимодействии с Персией и Османской империей, показывают политику выстраивания отношений российской администрации с кавказскими правящими элитами. Источники также позволяют выявить трудности в функционировании Низового корпуса, связанные с природно-климатическими факторами и сложным этнополитическим составом региона, воссоздать реакцию командующих войсками и комендантов крепостей на военно-политические события в регионе. Ряд документов отражает процессы комплектования, снабжения, финансирования императорских войск, содержит сведения о доходах и расходах на присоединённых к России прикаспийских землях.

В качестве приложения к сборнику опубликованы исторические карты земель на западном берегу Каспийского моря, описание похода императора Петра Великого и его войск в Западный Прикаспий, карта Каспийского моря, составленная капитанами флота К. Верденом и Ф. Соймоновым, планы крепостей, военных сооружений, гаваней. Составленные военными инженерами и картографами XVIII в. исторические карты, планы и чертежи кре-

постей, укреплений и гаваней являются ценнейшими источниками для изучения кавказско-каспийского вектора внешней политики Российской империи Петровской эпохи. Среди них особую ценность представляет военно-исторический плакат 1779 г. «Описание похода государя императора Петра Великого к лежащим при Каспийском море персидским провинциям», иллюстрированный планами прикаспийских городов, крепостей и картой Каспийского моря. В.В. Комаров [2] опубликовал текстовую часть военно-исторического плаката, археографическую публикацию плаката из собрания Отдела рукописей Библиотеки Академии наук осуществила Л.Л. Муравьёва [3]. Картографическая часть и иллюстрации плаката до последнего времени оставались без внимания, в то время как рукописный текст и карта Каспийского моря (ил. 1), планы городов и крепостей составляют две тесно связанные между собой части плаката 1779 г., составленные на основе источников, современных описываемым событиям. Нам удалось восполнить этот пробел. В процессе работы над проектом в фонде РГВИА был выявлен и опубликован целиком военно-исторический плакат 1779 г. в сборнике документов.

Промежуточным итогом работ по проекту явилась монография, посвящённая истории Дербентского гарнизона [4]. В ней показана история пребывания российских императорских войск в юго-западных областях Каспийского моря в первой трети XVIII в. на примере Дербентского гарнизона, обеспечивавшего, как и другие имперские институты, присутствие российской власти в регионе. Исследуются сюжеты, связанные с формированием и деятельностью Дербентского гарнизона, созданного Петром Великим, на основании анализа деятельности комендантов Дербента и других военных чинов, являвшихся проводниками российской власти в регионе, показана сущность имперского опыта управления городом. В приложении к работе даются выявленные участниками проекта

Ил. 1. Карта Каспийского моря с указанием маршрутов Персидского похода Петра I, экспедиций в Решт и Баку 1722–1723 гг.

в фондах федеральных архивов гравюра и три плана города Дербента и его крепости 20-х гг. XVIII в., на которых отмечено размещение российских войск в городе, план проекта дербентского порта и бастии

она/шанца на берегу моря, а также военно-политические карты региона Петровской эпохи, публикуемые впервые. Монография уже успела получить высокую оценку у историков-кавказоведов [5].

Новые сюжеты истории кавказско-каспийской политики Петра I

Историографический обзор проблемы Персидского похода Петра I и его последствий [6] позволил выявить наиболее слабо разработанные аспекты проблемы, показать новаторские оценки авторов разных исторических эпох и актуализировать новые сюжеты. С учётом новых документальных данных была проведена научная разработка новых сюжетов Персидской кампании Петра Великого и её итогов, не затронутых или мало исследованных предшественниками.

Одним из последствий похода Петра I, которое до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей, стало возникновение российско-турецкого пограничья (фронтир) в Восточном Закавказье. Применение новых подходов в исследованиях, связанных с теорией контактных (фронтирных) зон или пограничья, дало возможность акцентировать внимание на сложности демаркации пограничной линии и изучить реакцию местных сообществ и политических элит, оказавшихся по обе стороны границы. Новая пограничная линия, разделившая исторически формировавшиеся кавказские и персидские общества без учёта сложившихся традиций ведения хозяйства и этнокультурных контактов, привела к сложной и изменчивой пограничной жизни в регионе. Местные общества и их элиты, оказавшись по обе стороны пограничья, не стали мириться с новым порядком [7, с. 106].

В процессе архивно-эвристической работы в фонде 846 РГВИА была выявлена составленная геодезистами Петровской эпохи карта с указанием демаркации кавказских территорий между Российской и Османской империями, которая называется «Карта о границе, сочиненной в Ширвани»¹ (ил. 2). Археографическое описание карты выполнил Л.А. Гольденберг [8], но сама карта не была издана. На ней обозначена часть Каспийского

моря от Дербента до Баку и прилегающая с запада к морю территория. Красной прямой линией на карте очерчена граница между двумя государствами в соответствии с теми условиями, которые содержит первая статья Константинопольского договора 1724 г. Большие красные точки на этой линии обозначают поставленные пограничные знаки. Пунктирная красная линия позади Дербента и от реки Самур означает, что демаркация границы ещё не закончена в этой зоне.

В Дагестане под власть турок переходили владения Сурхай-хана Казикумухского, лезгинское общество Ахты-пара и часть общества Алты-пара в верховьях р. Самур, а остальная часть Дагестана была признана за Россией. Под османской «порцией» также признавались Грузия и Ереванская провинция. Что касается Ширванской провинции с городом Шемаха, то она передавалась под власть лезгинского владельца Хаджи-Дауда под протекторатом Османской империи.

Относительно новым сюжетом истории присутствия российской власти в Западном Прикаспии является реконструкция имперской управленческой практики на присоединённых к России прикаспийских землях. Укрепление позиций российской власти включало целый комплекс мероприятий: обращения и призывы к населению не следовать за «бунтовщиками», выплата вознаграждений и оказание царской милости лояльным владельцам, внедрение института аманатства (заложничества), сбор информации с помощью шпионов, купцов. Российская власть в Западном Прикаспии в основном поддерживалась с помощью армии как одного из ключевых имперских институтов. Нездоровый и непривычный для русского солдата климат и соответственно большие потери среди войск от болезней, отдалённость Западного Прикаспия от основной части Российской империи, что превращало регион в «заморскую» периферию, отсутствие

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20501. Л. 18.

Ил. 2. Карта демаркации российско-османской границы в Восточном Закавказье в 20-е гг. XVIII в.

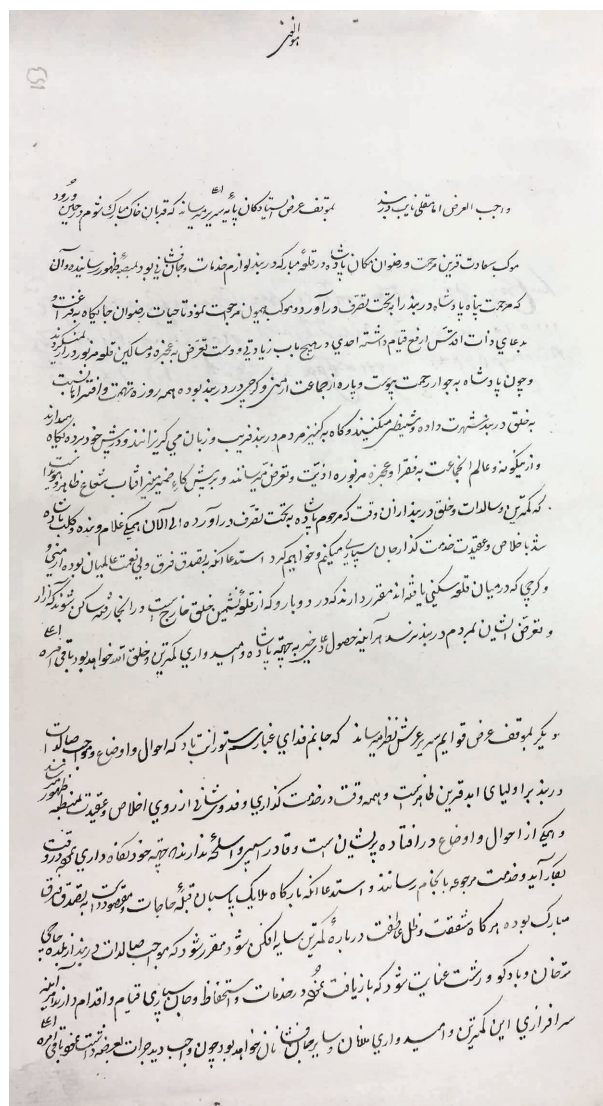
надёжных коммуникаций для пополнения личного состава гарнизонов и их продовольственного обеспечения, этнополитическая разобщённость региона, нежелание местного населения подчиняться «чужой» власти, противостояние персидских и турецких властей создавали серьёзные трудности в управлении регионом.

В рамках исследований по проекту проанализирована роль одной из незаурядных личностей Петровской эпохи – коменданта Дербента Андрея Томасовича Юнгера [9] («птенца гнезда Петрова») в управлении и хозяйственно-экономическом освоении города и его округа, одного из немногих, кто продолжил дело императора после

его смерти. А.Т. Юнгер – «русский европеец», сын шотландца, родился в России. Его дед Эрчвалд (Арчвалд) Юнгер в 1636 г. приехал «в Москву порутчиком из шотландской земли» и поступил на русскую службу. Сын Эрчвальда, отец Андрея Юнгера, Томас (Фома) также служил в русской армии, дослужился до звания полковника.

В должности коменданта Дербента, по данным исследователя М.В. Бабича, А.Т. Юнгер находился с 29 августа 1722 г. по июль 1730 г. [10, с. 42]. Однако на основе архивных источников нам удалось внести некоторое уточнение в данный вопрос, а именно, что 18 марта 1728 г. комендантом Дербента был назначен полковник фон Лукей, пожалованный в бригадиры, и занимал он эту должность до января 1729 г., пока не скончался от полученных ран. В это время А.Т. Юнгер был назначен обер-комендантом Астрахани. После смерти фон Лукея А.Т. Юнгер вновь был назначен на должность дербентского коменданта. Таким образом, А.Т. Юнгер находился в должности коменданта Дербента с августа 1722 г. по июль 1730 г. с перерывом с марта 1728 г. по январь 1729 г. После смещения с должности коменданта Дербентского гарнизона князь В.В. Долгоруков назначил А.Т. Юнгера астраханским обер-комендантом. Анализ деятельности А.Т. Юнгера в должности коменданта Дербента показывает, что он был хорошим управленцем, которому удавалось решать многие задачи, поставленные центральным правительством, а сложные вопросы всегда старался урегулировать мирным путём. А.Т. Юнгер являлся образцовым петровским офицером.

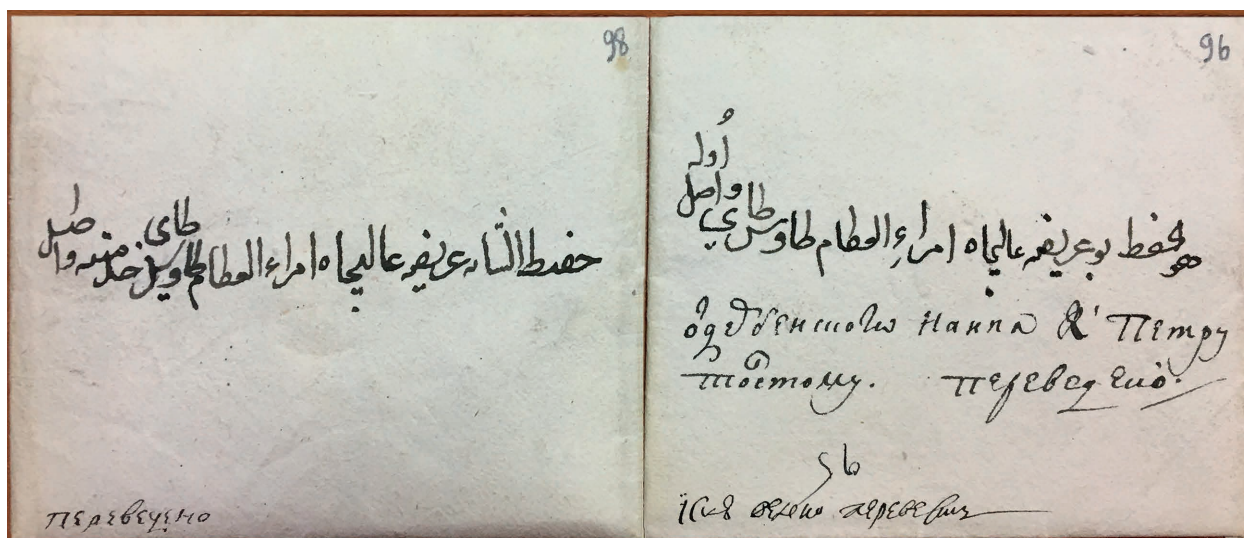
Впервые в российской историографии изучена политическая деятельность правителя (наиба) Дербента Имама Кули-бека [11], сыгравшего ключевую роль в мирной сдаче города Петру Первому, незаслуженно преданная забвению; выяснен характер его взаимоотношений с российской центральной и региональной властью, что позволило углубить и расширить исторические знания о событиях на Восточном

Ил. 3. Прошение дербентского наиба
Имама Кули-бека, поданное
в Санкт-Петербурге 24 декабря 1726 г.

Кавказе, связанные с имперской политикой в регионе в первой трети XVIII в.

Дербентский наиб, служивший при прежней персидской администрации, удачно перестроился под новые военно-политические реалии, перейдя на службу империи и сохранив за собой должность наиба при новой власти. Политическая позиция наиба в сложившейся международной ситуации была единственно верной, он склонился к сдаче города без боя. Благодаря его действиям жители Дербента сохранили своё имущество и положение, перешли под покровительство сильной державы, получили возможность свободной

Ил. 4. Донесение дербентского наиба Имама Кули-бека Петру Толстому от 7 мая 1727 г.

торговли в России. Горожанам не было смысла оказывать военное сопротивление многочисленной, сильной, хорошо организованной петровской армии – в противном случае их ожидала тяжёлая, губительная участь. В качестве такого примера можно привести осаду Баку в июле 1723 г., когда после отказа от сдачи начался артиллерийский обстрел, продолжавшийся несколько дней и вызвавший гибель защитников и горожан, разрушения и пожары. В итоге начальник гарнизона (юзбаша) Дергах Кули-бек объявил о сдаче города, а жители Баку приветствовали русских солдат [12, с. 94–95].

В отличие от ряда дагестанских владетелей, у которых была возможность не проявлять лояльность Петру I и чьи владения не входили в сферу его интересов, с Дербентом дело обстояло иначе. Имевший особое стратегическое значение Дербент изначально входил в число городов, которые Петр I планировал присоединить к Российской империи, взятие его было одной из важнейших задач Персидской кампании. Мощь и сила русских войск, заблаговременно разосланный императорский манифест, гарантии безопасности обусловили решение дербентского наиба с первых дней вступления россий-

ских войск в Дагестан выразить свою покорность государю Петру Великому. Наиб Имам Кули-бек в виду очевидного превосходства сил Петра предпочитал диалог сопротивлению. Имперская власть в свою очередь высоко оценила позицию наиба, проявив благосклонность не только к наибу, но и ко всем горожанам. Наибу была предоставлена возможность служить империи и даже осуществить визит ко двору императрицы Екатерины I. Во время визита дербентского правителя ко двору императрицы он был пожалован чином генерал-майора и причислен к дворянскому сословию за его верные услуги перед российской властью. Также были удовлетворены все его прошения¹ (ил. 3, 4). Политическая деятельность дербентского правителя Имама Кули-бека стала образцом служения российской власти представителей иноэтнических групп.

Важным направлением современной историографии являются проблемы коммеморации, изучение образа Петра Великого в российской исторической памяти. В этом плане в рамках исследования по проекту выяснено место, в том числе методом социологического опроса, первого российского императора Петра I в исторической памяти дагестанцев,

¹ Архив внешней политики российской империи. Ф. 77. Сношения России с Персией. 1727 г. Оп. 77/1. Д. 16.

а также восстановлен образ государя на момент Персидского похода [13]. Петровская эпоха и личность императора глубоко запечатлелись в исторической памяти народов Дагестана. Это проявилось в широком бытовании исторических преданий, сказок, существовании топонимов, памятников и памятных мест, связанных с Петром I.

Заключение

Конечным результатом работ по проекту стало издание коллективной монографии [14], в которой представлены новейшие результаты исследования кавказско-каспийского вектора внешней политики Петра Великого и его преемников в первой трети XVIII в. Работа написана на осно-

ве широкого круга источников, большая часть которых впервые вводится в научные оборот.

Исследования в рамках выполнения проекта базировались на комплексе подходов, включавшем кроме традиционных общесторических методов комплекс историковедческих методик, историографическое осмысление проблемы, историко-антропологический подход, теорию фронта, междисциплинарное направление Memory studies, которое исследует формирование представлений о прошлом, передачу этих данных из поколения в поколение. Полученные научные результаты соответствуют мировому уровню исследований и разработок в области гуманитарных наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): Сборник архивных документов / Сост. Е.И. Иноземцева, Ш.А. Магарамов, Н.Д. Чекулаев. Махачкала: МавраевЪ, 2020.
2. Комаров В.В. Персидская война 1722–1725 гг. М.: Тип. «Катков и К°», 1867.
3. Муравьёва Л.Л. Военно-исторический плакат XVIII века о Персидском походе Петра I // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 393–415.
4. Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735). Махачкала: Лотос, 2021.
5. Клычников Ю.Ю. «Нелицемерною любовью приняли...»: 300-летие похода императора Петра Великого на Каспий (к оценке новинки отечественного кавказоведения: Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735). Махачкала: Лотос, 2021) // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 233–247.
6. Магарамов Ш.А. Историография Персидского похода Петра Великого 1722–1723 гг. и его последствий (к 300-летию похода) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 3. 2021. С. 581–605.
7. Магарамов Ш.А. Российско-османское пограничье в Восточном Закавказье в 20–30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтальных исследований. 2022. № 1. С. 94–109.
8. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 115–140.
9. Магарамов Ш.А., Магомедов Н.А. Комендант Дербента А.Т. Юнгер (1722–1730 гг.): опыт управленческой практики // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: Материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов. Ростов-на-Дону, 2021. С. 133–134.
10. Бабич М.В. Андрей Юнгер, или о предках Эраста Фандорина в эпоху Петра Великого и его преемников // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 38–49.

11. Магарамов ША. «О верности его известно всем»: политическая деятельность наиба Дербента Имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. Т. 18. № 2. 2022. С. 306–322.
12. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010.
13. Полчаева Ф.А., Касымов Дж.А. Образ Петра I в исторической памяти населения Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 4. 2020. С. 888–899.
14. Магарамов ША., Кидирниязов Д.С., Чекулаев Н.Д., Сефербеков М.Р., Полчаева Ф.А., Магомедов Н.А., Абдусаламов М.-П.Б. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в XVIII в. / Под общ. ред. ША. Магарамова. Махачкала: Лотос, 2022.

Caucasian–Caspian Region in the Politics of the Russian Empire in the First Decade of the 18th Century

Sharafutdin Arifovich Magaramov – Candidate of Science (History), senior researcher at the Dagestan Federal Research Center RAS, head of the project ‘Peter the Great in the History of the Caucasian–Caspian Region’ (20-09-42023).

E-mail: sharafetdin80@mail.ru

The article focuses on the latest findings of the study on the Caspian foreign policy direction of the Russian Empire under Peter the Great. The heuristic work in the federal and regional archives of Russia helped to identify and introduce to academia over 300 original documents that allow to study the Russian policy in the south-western areas of the Caspian Sea in the first third of the 18th century, which became Russian territories after the Persian campaign. Detailed analysis of sources on the Persian campaign and stationing of Russian troops in the Caspian region, first in historiography, revealed the most unrenowned subjects and allowed to study those using newly discovered documented data with the application of new methodological approaches.

The author studies the administrative practice in the Russian Empire in the Caspian region in 1722–1735, showing the challenges of governing the region associated with the natural and geographical aspects, the remoteness of the region from the main part of the state and the ethno-political structure of the annexed territories. The Persian campaign of Peter the Great resulted in the emergence of a Russian-Turkish frontier in the eastern Transcaucasia, which separated the historically developed Caucasian and Persian communities disregarding their economic traditions and ethnocultural contacts, leading to a complex and volatile frontier situation in the region. The study of the behavioural actions of various actors in the frontier region allowed to determine their attitude to the emergence of the Russian and Ottoman empires in the Western Caspian region. The author analyses the specifics of the dual administrative system established in Derbent after it was annexed to Russia in 1722, where both a representative of the local authority via the naib and the imperial commandant performed administrative functions. For the first time in Caucasian studies, the article reconstructs the image of Peter the Great in the historical memory of Dagestanis of the present and of the time of the campaign.

As a result of the project, two these and a collection of archive documents and materials have been published.

Keywords: Caucasian–Caspian region, Petrine era, Peter the Great’s Russo-Persian war, new sources, research findings

REFERENCES

1. Zapadniy Prikaspii v sostave Rossiiskoi imperii (1722–1735 gg.): Sbornik arkhivnykh dokumentov / Sost. E.I. Inozemtseva, Sh.A. Magaramov, N.D. Chekulaev. Makhachkala: Mavraev", 2020 (in Russian).
2. Komarov V.V. Persidskaya voina 1722–1725 gg. M.: Tip. «Katkov i K°», 1867 (in Russian).
3. Murav'yova L.L. Voенно-istoricheskii plakat XVIII veka o Persidskom pokhode Petra I // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. M., 1962. S. 393–415 (in Russian).
4. Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. Istoriya Derbentskogo garnizona Rossiiskoi imperatorskoi armii (1722–1735). Makhachkala: Lotos, 2021 (in Russian).
5. Klychnikov Yu.Yu. «Nelitsemernoyu lyuboviyu prinyali...»: 300-letie pokhoda imperatora Petra Velikogo na Kaspii (k otsenke novinki otechestvennogo kavkazovedeniya: Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. Istoriya Derbentskogo garnizona Rossiiskoi imperatorskoi armii (1722–1735). Makhachkala: Lotos, 2021) // Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». 2022. № 2. S. 233–247 (in Russian).
6. Magaramov Sh.A. Istoriografiya Persidskogo pokhoda Petra Velikogo 1722–1723 gg. i ego posledstvii (K 300-letiyu pokhoda) // Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza. T. 17. № 3. 2021. S. 581–605 (in Russian).
7. Magaramov Sh.A. Rossiisko-osmanskoe pogranich'e v Vostochnom Zakavkaz'e v 20–30-e gg. XVIII v.: problemy razgranicheniya, reaktsiya pogranichnykh soobshchestv // Zhurnal frontirnykh issledovaniy. 2022. № 1. S. 94–109 (in Russian).
8. Gol'denberg L.A. Rukopisnye karty i plany XVIII v. kak istochnik po istorii goroda Derbenta // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g. M., 1964. S. 115–140 (in Russian).
9. Magaramov Sh.A., Magomedov N.A. Komendant Derbenta A.T. Yunger (1722–1730 gg.): opyt upravlencheskoi praktiki // Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura: Materialy VIII Mezhdunarodnogo foruma istorikov-kavkazovedov. Rostov-na-Donu, 2021. S. 133–134 (in Russian).
10. Babich M.V. Andrei Yunger, ili o predkakh Erasta Fandorina v epokhu Petra Velikogo i ego preemnikov // Petrovskoe vremya v litsakh – 2005: Materialy nauchnoi konferentsii. SPb., 2005. S. 38–49 (in Russian).
11. Magaramov Sh.A. «O vernosti ego izvestno vsem»: politicheskaya deyatelnost' naiba Derbenta Imama Kuli-beka // Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza. T. 18. № 2. 2022. S. 306–322 (in Russian).
12. Kurukin I.V. Persidskii pokhod Petra Velikogo: Nizovoi korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735). M.: Kvadriga; Ob"edinyonnaya redaktsiya MVD Rossii, 2010 (in Russian).
13. Polchaeva F.A., Kasymov Dzh.A. Obraz Petra I v istoricheskoi pamyati naseleniya Dagestana // Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza. T. 16. № 4. 2020. S. 888–899 (in Russian).
14. Magaramov Sh.A., Kidirniyazov D.S., Chekulaev N.D., Seferbekov M.R., Polchaeva F.A., Magomedov N.A., Abdusalamov M.-P.B. Kavkazsko-Kaspiiskii region v politike Rossiiskoi imperii v XVIII v. / Pod obshch. red. Sh.A. Magaramova. Makhachkala: Lotos, 2022 (in Russian).

Индекс УДК 7.034.7

Код ГРНТИ 18.07.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-20-30

Е.А. ТЮХМЕНЕВА*

Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время

В ходе реализации проекта были исследованы сферы придворной художественной культуры России первой четверти XVIII в., связанные с оформлением нового государственного церемониала. Авторами впервые охвачены практически все ключевые церемонии, регламентирующие жизнь монарха и его семьи: коронационные, брачные и погребальные, викториальные триумфы и торжественные встречи, организованные как в России, так и в других странах. В работе прослеживается становление основных принципов праздничного и траурного убранства и по возможности — их дальнейшее развитие на протяжении XVIII столетия. Отдельное внимание уделяется символам власти и наградным знакам, а также ювелирному искусству при российском дворе. На основе собранных материалов удалось выявить обстоятельства создания и бытования целого ряда графических произведений, регалий, орденов и драгоценных обрамлений жалованных «персон», уточнить типологию и терминологию ювелирных украшений, значительно восполнить существующие представления о деятельности мастеров, выполнявших заказы Романовых.

В процессе работы участники проекта ввели в научный оборот неопубликованные графические и письменные материалы, новые фактические данные и имена, сделали ряд атрибуций и уточнений, в том числе по вопросам терминологии.

Результаты проведённого исследования представлены в изданной коллективной монографии, содержащей помимо авторского текста приложения с публикацией документов XVIII в. и богатый иллюстративный ряд (более 330 изображений): Тюхменева Е.А., Быкова Ю.И. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М.: БуксМАрт, 2022. — 448 с.: ил.

Ключевые слова: Пётр I, императорский двор, церемониал, коронация, погребение, триумф, бракосочетание, праздничное убранство, фейерверк, иллюминация, символы власти, регалии, наградная система, орден Св. Андрея Первозванного, ювелирное искусство

* **Тюхменева Екатерина Александровна** — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, руководитель проекта «Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время» (20-012-42023).

E-mail: tyukhmeneva@mail.ru

Основы императорского двора в России были заложены в годы правления Петра I в результате значительной реорганизации царского двора [1]. Коренные перемены затронули прежде всего сферу официальной придворной жизни, старомосковскими традициями которой молодой монарх начал пренебрегать с 1690-х гг. В конце XVII – первой четверти XVIII в. происходило становление новой, ориентированной на европейские образцы системы государственных праздников и придворных церемоний [2–7]. Это повлекло за собой выработку соответствующих принципов их художественного оформления, появление новых направлений в искусстве и особых творческих кадров, способных отвечать на возникавшие запросы двора.

Актуальность, научная новизна и методы работы

Актуальность предпринятого исследования обусловлена всё нарастающим в последнее время интересом к изучению роли Петровской эпохи и лично Петра I в развитии церемониальной и праздничной культуры российского императорского двора XVIII–XIX вв. Несмотря на определённое внимание к отдельным вопросам [8–16], отмеченная проблематика ещё не становилась предметом обобщающего искусствоведческого анализа. Проведённая работа является первым опытом комплексного исследования, охватывающего все наиболее важные события, связанные с жизнью монарха и его семьи, – коронационные, брачные и погребальные, а также военные триумфы и торжественные встречи, орга-

низованные как в России (Москве и Санкт-Петербурге), так и в других странах (ил. 1). При этом рассмотрены не только временное убранство светских и церковных интерьеров и городского пространства, фейерверки и иллюминации, но и символы власти – в основном регалии и орденские знаки, задействованные в церемониях, наградные «персоны». Отдельное внимание уделено развитию ювелирного искусства при российском дворе во второй половине XVII – первой трети XVIII в. и воссозданию биографий мастеров, трудившихся по заказам Романовых.

На подходы и методы работы над проектом во многом повлияла специфика самого объекта исследования: церемониальное и праздничное убранство, фейерверочное и иллюминационное искусство носило временный (окказиональный) характер и практически не дошло до наших дней, за исключением единичных артефактов. Не сохранилось и большинство ювелирных произведений, в том числе знаков императорской власти. Вследствие этого работа была нацелена на поиск и изучение изобразительных и письменных материалов, хранящихся в архивных, музейных, библиотечных и частных собраниях в России и за рубежом¹, что позволило представить существовавшую некогда грандиозную картину государственных торжеств. Исследование предполагало прежде всего научную реконструкцию, опирающуюся на уже имеющиеся и обнаруженные участниками проекта источники, с применением искусствоведческого, историко-культурного, а также элементов источниковедческого, иконографического

¹ Библиотека Российской академии наук, Воронежский областной художественный музей имени И.Н. Крамского, Государственная Третьяковская галерея, Государственный исторический музей, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Государственный музей-заповедник «Петергоф», Государственный Русский музей, Государственный Эрмитаж, Гохран России, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Музеи Московского Кремля, Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Российская государственная библиотека, Российская национальная библиотека, Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Российский государственный архив древних актов, Российский государственный исторический архив, Саратовский государственный художественный музей им. А.И. Радищева, Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Национальный музей (Стокгольм, Швеция), Метрополитен-музей (Нью-Йорк, США), Рейксмузеум (Амстердам, Нидерланды) и др.

Ил. 1. А. Шторк. Визит московского посольства в Амстердам. 19/29 августа 1697 г. 1697–1708. Холст на панели; масло. Рейксмюсеум, Амстердам

и иконологического анализом. Внимание авторов концентрировалось на наименее изученных вопросах, направление исследования нередко диктовал неопубликованный материал, обнаруживаемый в процессе работы.

Основные положения проекта были изложены в докладах на научных конференциях, симпозиумах, круглых столах и семинарах, опубликованы в тезисах докладов и десятке статей [17]. Итоговые результаты проведённого исследования представлены в изданной монографии: Тюхменева Е.А., Быкова Ю.И.¹ *Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения.* М.: БуксМАрт, 2022. — 448 с.: ил. Помимо авторского текста книга содержит приложения с публикацией документов XVIII в., именной указатель и бо-

гатый иллюстративный ряд (более 330 изображений), включающий редкие или никогда не публиковавшиеся материалы.

Проблематика и хронологические границы работы

Вынесенное в название проекта понятие «придворная художественная культура» не исчерпывается тем, что представлено в монографии, оно значительно шире и распространяется на все сферы творческой деятельности, связанные с государственным двором, — от архитектуры до гастрономии. Однако избранным для исследования направлениям в Петровскую эпоху придавали чрезвычайно серьёзное значение. Решение церемониального и праздничного убранства, атрибутов власти и наградных знаков демонстрировало положение монарха и правящей династии в це-

¹ Быкова Юлия Игоревна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Музеев Московского Кремля, исполнитель того же проекта.

лом. Вместе с тем оформление торжеств, фейерверки и иллюминации, имевшие развёрнутые панегирические программы, помогали оперативно внедрять важные государственные идеи в сознание самой разнообразной публики в России и за её пределами. Создание церемониального и праздничного декора, государственных символов, орденов, жалованных «персон» и многих ювелирных украшений находилось под пристальным вниманием лично Петра I, его родственников и приближённых. Именно на примере анализируемых областей придворного искусства отчетливо прослеживается превращение царского, относящегося к средневековому этапу, в императорское, тяготеющее к общеевропейской культуре Нового времени.

Хронологические границы проведённого исследования порой выходят за рамки Петровской эпохи. Привлечение матери-

ала XVII столетия позволяет оценить роль древнерусской традиции в становлении придворного искусства следующего стадийного периода и чётко обозначить новшества, привнесённые реформами Петра I. Обращение к материалу второй половины 1720-х – начала 1800-х гг. даёт возможность увидеть эволюцию сложившихся в петровское время канонов (ил. 2). Тем более что часть начинаний первого российского императора была реализована позже, преимущественно в аннинское и елизаветинское царствования, когда, как считается, завершился процесс европеизации отечественной культуры.

Основные результаты исследования

Собранные участниками проекта материалы позволили выявить ключевые принципы художественного оформления

Ил. 2. Г.А. Качалов (по рис. Э. Гриммеля). Церемония коронации императрицы Елизаветы Петровны в Успенском соборе. 1744. Бумага; офорт, резец, акварель.

Из книги «Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в... Москву и... коронавания... императрицы Елисавет Петровны... 1742 года» (СПб., 1744). БАН

коронационных, свадебных и погребальных торжеств императорской фамилии, а также проследить их судьбу на протяжении всего XVIII столетия. В царствование Петра I во многом при личном участии монарха и его сподвижников были разработаны определённые модели праздничного и траурного убранства, сохранявшиеся с незначительными изменениями в последующий период. На развитие церемониального искусства в России оказал влияние целый ряд факторов, среди которых — наличие сильных национальных устоев и мощной художественной традиции, опора на европейские образцы, стилевая ситуация в искусстве, выбор места проведения торжеств (преимущественно в столицах), личный вклад заказчиков, инвенторов и мастеров-исполнителей. Имперские амбиции и богатые возможности Российского государства позволили создать значительные коронационные и погребальные ансамбли, которые заняли достойное место в истории общеевропейской придворной культуры Нового времени.

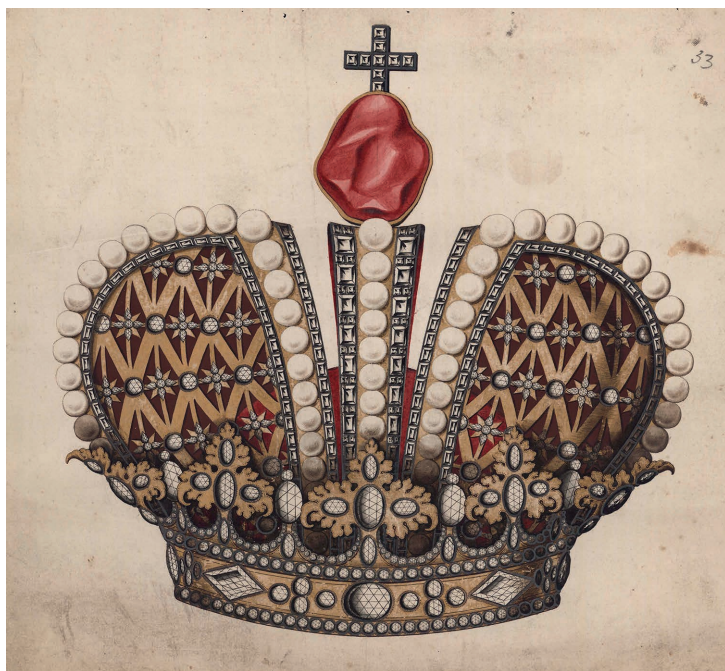
С конца XVII в. обязательным элементом праздничного государственного церемониала в России стало проведение огненных представлений. Значение фейерверков и иллюминаций в качестве мощного источника информирования, обладающего ярким пропагандистским характером, Пётр I осознал ещё в период своего первого путешествия по Европе в составе Великого Посольства. Построение огненных композиций велось по схожим с геральдическими изображениями нормам: с выделением центра, соблюдением вертикальной и горизонтальной иерархий и законов симметрии. Используя интернациональный язык иносказания, они не только прославляли Российское государство, но и отражали далеко идущие планы его монарха, нацеленного на утверждение имперского статуса страны. В основе большинства огненных спектаклей, устроенных за границей, лежал традиционный для польской церемониальной культуры той эпохи мотив триумфальной арки, а арсенал задействованных сюжетов и образов был

близок программам созданных в России праздничных комплексов (ил. 3). Сложившаяся при Петре I образная структура оброчальных и свадебных фейерверков и иллюминаций Дома Романовых сохранялась с незначительными изменениями вплоть до 1740-х гг.

Особый раздел исследования посвящён символам власти и их роли в церемониях коронации, бракосочетания и погребения представителей царской династии в России первой трети XVIII в. В петровское время начал складываться определённый круг государственных регалий, отличный от XVII столетия и имеющий внутреннюю субординацию. Вместе с тем некоторые их разновидности (например, Большая и Малая короны), характерные для Российской империи последующих периодов, ещё окончательно не сформировались. Корона, мантия и знаки «личной славы» — российские и иностранные ордена — являлись обязательным атрибутом парадного облачения не только правящего монарха, но и членов его семьи, включая женщин. Традиция разбора короны после каждой проведённой церемонии продолжалась до восшествия на престол Екатерины II.

На основе архивных документов были прослежены обстоятельства создания многих императорских корон, шитых звёзд и цепей ордена Св. Андрея Первозванного, уточнены вопросы типологии и терминологии ювелирных украшений, значительно восполнены имеющиеся представления о работе ювелиров по заказу Романовых в первой половине XVIII в. В тот период изготовлением Больших, Малых и погребальных корон в большинстве случаев занимались придворные «штатные» ювелиры под руководством золотых дел мастера С. Ларионова (ил. 4), а первая Андреевская орденская цепь была выполнена группой золотых дел мастеров И. Ориоттом, И. Цартом, Дж.-А. Вейсом и И.-К. Прейсом в 1724 г.

К развивавшейся в Петровскую эпоху новой наградной системе помимо орденских знаков стоит относить и жалованные «персоны». Подчеркнём, что под словом

Ил. 4. Корона императрицы Екатерины Алексеевны. 1724 (?).
Бумага; тушь, акварель, творёное золото. РГАДА

«персона» тогда подразумевали и живописные портреты, и медальерные образы. Как удалось установить, драгоценные оправы жалованных царских «персон» первой четверти XVIII столетия имели общий рисунок, восходящий к единому образцу — западноевропейским королевским наградам XVII в. Этот рисунок сохранялся в подобных наградах российских правителей и в дальнейшем. Над созданием алмазных обрамлений для жалованных «персон» петровского времени трудились в основном

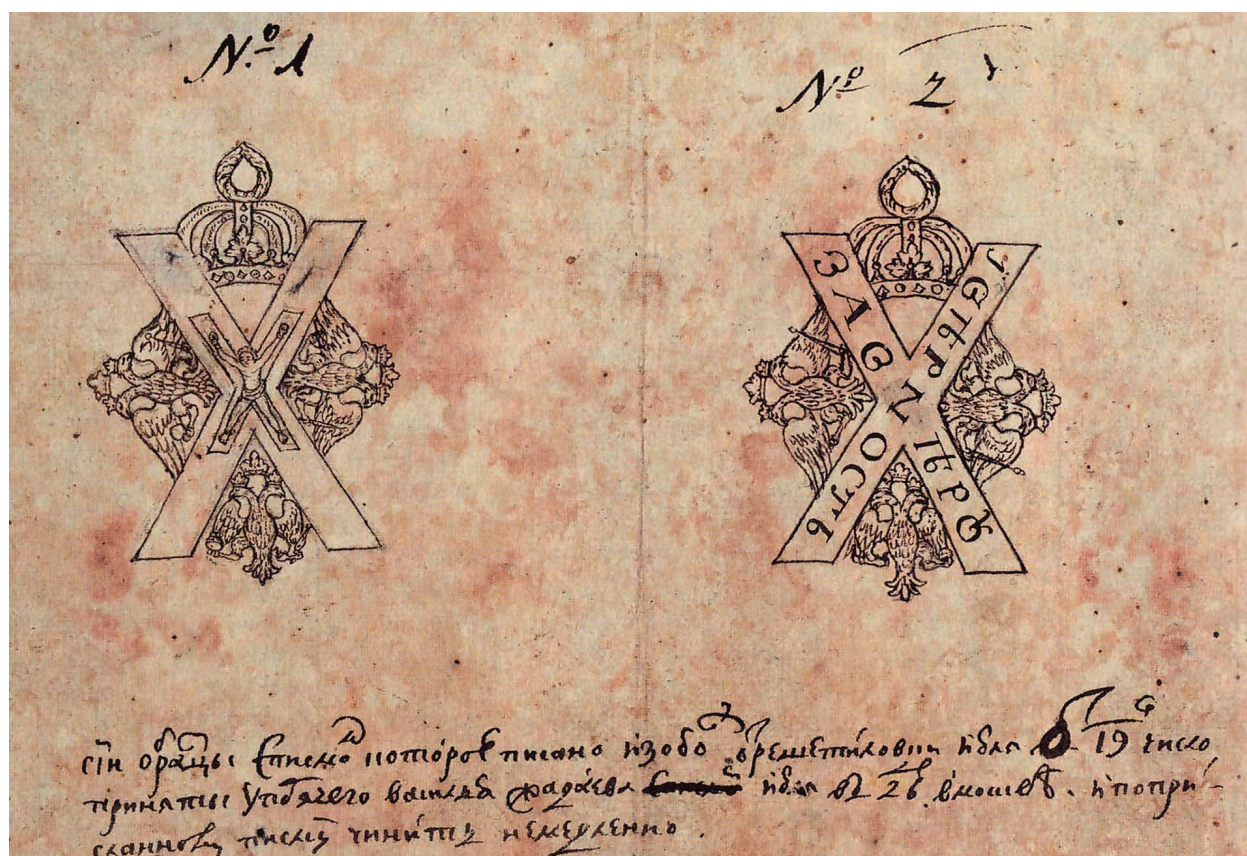
«иноземцы», прежде всего Я. Вестфаль, делавший и кресты ордена Св. Андрея Первозванного, а также К. Болдан и И. Яспер. В конце XVII – первой трети XVIII в. царский заказ выполняли несколько групп ювелиров, как состоявших на государственной службе, так и являвшихся «вольными» мастерами. Их пребывание преимущественно в Москве или Санкт-Петербурге зависело от того, где в тот момент размещался двор монарха. Также просматривается связь между отношением заказчика-правителя к придворной культуре и стилистикой произведений декоративно-прикладного искусства.

В процессе работы над проектом были введены в научный оборот новые материалы, сведения о кон-

кретных, ныне не существующих предметах, неизвестные имена и факты, предложена атрибуция ряда произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Например, удалось проследить обстоятельства создания и бытования в XIX в. рисунка кавалергарда эпохи Петра II и некоторых работ Х. Марселиуса, посвящённых коронации юного монарха (БАН). Важными находками оказались коронационный план Успенского собора Московского Кремля 1724 г. (РГАДА) и «печатный абрис» коро-

Ил. 5. Гравёры мастерской П. Пикарта (?). Жетон и медаль на коронацию Екатерины Алексеевны. 1724 (?). Оттиск начала 1740. Бумага; офорт. БАН

Ил. 6. Эскиз креста ордена Св. Андрея Первозванного. 1709. Бумага; чернила. РГАДА

национальной медали и жетона Екатерины Алексеевны (оттиск начала 1740 г., БАН), дошедший до нас, очевидно, в единственном экземпляре (ил. 5). Отмеченная гравюра медали и жетона, очевидно, была сделана специально для «Описания коронации» 1724 г., изданного в итоге без иллюстративного сопровождения [18]. В подготовленной участниками проекта монографии впервые собран и опубликован комплекс графических произведений, отображающих российские торжества на территории иностранных держав, при этом в ряде случаев были уточнены имена исполнителей листов и датировка.

Значимым открытием стал уникальный, ранее не публиковавшийся эскиз ордена Св. Андрея Первозванного 1709 г. (РГАДА), по которому ювелир Я. Вестфаль изготовил орденские кресты для кавалеров, награждённых за Полтавскую битву (ил. 6). На данный момент этот эскиз является единственным известным достоверным изображением ор-

денского креста петровского времени. Также были введены в научный оборот гравюры (БАН), подготовленные к альбому ордена Св. Андрея Первозванного – «Кавалерской книге» 1730-х гг., которая так и не была издана. Хотя упоминания о такой книге встречаются в литературе, точное местонахождение гравюр к ней при этом не указывается. Весьма показательным, что при её создании следовало ориентироваться на Коронационный альбом Анны Иоанновны [19]. Обнаруженный материал дополняет существующие сведения о знаках и церемониальном облачении кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного первой трети XVIII столетия.

Проведённое исследование не только позволяет обогатить имеющиеся представления о художественной жизни конца XVII – первой трети XVIII в., но и даёт возможность точнее определить реальный вклад Петровской эпохи и лично Петра I в процесс развития отечественного придворного искусства Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева О.Г. От царского Государева двора к императорскому двору XVIII века: эпоха Петра I // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 года / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 21–29.
2. Погосян Е.А. Пётр I — архитектор российской истории. (Серия «Территория культуры»). СПб.: Искусство–СПБ, 2001.
3. Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века (история триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы). М.: Эдиториал УРСС, 2002.
4. Тюхменева Е.А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
5. Агеева О.Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Голубев. М.: Институт российской истории РАН, 2006. С. 249–269.
6. Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008.
7. Амелёхина С.А. Церемониал коронации в Российской империи // Российская история. 2014. № 1. С. 74–94.
8. Матвеев В.Ю. «Разных художеств мастера» (новые архивные материалы к истории русской культуры первой четверти XVIII века) // Наука и культура в России: Сборник статей. Л.: ЛВВМИУ, 1984. С. 144–177.
9. Бобровницкая И.А. Первая императорская корона России // Мир музея. 1998. № 4 (162). С. 44–52.
10. Амелёхина С.А. Первый коронационный костюм в России // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. Вып. 2. М.: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2000. С. 20–30.
11. Амелёхина С.А. Церемониальный траурный костюм при Российском императорском дворе в эпоху правления Петра Великого // Пётр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 года / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 37–50.
12. Агеева О.Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII века // Феномен Петербурга: Сборник статей / Отв. ред. Ю.Н. Беспярых. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001. С. 491–505.
13. Аронова А.А. Императорский финал: Погребение Петра I как последнее придворное торжество государя-реформатора // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 108–141.
14. Агеева О.Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РГБ) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 38: Петровское время в лицах — 2007: Материалы научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. С. 5–13.
15. Алексеева М.А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII века. Изданные и неизданные альбомы // Алексеева М.А. Из истории русской гравюры XVII – начала XIX века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 283–293.
16. Агеева О.Г. Церемониал погребения царицы Прасковьи Фёдоровны: редкий документ по истории русского двора начала XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 78: Петровское время в лицах — 2015: Материалы научной конференции. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. С. 5–11.
17. Тюхменева Е.А., Быкова Ю.И. Путь к империи: становление придворной художественной культуры в России в петровское время. Церемонии, регалии, украшения. М.: БуксМАрт, 2022. С. 429–433.

18. Описание коронации ее величества императрицы Екатерины Алексиевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 Мая, 1724 году. СПб.: при Сенате, 1724.
19. Описание коронации ее величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля, 1730 году. М.: при Сенате, 1730.

A Path to Empire: Formation of the Art Culture at the Russian Court of Peter the Great

Ekaterina Aleksandrovna Tyukhmeneva — Candidate of Science (Art), senior researcher at the Research Institute of Theory and History of Fine Arts under the Russian Academy of Arts, head of the project «A Path to Empire: Formation of the Art Culture at the Russian Court of Peter the Great» (20-012-42023).

E-mail: tyukhmeneva@mail.ru

In the course of the project, the author investigates the area of Russian court art culture in the first quarter of the 18th century associated with the formation of the new state ceremonial. For the first time, the authors cover practically all key ceremonies regulating the life of the monarch and his family: coronation, marriage and funeral ceremonies, triumphs and ceremonial meetings organized both in Russia and abroad. The article follows the development of the major principles of festive and mourning decorations and — to the extent possible — their further development throughout the 18th century. Particular attention is paid to symbols of power and insignia, as well as the jewellery art at the Russian court. Based on the materials collected, the author uncovers the circumstances of the design and use of a number of graphic works, regalia, orders, and precious settings for the court jewels, elucidated the typology and terminology of jewellery, and significantly expanded the existing understanding of the work of the craftsmen who executed the royal orders of the Romanovs.

In the process of this research, the project team introduced the unpublished graphic and written materials, new facts and names, made a number of attributions and clarifications, including terminology.

The findings are presented in the published collective paper, which contains besides the authors' text the annexes comprising the publication of the 18th century documents and rich illustrations (more than 330 images): Tyukhmeneva E.A., Bykova J.I. A Path to Empire: Formation of the Art Culture at the Russian Court of Peter the Great. Ceremonies, Regalia, Jewels. Moscow: BooksMArt, 2022 — 448 p: illus.

Keywords: Peter the Great, Emperor's court, ceremony, coronation, burial, triumph, marriage ceremony, festive decorations, fireworks, illumination, symbols of power, regalia, award system, Order of St. Andrew the Apostle the First-Called, jeweller's art

REFERENCES

1. Ageeva O.G. Ot tsarskogo Gosudareva dvora k imperatorskomu dvoru XVIII veka: epokha Petra I // Petr Velikii: issledovaniya i otkrytiya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Znachenie preobrazovaniya Petra v novoi i noveishei istorii Rossii». Moskva, 17–19 maya 2022 goda / Otv. red. V.N. Zakharov. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2022. S. 21–29 (in Russian).
2. Pogosyan E.A. Petr I — arkhitektorskoi istorii. (Seriya «Territoriya kul'tury»). SPb.: Iskusstvo-SPB, 2001 (in Russian).

3. Zelov D.D. Ofitsial'nye svetskie prazdniki kak yavlenie russkoi kul'tury kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII veka (istoriya triumfov i feierverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety). M.: Editorial URSS, 2002 (in Russian).
4. Tyukhmeneva E.A. Iskustvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoi poloviny XVIII veka. Problemy pagniricheskogo napravleniya. M.: Progress-Traditsiya, 2005 (in Russian).
5. Ageeva O.G. Evropeiskie obraztsy i tseremonialy russkogo imperatorskogo dvora XVIII veka // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya. Vyp. 3 / Otv. red. A.V. Golubev. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2006. S. 249–269 (in Russian).
6. Ageeva O.G. Imperatorskii dvor Rossii, 1700–1796 gody. M.: Nauka, 2008 (in Russian).
7. Amelyokhina S.A. Tseremonial koronatsii v Rossiiskoi imperii // Rossiiskaya istoriya. 2014. № 1. S. 74–94 (in Russian).
8. Matveev V.Yu. «Raznykh khudozhestv мастера» (novye arkhivnye materialy k istorii russkoi kul'tury pervoi chetverti XVIII veka) // Nauka i kul'tura v Rossii: Sbornik statei. L.: LVVMIU, 1984. S. 144–177 (in Russian).
9. Bobrovnitskaya I.A. Pervaya imperatorskaya korona Rossii // Mir muzeya. 1998. № 4 (162). S. 44–52 (in Russian).
10. Amelyokhina S.A. Pervyi koronatsionnyi kostyum v Rossii // Problemy izucheniya pamyatnikov dukhovnoi i material'noi kul'tury. Vyp. 2. M.: Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik «Moskovskii Kreml'», 2000. S. 20–30 (in Russian).
11. Amelyokhina S.A. Tseremonial'nyi traurnyi kostyum pri Rossiiskom imperatorskom dvore v epokhu pravleniya Petra Velikogo // Petr Velikii: issledovaniya i otkrytiya. K 350-letiyu so dnya rozhdeniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Znachenie preobrazovaniya Petra v novoi i noveishei istorii Rossii». Moskva, 17–19 maya 2022 goda / Otv. red. V.N. Zakharov. M.; SPb.: Tsentri gumanitarnykh initsiativ, 2022. S. 37–50 (in Russian).
12. Ageeva O.G. Peterburgskii traurnyi tseremonial Doma Romanovykh v nachale XVIII veka // Fenomen Peterburga: Sbornik statei / Otv. red. Yu.N. Bespyatykh. SPb.: Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr «BLITS», 2001. S. 491–505 (in Russian).
13. Aronova A.A. Imperatorskii final: Pogrebenie Petra I kak poslednee pridvornoe torzhestvo gosudarya-reformatora // Iskustvoznaniye. 2007. № 3–4. S. 108–141 (in Russian).
14. Ageeva O.G. K istorii traurnogo tseremoniala Romanovykh petrovskogo vremeni: redkii risunok pogrebeniya predstavitel'nitsy tsarskoi sem'i (iz OR RGB) // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 38: Petrovskoe vremya v litsakh – 2007: Materialy nauchnoi konferentsii. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2007. S. 5–13 (in Russian).
15. Alekseeva M.A. Izobrazheniya koronatsionnykh i pogrebal'nykh tseremonii XVIII veka. Izdaniye i neizdaniye al'bomy // Alekseeva M.A. Iz istorii russkoi gravyury XVII – nachala XIX veka. M.; SPb.: Al'yans-Arkheo, 2013. S. 283–293 (in Russian).
16. Ageeva O.G. Tseremonial pogrebeniya tsaritsy Praskov'i Fyodorovny: redkii dokument po istorii russkogo dvora nachala XVIII veka // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: [T.] 78: Petrovskoe vremya v litsakh – 2015: Materialy nauchnoi konferentsii. SPb.: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2015. S. 5–11 (in Russian).
17. Tyukhmeneva E.A., Bykova Yu.I. Put' k imperii: stanovlenie pridvornoj khudozhestvennoj kul'tury v Rossii v petrovskoe vremya. Tseremonii, regalii, ukrasheniya. M.: BuksMART, 2022. S. 429–433 (in Russian).
18. Opisanie koronatsii ee velichestva imperatritsy Ekateriny Aleksievny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve 7 Maiya, 1724 godu. SPb.: pri Senate, 1724 (in Russian).
19. Opisanie koronatsii eya velichestva imperatritsy, i samodержitsy vs Rossiiskoi, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya, 1730 godu. M.: pri Senate, 1730 (in Russian).

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Индекс УДК 39+323.1+93
Код ГРНТИ 03.61.91; 12.09.09
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-31-47

**М.Ю. МАРТЫНОВА,
В.А. ТИШКОВ***

Наука о народах и национальная политика государства в эпоху СССР

В статье публикуются результаты исследования, посвящённого анализу особенностей взаимодействия науки о народах (этнологии, точнее, по терминологии того времени — этнографии) и советской национальной политики. Изучение роли отечественной этнографии в судьбе нашей страны, рассмотрение развития науки в контексте государственной стратегии развития общества базируются на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом». В ходе реализации проекта, выполненного при поддержке РФФИ и Российского исторического общества в рамках конкурса «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)» получены ответы на целый ряд исследовательских вопросов, дающих основание выявить роль научных разработок и творческой элиты в национальной политике. Работа носит во многом историографический характер. Авторы концентрируют внимание на анализе концептуальных подходов, на исканиях и достижениях российской этнографии в XX в. Характеризуется исследовательский инструментарий; в ракурсе национальной политики даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Прошедшее время позволяет говорить о значении отдельной личности, экспедиции, (арте)факта во всей сложности изучаемого спектра проблем. Прочитывая «светлые и тёмные» страницы истории науки, удаётся лучше понимать реальность, характерную для сегодняшних этнологических исследований. В сопоставлении с советским концептом нациестроительства становятся очевиднее возможности этнологии и перспективность её роли в современной России для формирования российской идентичности, выработки механизмов миграционной политики, адаптации детей мигрантов и т.д.

* **Мартынова Марина Юрьевна** — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — заведующая Центром европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН, руководитель проекта «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики СССР» (21-09-43116).

E-mail: martynova@iea.ras.ru

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: valerytishkov@mail.ru

Ключевые слова: СССР, история науки, национальная политика, этнография, народы России

В наши дни всё очевиднее становится актуальность и востребованность знаний и методов этнологической науки для выработки базовых основ управления обществом. Прикладное значение этнологии/антропологии существенно расширилось, и разнообразие сфер практического применения этнологических/антропологических знаний возросло. Сегодня уже никто не воспринимает этнологию как науку об экзотических народах. Параллельно с преобразованиями социальной действительности происходит пересмотр её предметной области, связей и отношений с другими отраслями знания, а также прикладных функций. Насколько при этом социум готов использовать научные результаты? Польза естественных и технических наук, пожалуй, не нуждается в обосновании. Роль общественных наук, роль науки в социальных преобразованиях – вопрос не столь однозначный. Мешают многообразие мнений, вариативность подходов, политическая заангажированность и ряд других обстоятельств. Нас как специалистов, профессионально занимающихся антропологической или этнической проблематикой, интересует практическая роль именно данного вида знаний [1].

Общеизвестно, что этнология имела практическую направленность даже тогда, когда она ещё не сложилась как особая дисциплина (XVIII – начало XIX в.). И в те времена работы учёных были ориентированы на изучение «туземных народов» с целью выработки способов управления ими. Научно-аналитическое осмысление социальных процессов в разные исторические периоды имело свои особенности.

Целью данной публикации является анализ вклада экспертной (этнологической) составляющей в нациестроитель-

ство советского общества, прикладного значения научного знания и его практических функций. В нашем исследовании обосновывается значимость науки при разработке государственной политики, в данном случае миссия этнографов в государственной национальной политике. С одной стороны, очевидна обусловленность предметного поля научных исследований установками, вытекавшими из директивных положений государства той ушедшей в историю эпохи. В то же время для теоретико-концептуального понимания места социального фактора в науке важно оценить возможности влияния российских учёных на специфику управления страной и разнородную динамику жизни составляющих её народов в период существования СССР.

Авторы исследования попытались осмыслить степень значимости мотивированной деятельности людей в историческом процессе, роль реализации целенаправленных планов и интеллектуальных программ усилиями государств, больших коллективов и отдельных личностей. Эта одна из форм социального творчества, роль политической импровизации недооценивалась поборниками онтологической природы человеческих деяний и глубоких исторических закономерностей, согласно которым глобальные события не могут быть результатом малых причин и субъективистских, личностных устремлений. Напомним, что так называемые крупные проекты всегда были в арсенале человеческой истории, в том числе в России. К таким судьбоносным проектам относится конструирование наций и государственное строительство. Как отмечал в 1918 г. выдающийся российский учёный и политик, академик Российской академии наук по Отделению истории и филологии П.Б. Струве, «нация

Ил. 1. Похороны «старого быта» во время проведения одного из советских праздников. Рязань. Фото 1920-х гг. Фотоархив ИЭА РАН

конструируется и создаётся национальным сознанием» [2].

Советский этнический проект и его академическая составляющая

С самого начала в советской национальной политике намечились две тенденции. Одна стремилась учесть сложную этническую структуру населения, интересы этногрупп и их элит, определить подходы к федерализации государства и его аппарата, другая — найти механизмы концентрации в центре функций контроля и унификации культурной сферы для реализации стратегических целей новой власти. Фундаментальной является проблема, в какой мере многоэтничность огромной страны обусловила её развитие «мимо» идеи национального государства, или же как политика и наука возвели этнический фактор на уровень «национального вопроса» и тем самым стали препятствием своего рода нормативному подходу к государственностроительству. Этнокультурный ком-

понент составлял важную часть политики государства на протяжении всего периода существования СССР. Курс на формирование общесоветского единства проводился на основе большевистской идеологии и социально-экономического, политического и культурного развития всех народов, обеспечения их социального равенства. Переход к советской общегражданской идентичности сопровождался изменением элементов этнонационального самосознания, социальной структуры народов, их быта и ценностных ориентаций.

Регулирование межэтнических отношений всегда было важной задачей и вместе с тем камнем преткновения для советской власти. Долгосрочный исторический эксперимент по строительству в СССР федерального государства на этнической основе требовал постоянного осмысления и теоретического анализа. У этого воплощавшегося на практике концепта были как реально-историческая подоплёка, так и политико-идеологические последствия. Теория и ме-

Ил. 2. Выпускники кафедры этнографии МГУ. Профессора (сидят, слева направо) С.А. Токарев, Е.М. Шиллинг, С.П. Толстов, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров среди студентов (стоят: Т.Трофимова, Л.В. Покровская, Л.Н. Чижикова). 1949 г.

тодика привязывания этничности к территории, казалось бы, представлялась и до сих пор представляется более чем интересным и вполне нейтральным занятием. Однако на её основе в истории нашей страны было осуществлено множество не только полезных, но и бессмысленных, даже разрушительных для государства практических дел, идеологических кампаний, не говоря уже о бесчисленных общественных дебатах и открытых конфликтах.

При размышлении над противоречивыми последствиями советского этнического проекта важным оказывается вопрос о его академической составляющей. В СССР «национальный вопрос» был возведён в ранг большой теории и фундаментальной политики. Ни одно национальное обществоведение в своей научной номенклатуре не отвело так называемой теории нации и национального вопроса того особого места, которое она заняла в советском обще-

ствоведении. Во всех вузах существовали соответствующие кафедры, для которых в огромном количестве готовились специалисты. Преподавание названных дисциплин было обязательным для всех факультетов всех вузов. В библиотеках страны под рубрикой «Национальная политика КПСС» стояли многочисленные каталожные шкафы с названиями книг, брошюр и авторефератов диссертаций. В стране была группа известных теоретиков (некоторые из них здравствуют и работают поныне), которые создавали не только фундаментальные сочинения на данную тему, но и разработки для очередных партийных съездов и документов. Этот раздел всегда присутствовал в отчётных докладах, программах партии и отражал определённую динамику государственностроительства. Научные сотрудники, в том числе и академические, с энтузиазмом комментировали решения и высказывания руководителей

государства и КПСС по развитию национальных отношений, хотя зачастую сами были их авторами.

Не оставались в стороне и учёные, предметной сферой которых являлось народоведение. Анализ развития этнологической науки приводит к выводу, что наука — и прежде всего академическая этнология — с первых лет советской власти оказалась вовлечённой в большой идеологический план «решения национального вопроса» на основе национального (читай — этнического) самоопределения и дружбы народов, во многом создав эмпирическую и теоретическую базу для «социалистического национализма» не на гражданской, а на этнической основе.

Становление государственной национальной политики и наука

После победы советской власти в Гражданской войне и её «триумфального шествия» на первое место в государственной (национальной) политике вышли вопросы землеустройства и восстановления экономики, социальной помощи населению, образования и культуры. Их этнокультурный аспект включал в себя помощь разорённым окраинам, подготовку «национальных кадров» для всех областей хозяйственной и общественной жизни, создание органов власти, совмещающих централизованное начало и этнонациональное представительство. Проблемы «политики коренизации», «социалистического национально-государственного строительства» и формирования советского народа как «нового типа исторической общности людей» — все эти темы требовали научного обоснования и осмысления.

Этнографам в те годы предписывалось изучение становления социализма в быту различных народов и расцвета их культуры. В этнографах (по их собственным высказываниям) видели не только учёных, исследующих культуру народов, но и за-

Ил. 3. М.М. Герасимов за работой. 1960-е гг.

щитников их интересов, активных просветителей, проводников знаний и прогресса. С этими целями в различных регионах страны были развёрнуты масштабные экспедиционные исследования. Инструментами, видами и формами исследовательских процедур стали анкетирование, экспедиционные выезды и экспертные оценки на местах расселения изучаемых этнических групп. Результатом стали полевые работы и издания, выполненные по заданиям Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, Института народов Советского Востока, центрального Музея народоведения и иных научных институций. Этнографическое знание оказалось востребованным в государственной деятельности, например при подготовке переписей населения страны: оно давало материал различным комиссиям при определении государственных границ и т.д.

Задача выявить и классифицировать «племенной состав населения» была поставлена властью ещё до Октябрьской революции. С инициативой осмыслить и представить этнический фактор в политико-государственном измерении выступила Российская академия наук. Образованная во время Первой мировой войны для выяснения границ расселения различных этни-

Ил. 4. Студенты-этнографы на полевой практике в Горьковской области. Среди них: Л.К. Гостиева, М.М. Керимова, М.Ю. Мартынова, О.Б. Наумова, А.И. Пика, Т.В. Таболина. Руководитель практики — Л.Б. Заседателева. 1974 г.

Ил. 5. Г.А. Сергеева среди женщин-доярок из г. Арчи, Чародинский р-н, Дагестан. 1963 г.

ческих общностей (в Латвии, Польше, Галиции, Буковине и в пограничной части Азиатской России) и составления этнических карт этих регионов, Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) сразу после Октябрьской революции осуществила важнейшее не только для этнологической науки, но и для политики государства и даже для его устройства «интеллектуальное предприятие», а именно — она положила на карту сложную этническую мозаику населения Российского государства, а затем — СССР.

В 1925 г., в связи с предстоящей переписью населения СССР, в КИПС была образована подкомиссия по подготовке к всеобщей переписи. Эта подкомиссия начала заниматься проблемами проведения демографической, сельскохозяйственной, промысловой переписей. Был разработан вопрос об учёте племенного состава населения СССР, и составлен список народностей СССР. Как пишет А.В. Псянчин, «деятельность Комиссии по изучению племенного состава населения России (а затем — СССР) как ведущего академического центра в системе Академии наук сыграла важнейшую роль в развитии советской этнографии, а также этнической картографии (как тематического вида картографии) в первой половине XX в.» [3].

Созданный в 1918 г. Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) занимался культурно-языковыми запросами населения и его общим просвещением. Именно эта структура в начале 1920-х гг. стала ключевой в общении центральной власти с региональными местными этноэлитами, добивавшимися разной степени политического самоопределения, зачастую в его сепара-

Ил. 6. В интернате. г. Дудинка, Таймыр. Г.А. Аксянова. 1976 г.

Ил. 7. Начальник Прибалтийской экспедиции Л.Н. Терентьева загружает в машину этнографические экспонаты. 1980-е гг.

тистском варианте. Сотрудники Наркомнаца, в свою очередь, искали и применяли разные способы и инструменты этнополитики, во многом ставшие затем общим достоянием институтов власти.

Ил. 8. Экспедиционный выезд в Пермскую область.
Г.Н. Чагин, И.В. Власова, И.А. Кремлева,
Т.С. Макашина, Т.А. Листова. 1981 г.

Ил. 9. И.В. Власова, И.А. Кремлева, М.С. Макашина
после прибытия в старообрядческий скит Дий,
Пермский край. 1982 г.

В дальнейшем, на протяжении всего периода существования советского государства этнический фактор в политике был актуален и значим. Иерархизация этнополитической структуры общества потребовала более чёткого определения статуса меньшинств и их места в административно-территориальной системе СССР. Осуществлялось масштабное этнотерриториальное структурирование регионов. Создание сельских советов для этнических меньшинств власть рассматривала как один из главных результатов решения национального вопроса в СССР. В 1920–1930-е гг. происходили многократные административно-территориальные из-

менения: вместо губерний и округов создавались области и шло их районирование, происходил обмен территориями между субъектами федерации, создавались новые этнотерриториальные образования, менялся их статус.

С начала 1930-х гг. этнографы приступили к разработке проблем, связанных с социалистической современностью, — новым бытом крестьянства разных национальностей, изучались вопросы труда и быта колхозного крестьянства и рабочих. Подтверждением значимости для страны этнологических исследований можно считать и факт создания на базе Музея антропологии и этнографии и Института по изучению народов СССР в 1933 г. Института антропологии и этнографии АН СССР (с 1937 г. — Институт этнографии АН СССР, с 1990 — Институт этнологии и антропологии АН СССР, с 1992 г. — Институт этнологии и антропологии РАН).

Одним из очевидных и драматических проявлений национального самосознания народов Советского Союза был их патриотизм в годы Великой Отечественной войны. Представители всех народов общей для них Родины встали на её защиту и внесли вклад в победу над нацизмом. Вместе с тем мрачной страницей истории многонационального Советского государства стала депортация ряда народов, необоснованно обвинённых в предательстве. Тема народа и патриотизма в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. была многократно освещена в исторических исследованиях.

Концептуальные подходы послевоенного этапа советского народоведения

Послевоенный период в истории советского народа — время сложных и противоречивых процессов, которые до сих

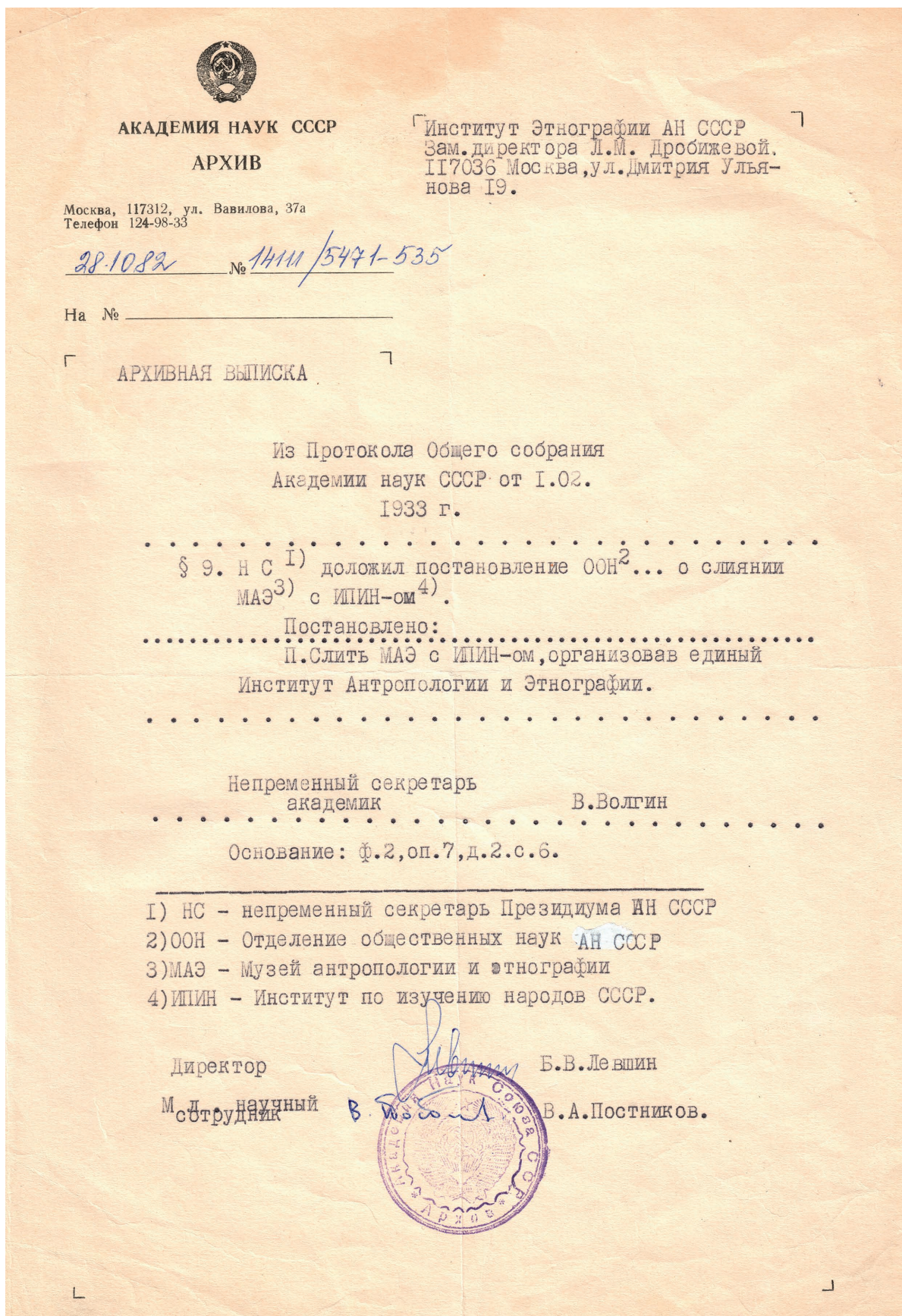
Ил. 10. Участники Всесоюзной конференции «Современные этносоциальные процессы на селе». Казань, 1983 г.

пор были на периферии внимания профессиональных исследователей. Постепенно, в 1960–1970-е гг. этнография всё активнее разворачивалась в сторону изучения современных изменений в организации жизни и быта советского человека. Стала использоваться методология других научных дисциплин: социологии, экологии, картографии. Расширение предметного поля этнографии усилило её практико-ориентированную составляющую. Но это время заслуживает отдельного анализа, в том числе и с точки зрения процессов в сфере общественного сознания. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была изложена идея формирования «советского народа», которая через несколько лет обрела более «изящное», но научно несостоятельное добавление «как нового типа исторической общности людей».

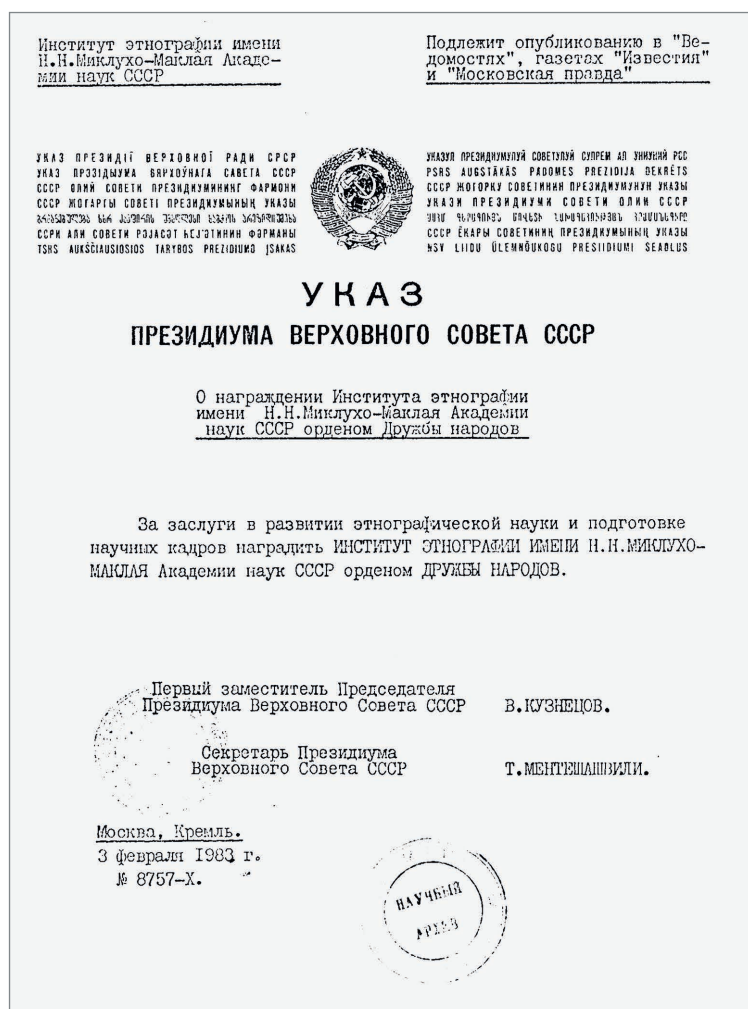
В последующие годы развивалась тема приоритета в республиках прав «коренных наций», «титულных наций», обыгрывалась проблема соотношения этих прав с правами этнических меньшинств, говорилось об экономической самостоятельности

республик. Научный мир не оставался в стороне от этих злободневных для страны вопросов. Например, к пропаганде «республиканского хозрасчёта» подключились некоторые московские учёные. В то время некоторые сотрудники Института этнографии (О.И. Шкаратан и Л.С. Перепёлкин) всерьёз утверждали, что этносы являются субъектами экономических отношений и поэтому последние должны строиться по этническому принципу, в виде «этнических экономик» [4, 5].

При создании и первоначальном устройстве СССР был запущен в действие механизм производства этнонационализма — как принцип организации государства и общества и как мировоззренческая норма. Этот механизм привёл к формированию социальных групп, интересы которых могли реализоваться именно через национализм, породил многообразные противоречия между «нациями и народностями», которые он же во многих случаях и создал. В этнополитическом аспекте советская общественная система была

Ил. 11. Архивная выписка из протокола Общего собрания АН СССР
о создании Института антропологии и этнографии

Ил. 12-13. 3 февраля 1983 г. Институт этнографии АН СССР награждён орденом Дружбы народов

столь же многообразной и противоречивой, как и её социально-политические основы. Этнонационализм, не последнюю роль во возвращении которого сыграло само советское государство, национальные движения стали особенно значимыми на закате существования СССР.

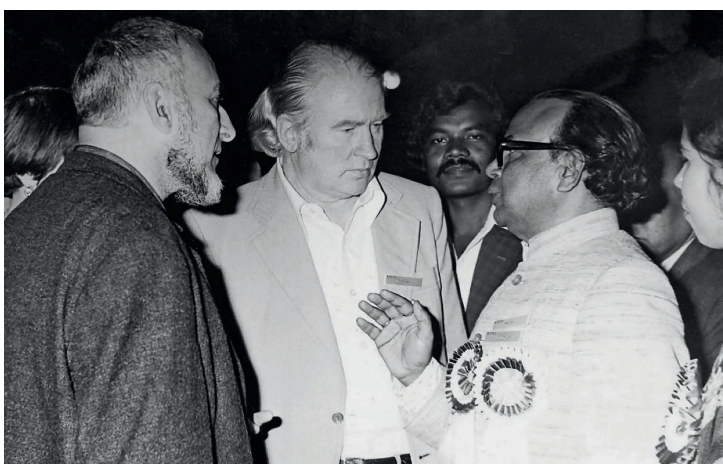
Обратим внимание на тот факт, что учёные в советские годы активно рассуждали о прикладной роли этнографических исследований. Например, в 1980-е годы Ю.В. Бромлей популяризировал мысль о возможностях использования этнографических знаний и работы этнографов в качестве экспертов [6], а М.Н. Губогло выступил с предложением о создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов [7]. Э.А. Паин обратил внимание на приклад-

ные аспекты изучения сельских поселений в целях оптимизации систем расселения [8]. В.В. Пименов, размышляя о практическом применении этнографических знаний, отмечал, что «сама возможность прикладной функции этнографии проявится лишь в том случае, если эта наука перестанет трактоваться как только историческая, а будет рассматриваться также как одна из существенных сторон науки об управлении, включающей прогнозирование и планирование». Он считал принципиальным такой подход [9].

Своё видение роли отдельных аспектов этнографических знаний периода СССР дают и современные исследователи, как отечественные [см., например: 10–24 и др.], так и зарубежные советологи [25, 26]. Американская исследовательница Фрэнсис

Ил. 14. Этносоциологи М.Н. Губогло, Н.Р. Маликова, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева. 1998 г.

Ил. 15. С.А. Арутюнов и Ю.В. Бромлей беседуют с Президентом X Конгресса МКАЭН проф. Л.П. Видьярдхи в г. Дели, Индия. 1978 г.

Хирш в вышедшей в 2005 г. на английском, а в 2022 г. в переводе на русский язык монографии «Империя наций. Этнографическое знание и формирование Советского Союза», в частности, излагает мысль, что «именно от экспертов, имевших дореволюционную подготовку и опиравшихся на западноевропейские идеи, зависели в 1920–1930-е гг. конкретные формы государственной политики в отношении тех или иных народов. На основе обширных архивных исследований автор показала, как посредством планирования и проведения переписей, картографирования, создания музейных экспозиций общие идеи большевиков кристаллизовались в политические решения» [27].

Современный взгляд на исследовательское поле советской этнографии

Вместе с тем взгляд на события относительно недавнего исторического прошлого нашей страны сквозь призму современных идеологических и методологических реалий породил многогранный спектр ещё не осмысленных научных вопросов, находящихся в компетенции этнологов/антропологов и связанных с развитием их исследовательского поля, в том числе и на перспективу. В нашем проекте исследование роли этнографической науки в жизни государства под углом взаимодействия науки и власти и более широко — роли науки в развитии ситуации в стране и в её регионах позволило охватить разноплановые тематические направления и подходы. Основные результаты работы нашли отражение в коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики» [28]. Рассмотрение развития науки в контексте политики базируется на анализе различных сюжетов, связанных с «национальным вопросом».

Обзор типичных траекторий научных разработок советских этнографов в фокусе советской национальной политики и идеологии открывает раздел «Конструирование советскости: идеи и герои», построенный по хронологическому принципу. Он содержит характеристику различных этапов развития отечественного народоведения, аналитику развития этнографии (по терминологии того времени) с учётом ключевых векторов национальной политики страны. Показаны искания и достижения российской науки на поприще этничности в XX в., когда она играла ключевую роль в строительстве государства, сконструированного как союз народов.

Ил. 16. Музейный зал ИЭА РАН

Раздел «Национальный вопрос» и региональные исследования» состоит из глав, во многом являющихся историографическими очерками. В них даётся комплексный обзор научных этнографических направлений, разрабатывавшихся в разных частях страны в советское время. Исследование было задумано таким образом, чтобы охватить многоплановые векторы развития этнографии, в том числе советское кавказоведение, североведение, сибиреведение, славяноведение, финно-угроведение¹. Выявлено, что важными тенденциями советской историографии были критика пережитков прошлого, устаревших традиций, обоснование необходимости новой советской обрядовой культуры и разработка практических рекомендаций по её внедрению.

Исполнители проекта, несомненно, сконцентрировали внимание и на проблемах, касающихся теоретико-концептуальных подходов советских учёных. Речь идёт

об имевшем место обновлении аналитического арсенала, которое оказалось значимым для науки и практики того времени. Исследование показало, что тематика и направления этнографических изысканий во многом предопределялись общественно-политическими потребностями и запросами. Вместе с тем учёные-этнографы, принимая активное участие в дискуссиях по поводу этнических дефиниций «нация», «традиция», «обычай», «обряд» и других, не ограничивались пропагандой и агитацией. Этнографическое знание следовало логике внутреннего развития науки, отчасти определяемой предшествующей академической традицией. В разделе «Исследовательский инструментарий: идеология и политика» акцент сделан на злободневных для советской эпохи разработках, носивших во многом прикладной характер и имевших практическую значимость в сфере государственного управления. Отдельная глава посвящена развитию

¹ Оговоримся, что вне исследовательского поля авторов монографии оказались работы, касающиеся территорий, не входящих в состав Российской Федерации.

Ил. 17. Обложка коллективной монографии «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики»

конкретно-социологических исследований и этносоциологии. Затем в аспекте теории

и практики советского нациестроительства анализируются нарративы, касающиеся изучения рабочего быта, городской этнографии, этнографического музееведения и других актуальных тогда сюжетов.

Завершает монографию глава «Поздний СССР и советская этнография», основанная на личном опыте взаимодействия с властными инстанциями академика В.А. Тишкова, идеолога и автора концептуальных трансформаций антропологической науки, совпавших с периодом социальной турбулентности и политических импровизаций в стране и мире. Делается вывод о противоречивом по своей сути и наследию воздействии этнографической науки советского периода на общественные процессы, включая и судьбу страны. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением, что в советском наследии, включая гуманитарную науку, было много позитивных моментов по части этнокультурного развития больших и малых народов СССР, формирования этнического самосознания. Это подтверждается, в том числе, и впечатляющей масштабностью научных исследований, которые анализируются на страницах коллективной монографии, ставшей итогом работы по описываемому проекту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова М.Ю. Прикладная роль фундаментальной науки: Исследования Института этнологии и антропологии РАН последнего десятилетия // Вестник антропологии. 2014. № 1 (27). С. 148–170.
2. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Книгоиздательство «Русская мысль», 1918; переизд.: М.: Изд-во Московского университета, 1990.
3. Псянчин А.В. Из истории отечественной этнической картографии (по материалам ИРГО и КИПС). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008.
4. Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов // Советская этнография. 1989. № 4. С. 32–48.
5. Чешко С.В. Этническая политика в Российской империи и СССР: исторические, политические и правовые аспекты // Вестник антропологии. 2014. № 1. С. 7–22.
6. Бромлей Ю.В. Может быть, это назовут этноникой // Знание — сила. 1985. № 12. С. 21–23.
7. Губогло М.Н. О создании Всесоюзного центра научно-прикладных исследований национальных процессов // Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: ИНИОН, 1989. С. 94–104.

8. Паин Э.А. Прикладные аспекты этнографического изучения сельских поселений и систем расселения (постановка вопроса) // Советская этнография. 1985. № 1. С. 3–14.
9. Пименов В.В. Прикладные аспекты этнографии: тенденции и проблемы // Советская этнография. 1986. № 5. С. 3–12.
10. Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии: проблема сартов в XIX – начале XXI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2008.
11. Алымов С.С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92.
12. Винокурова И.Ю. Из истории этнологических исследований в академической науке Карелии // Вестник антропологии. 1920. № 4. С. 282–300.
13. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин; Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004.
14. Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
15. Головнёв А.В., Данилова Е.Н. Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.
16. Карлов В.В. Ю.В. Бромлей и «бромлеевский период» в отечественной этнологии // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 9–23.
17. Октябрьская И.В., Романова Е.Н. Североведение в истории российской этнографии: от описания народов к конструированию этничности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 3. С. 9–20.
18. Пивнева Е.А. Советское этнографическое североведение второй половины XX в. в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестник угроведения. 2021. № 4. С. 780–788.
19. Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 1999.
20. Смирнова Т.Б. Омская школа этнографии // Этнография. 2019. № 4. С. 181–194.
21. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегия продвижения марксистской ортодоксии в раннесоветский период // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ. 2018. № 11. С. 160–178.
22. Тишков В.А. Разговоры с этнографами. М.: Алетейя, 2021.
23. Три века российской этнографии: страницы истории / Под ред. М.М. Керимовой, А.А. Сириной. М.: Наука – Восточная литература, 2020.
24. Шнирельман В.А. Академическая жизнь и академическое выживание: учёные на волнах сталинских репрессий // За синей птицей (антропология академической жизни). Памяти Г.А. Комаровой. М.: б/и, 2022. С. 50–97.
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Новое литературное обозрение, 2022. (перевод на рус. яз.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005).
28. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: Коллективная монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022.

Peoples Studies and National Policy in the Soviet Era

Marina Yuryevna Martynova – Dr. habil. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, chief researcher – Head of the Center for European Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, head of the project ‘Soviet Ethnography in the History of State-Building and National Policy of the USSR’ (21-09-43116).

E-mail: martynova@iea.ras.ru

Valery Aleksandrovich Tishkov – RAS academician, research advisor of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, executor of the same project.

E-mail: valerytishkov@mail.ru

The article presents the results of a study devoted to the analysis of the interaction of ethnic studies (ethnology, or, rather, ethnography as it was called at the time) and Soviet nationality policy. The study of the role of domestic ethnography in the history of the country, reviewing the development of science in the context of the state strategy for the development of society is based on the analysis of a variety of subjects related to the ‘national question’. The project, supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Historical Society as part of the competition ‘The Soviet Era: History and Legacy (to the 100th anniversary of the USSR)’, addresses a number of research questions, providing a basis for identifying the role of academic developments and the creative elite in the national policy. The work is largely of historiographical nature. The authors focus on the analysis of conceptual approaches, on the quests and achievements of Russian ethnography in the 20th century. The authors characterize the research tools and provide a comprehensive overview of scientific ethnographic trends that were developed in different parts of the country in the Soviet period from the perspective of national policy. The past allows one to speak of the importance of an individual, an expedition, an (arti) fact in the full range of issues under study. By reading the ‘bright and dark’ pages of the history of science, one can better understand the reality that underlies today’s ethnological research. Compared to the Soviet concept of nation-building, we may clearer see the potential of ethnology and the promise of its role in contemporary Russia for shaping Russian identity, developing mechanisms for migration policy, adapting children of migrants, etc.

Keywords: USSR, history of science, national policy, ethnography, peoples of Russia

REFERENCES

1. Martynova M.Yu. Prikladnaya rol' fundamental'noi nauki: Issledovaniya Instituta etnologii i antropologii RAN poslednego desyatiletia // Vestnik antropologii. 2014. № 1 (27). S. 148–170 (in Russian).
2. Struve P.B. Istoricheskii smysl russkoi revolyutsii i natsional'nye zadachi // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revolyutsii. M.: Knigoizdatel'stvo «Russkaya mysl'», 1918; pereizd.: M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990 (in Russian).
3. Psyanchin A.V. Iz istorii otechestvennoi etnicheskoi kartografii (po materialam IRGO i KIPS). Ufa: TSEI UNTS RAN, 2008 (in Russian).
4. Perepelkin L.S., Shkaratan O.I. Ekonomicheskii suverenitet respublik i puti razvitiya narodov // Sovetskaya etnografiya. 1989. № 4. S. 32–48 (in Russian).
5. Cheshko S.V. Etnicheskaya politika v Rossiiskoi imperii i SSSR: istoricheskie, politicheskie i pravovye aspekty // Vestnik antropologii. 2014. № 1. S. 7–22 (in Russian).
6. Bromlei Yu.V. Mozhet byt', eto nazovut etnonikoi // Znanie – sila. 1985. № 12. S. 21–23 (in Russian).

7. Guboglo M.N. O sozdanii Vsesoyuznogo tsentra nauchno-prikladnykh issledovaniy natsional'nykh protsessov // Chto delat'? V poiskakh idei sovershenstvovaniya mezhnatsional'nykh otnoshenii v SSSR. M.: INION, 1989. S. 94–104 (in Russian).
8. Pain E.A. Prikladnye aspekty etnograficheskogo izucheniya sel'skikh poselenii i sistem rasseleniya (postanovka voprosa) // Sovetskaya etnografiya. 1985. № 1. S. 3–14 (in Russian).
9. Pimenov V.V. Prikladnye aspekty etnografii: tendentsii i problemy // Sovetskaya etnografiya. 1986. № 5. S. 3–12 (in Russian).
10. Abashin S.N. Etnograficheskoe znanie i natsional'noe stroitel'stvo v Srednei Azii: problema sarkofitov v XIX – nachale XXI v.: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.07. M.: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2008 (in Russian).
11. Alymov S.S. Zabyvaya etnos i natsiyu: etnograficheskie diskussii i ekspertiza «natsional'nogo voprosa» v period perestroiki // Shagi / Steps. 2021. T. 7. № 2. S. 70–92 (in Russian).
12. Vinokurova I.Yu. Iz istorii etnologicheskikh issledovaniy v akademicheskoi nauke Karelii // Vestnik antropologii. 1920. № 4. S. 282–300 (in Russian).
13. Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka / Otv. red. V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin; Sost. D.D. Tumarkin. M.: Nauka, 2004 (in Russian).
14. Golovnev A.V. Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii // Etnografiya. 2018. № 1. S. 6–39 (in Russian).
15. Golovnev A.V., Danilova E.N. Sovetskaya versiya etnoekspertizy: dokladnye zapiski etnografov-severovedov 1950–1990-kh gg. // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2021. № 1 (52). S. 132–143 (in Russian).
16. Karlov V.V. Yu.V. Bromlei i «bromleevskii period» v otechestvennoi etnologii // Vestnik antropologii. 2021. № 1. S. 9–23 (in Russian).
17. Oktyabr'skaya I.V., Romanova E.N. Severovedenie v istorii rossiiskoi etnografii: ot opisaniya narodov k konstruirovaniyu etnichnosti // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2020. № 3. S. 9–20 (in Russian).
18. Pivneva E.A. Sovetskoe etnograficheskoe severovedenie vtoroi poloviny XX v. v zerkale nauchnogo naslediya Z.P. Sokolovoi (moskovskaya shkola) // Vestnik ugrovedeniya. 2021. № 4. S. 780–788 (in Russian).
19. Repressirovannyye etnografy. Vyp. I / Sost. D.D. Tumarkin. M.: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian).
20. Smirnova T.B. Omskaya shkola etnografii // Etnografiya. 2019. № 4. S. 181–194 (in Russian).
21. Solovei T.D. Ot «burzhuaznoi» etnologii k «marksistskoi» etnografii: strategiya prodvizheniya marksistskoi ortodoksii v rannesovetskii period // Istoricheskie issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU. 2018. № 11. S. 160–178 (in Russian).
22. Tishkov V.A. Razgovory s etnografami. M.: Aleteiya, 2021 (in Russian).
23. Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii / Pod red. M.M. Kerimovoi, A.A. Sirinoi. M.: Nauka – Vostochnaya literatura, 2020 (in Russian).
24. Shnirel'man V.A. Akademicheskaya zhizn' i akademicheskoe vyzhivanie: uchenye na volnakh stalinskikh repressii // Za sinei ptitse (antropologiya akademicheskoi zhizni). Pamyati G.A. Komarovoi. M.: b/i, 2022. S. 50–97 (in Russian).
25. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2001.
26. Rawski K. A Soviet think tank: The involvement of the Institute of Ethnography in Soviet policy // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Vol. 6. No. 1. 2017. Pp. 109–132.
27. Khirsh F. Imperiya natsii: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. (perevod na rus. yaz.: F. Hirsch. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005) (in Russian).
28. Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki: Kollektivnaya monografiya / M.Yu. Martynova, V.A. Tishkov [i dr.]; Otv. red. M.Yu. Martynova. M.: IEA RAN, 2022 (in Russian).

Индекс УДК 572.541+572.1/4

Код ГРНТИ 34.37.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2022-112-01-48-57

**М.Л. БУТОВСКАЯ,
В.В. РОСТОВЦЕВА***

Облик мужчин, склонных к риску, по данным геометрической морфометрии

В статье представлены результаты изучения антропометрических показателей лица, предположительно являющихся маркерами маскулинизации у автогонщиков ($n = 36$), альпинистов ($n = 52$) и студентов ($n = 56$). Использование методов геометрической морфометрии на основе фронтальных фотопортретов позволило описать, отразить визуально форму лица представителей всех трёх групп и показать значимые различия. Параметры лиц альпинистов, гонщиков и студентов (контрольная выборка) сравнивались попарно методом многомерного регрессионного анализа. По форме лица гонщики и альпинисты были более маскулинными по сравнению с контрольной группой: имели более крупные, вытянутые в высотном направлении лица, с крупной нижней челюстью, тонкими губами и узким разрезом глаз. Различия, выявленные методом геометрической морфометрии, были также подтверждены дополнительным анализом лицевых индексов, основанных на линейных измерениях отдельных частей лица. Полученные результаты показывают высокую эффективность комбинирования методов геометрической и классической морфометрии для исследования полной формы лица, а также для количественной оценки наблюдаемых различий в форме отдельных его частей.

Ключевые слова: морфотип, форма лица, геометрическая морфометрия, принятие высоких рисков

В наши дни антропология существенно обогащается новыми компьютерными методами и программным обеспечением, значительно расширяющими возможности исследова-

телей. Одним из таких направлений является геометрическая морфометрия. С помощью этого инструментария хорошо описывается форма тела и головы, в том числе лица. Данный подход позволяет

* **Бутовская Марина Львовна** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН, руководитель проекта «Комплекс морфо-физиологических, психологических и молекулярно-генетических маркеров успешности у спортсменов-гонщиков как эволюционно-стабильный морфотип, адаптированный к нагрузкам в условиях высокого риска» (20-09-00139).

E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Ростовцева Виктория Викторовна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН.

E-mail: victoria.v.rostovtseva@gmail.com

создавать обобщённые портреты людей с учётом их групповой принадлежности, видоизменять форму с учётом конкретных характеристик и поведенческих показателей. В нашей статье будет наглядно показано, какую дополнительную антропометрическую информацию о форме лица можно получить с помощью геометрической морфометрии и какие выводы о групповых различиях сделать на этой основе.

Склонность к риску определяется как вовлечённость в деятельность, сопряжённую с возможностью наступления негативных последствий [1], демонстрирует отчётливые половые различия [2]. Готовность к принятию физических рисков можно рассматривать в качестве важной составляющей адаптивного комплекса мужского поведения, уходящего корнями в далёкое прошлое [3]. Мужчины, вовлечённые в межгрупповые конфликты и военные действия, наряду с риском и агрессивностью, должны были соблюдать правила внутригрупповой консолидации и кооперации. Парохиальный альтруизм — устойчивая мужская стратегия, позволяющая социальной группе выжить и распространиться географически, предполагающая готовность идти на серьёзные риски, включая самопожертвование, ради её блага [4]. Не последнюю роль в эволюции рискованного поведения человека и формировании выраженных различий в уровне склонности к риску между полами мог играть половой отбор.

Характеристики, лежащие в основе мужского рискованного поведения и парохиального альтруизма, формируют специфический морфотип, устойчиво присутствующий на протяжении всей истории человечества [5], и продолжают лежать в основе одной из выигранных стратегий репродуктивной конкуренции мужчин в современном мире [6, 7].

Представители экстремальных досуговых сообществ и высокорисковых профессий статистически значимо отличаются от контрольной группы большей морфологической (тело) и психологи-

ческой маскулинностью, более ранним началом половой жизни [8] и большим числом детей [9].

Адаптивный характер мужского рискованного поведения находит отражение и на генетическом уровне [10–12]. Часть этого генетического профиля представлена комбинацией шести полиморфизмов (*OXTR*, *HTR2A*, *HTR2C*, *CRHR1*, *BDNF*, *AR*). Значимое превышение частоты *G*-аллеля в локусах *OXTR*-rs53576 и *BDNF*-rs6265 выявлено нами у десантников и гонщиков по сравнению с контрольной группой, повышена частота *T*-аллеля в локусе *CRHR1*-rs7209436 у десантников по сравнению с контролем. Анализ генетической удалённости между тремя группами по четырём аутосомным локусам (*OXTR*-rs53576, *HTR2A*-rs6311, *CRHR1*-rs7209436 и *BDNF*-rs6265) свидетельствует о значительном отличии выборки десантников от контроля и промежуточном положении гонщиков. Две группы риска отчётливо отстояли от контроля по двум гемизиготным локусам (*HTR2C*-rs6318 и *AR*-CAG). Выявленные отличия по *BDNF*-rs6265 свидетельствуют о положительном отборе лиц с повышенной ответственностью и экстраверсией для профессии и спортивных занятий, сопряжённых с риском [14]. Тогда как повышенная частота встречаемости *T*-аллеля *CRHR1*-rs7209436 у десантников указывает на жёсткий профессиональный отбор, устойчивость к стрессу и депрессии [15].

В рамках представленного ниже исследования, реализованного по проекту РФФИ «Комплекс морфофизиологических, психологических и молекулярно-генетических маркеров успешности у спортсменов-гонщиков как эволюционно-стабильный морфотип, адаптированный к нагрузкам в условиях высокого риска» (20-09-00139), более детально рассмотрены вопросы о внешности мужчин, успешно практикующих рискованные виды спорта, в частности автогонщиков и альпинистов.

Были поставлены следующие задачи:

1. Оценить комплекс антропометрических показателей лица (лицевые индексы)

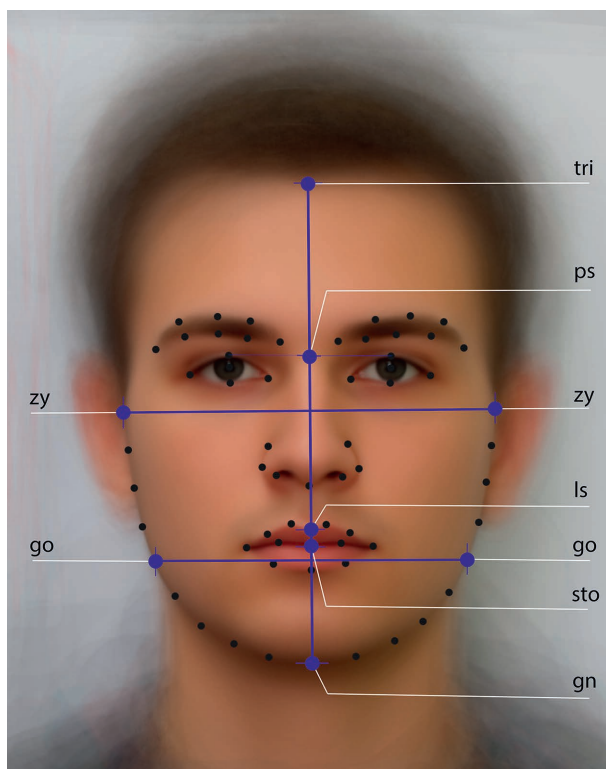

Рис. 1. Расчёт лицевых индексов на основе линейных размеров лица (синим цветом).

Относительная ширина лица: скуловой диаметр $(zy-zy)$ / морфологическая высота лица $(ps-gn)$; относительное выступание скулы: скуловой диаметр $(zy-zy)$ / нижнечелюстной диаметр $(go-go)$; соотношение высот лица: морфологическая высота лица $(ps-gn)$ / физиономическая высота лица $(tri-gn)$; относительная ширина средней части лица (fWHR): скуловой диаметр $(zy-zy)$ / высота средней части лица $(ps-ls)$; относительная ширина нижней челюсти: нижнечелюстной диаметр $(go-go)$ / высота нижней челюсти $(st-gn)$; относительная высота нижней челюсти: высота нижней челюсти $(st-gn)$ / морфологическая высота лица $(ps-gn)$. Конфигурация морфометрических точек, использованная для геометрической морфометрии, отмечена тёмно-серым и также включает крупные синие точки

у гонщиков, альпинистов и контрольной группы.

2. С использованием методов геометрической морфометрии описать форму лица гонщиков, альпинистов и контроля; представить их общую визуализацию.
3. Оценить преимущества метода геометрической морфометрии по сравнению с традиционными в антропологии методами сравнения лицевых индексов.

Материалы и методы

Материалы для данной статьи были собраны в 2017–2021 гг. во время проведения этапов кубка России по автогонкам (гонщики), в Республике Кабардино-Балкария на альпинистской базе «Безенги» (альпинисты) и в г. Тула (контрольная группа студентов университета). Общая выборка испытуемых составила 144 человека: гонщики ($n = 36$), альпинисты ($n = 52$), и группа контроля ($n = 56$). Средний возраст гонщиков составил 29,8 лет, альпинистов – 29,3 года, группы контроля – 19 лет. Все респонденты для данного исследования идентифицировали себя как русские. Для каждой группы идентичным образом были собраны антропометрические фотографии и демографические данные. Все респонденты заполняли опросные листы с демографической информацией.

Анализ параметров лиц участников проводился на основе фронтальных фотографий, созданных по всем требованиям стандартной антропометрической фотографии. Съёмка проводилась при дневном освещении с помощью цифрового фотоаппарата (фокусное расстояние 60 мм, расстояние до объекта 180 см).

Анализ морфологических особенностей лиц участников осуществлялся методом геометрической морфометрии, использованной нами ранее [15, 16]. Первичная оцифровка фотографий с запечатлением формы лица проводилась по 70 точкам и точечным кривым: 36 общепринятым антропометрическим точкам и 34 так называемым полуточкам, описывающим контуры частей лица более детально [17]. Оцифровка фотографий участников выполнялась в программе tpsDig2 2.17 [18]. Полученные конфигурации точек совмещались с помощью суперимпозиции со скольжением полуточек (выполнена в программной среде R с использованием пакета «geomorph» [19]). Далее параметры лиц альпинистов и гонщиков сравнивались попарно с параметрами лиц контрольной выборки (студенты) с помощью программного обеспечения tpsRegr 1.45 [18]. Разли-

чия оценивались методом многомерного регрессионного анализа, в котором координаты формы лиц были регрессированы на бинарную переменную, кодирующую две разные группы мужчин. Уровень статистической значимости различий определялся с помощью перестановочного теста (10 000 перестановок) [20]. Полученные результаты были визуализированы в форме деформационных решёток (программное обеспечение: tpsRegr 1.45) и в форме морфов (программное обеспечение tpsSuper 2.04) [18].

Для количественной оценки различий в форме отдельных частей лица между исследуемыми группами мужчин, а также для оценки значимости таких локальных различий были рассчитаны шесть лицевых индексов, основанных на наборе стандартных линейных размеров лица, таких как относительная ширина лица, относительное выступание скул, соотношение высот лица, относительная ширина средней части лица (fWHR), относительная ширина нижней челюсти, относительная высота нижней челюсти (рис. 1). Линейные размеры рассчитывались по значениям координат точек и полуточек после проведения процедуры оцифровки [21]. Различия между гонщиками, альпинистами и контрольной группой по набору лицевых индексов оценивались с помощью пошаговых бинарных логистических моделей, в которых учитывался вклад всех шести лицевых индексов (выполнено в SPSS v. 27).

Результаты исследования

Результаты попарного сравнения конфигураций формы лиц гонщиков, альпинистов и группы контроля (студентов) показали, что лица представителей всех исследуемых групп значительно отличаются друг от друга. Различались формы лиц гонщиков и представителей контрольной выборки (N = 92,

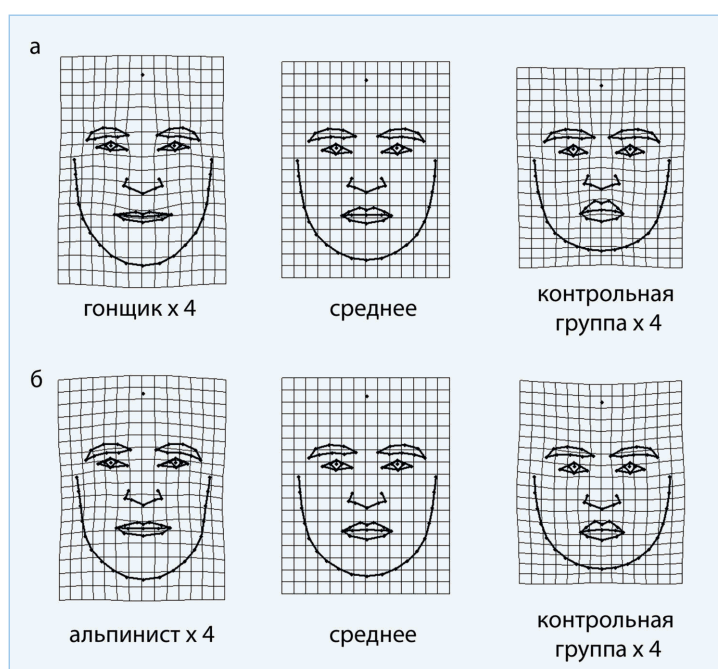

Рис. 2. Деформационные решетки, представляющие различия в форме лица между (а) гонщиками (слева) и контрольной группой (справа); (б) альпинистами (слева) и контрольной группой (справа). Решетки по центру являются средней формой лица по отношению к крайним вариантам. Для наглядности различия в форме между средним и крайними конфигурациями преувеличены в четыре раза

3,6% общей изменчивости, $p < 0,00$), альпинистов и представителей контрольной выборки (N = 108, 3,6% общей изменчивости, $p < 0,00$), а также альпинистов и гонщиков (N = 88, 2,6% общей изменчивости, $p < 0,02$). На рис. 2 представлены различия в форме лица между (а) гонщиками и контрольной группой и (б) альпинистами и контрольной группой, визуализированные с помощью деформационных решёток. На рис. 3 эти различия представлены в виде портретных изображений. Для лёгкости визуального восприятия выявленные различия были увеличены в четыре раза от среднего. Визуально гонщики предстают с более округлыми лицами, чем альпинисты, имеют тонкие губы и небольшие глаза. Лица альпинистов более квадратной формы, имеют чётко очерченную нижнюю челюсть и более полные губы. Обе группы экстремалов отличаются от контрольной выборки в целом более крупным, вытянутым по высоте лицом, с массивной ниж-

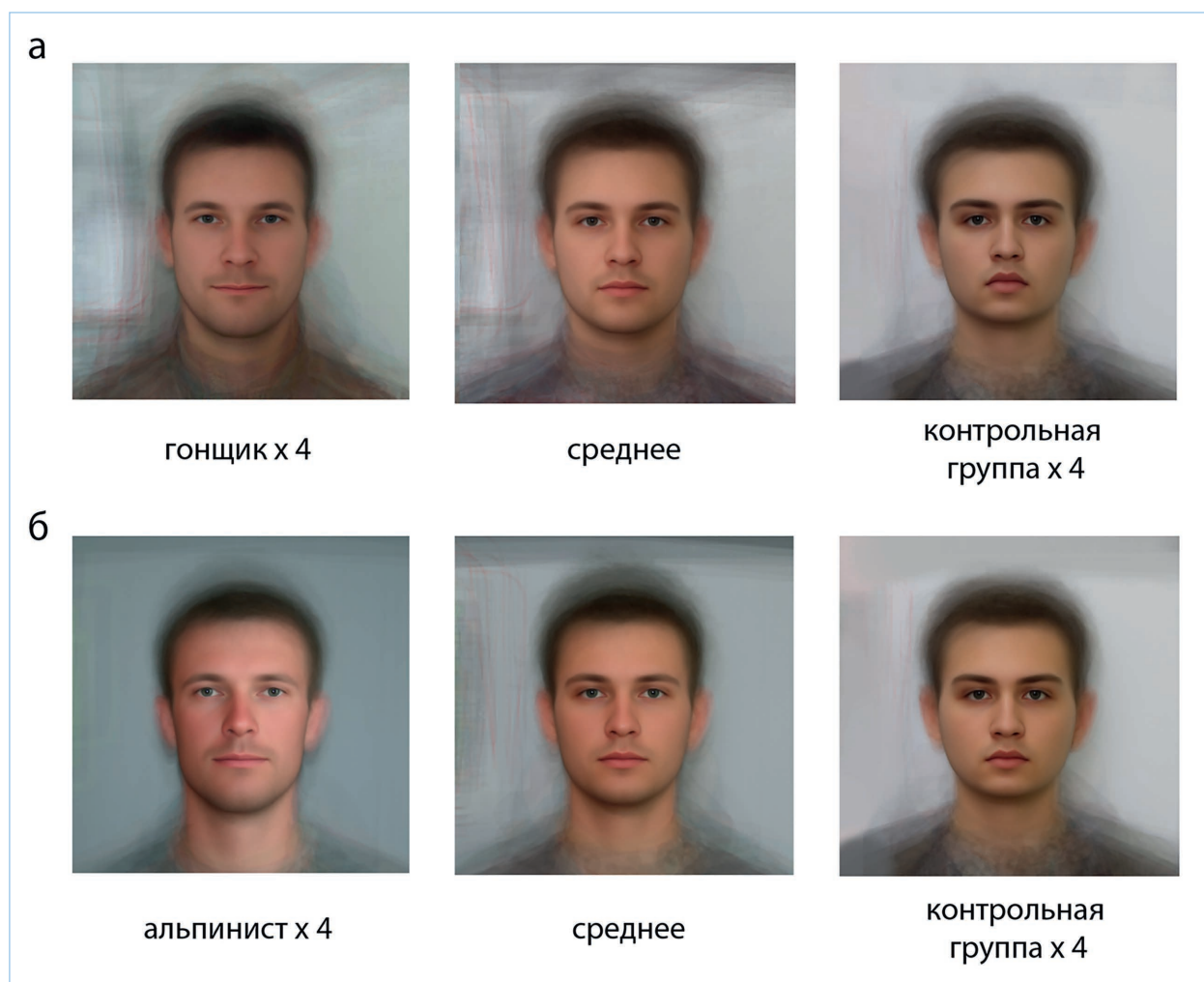

Рис. 3. Морфированные портретные изображения, представляющие различия в форме лица между (а) гонщиками (слева) и контрольной группой (справа); (б) альпинистами (слева) и контрольной группой (справа). Портреты по центру являются средней формой лица по отношению к крайним вариантам. Для наглядности различия в форме между средним и крайними конфигурациями преувеличены в четыре раза

ней челюстью, тонкими губами и узким разрезом глаз (см. рис. 2, 3).

Для количественной оценки наблюдаемых различий в форме отдельных частей лица был проведён дополнительный анализ с использованием лицевых индексов (см. рис. 1). В табл. представлены результаты пошаговой бинарной логистической регрессии в виде трёх моделей, оценивающих, какие из шести лицевых индексов вносят значимый вклад в попарные различия между гонщиками, альпинистами и контрольной группой.

Согласно полученным результатам гонщики отличались от представителей контрольной группы более низкими значения-

ми относительной ширины средней части лица (fWHR), рассчитанной как отношение скулового диаметра ($zy-zy$) к средней высоте лица (до губного желобка верхней губы: $ps-ls$) ($p < 0,001$); однако имели при этом более высокие значения относительной ширины лица, рассчитанной как отношение скулового диаметра ($zy-zy$) к морфологической высоте лица (включая нижней челюсть: $ps-gn$) ($p = 0,001$). Сама же относительная высота нижней челюсти ($sto-gn / ps-gn$) у гонщиков имела существенно более высокие значения, чем у контрольной группы ($p < 0,001$). Высокие значения высоты нижней челюсти должны были бы привести к снижению относи-

Таблица

**Попарные различия по лицевым индексам между гонщиками, альпинистами
и контрольной группой**

	Зависимая переменная	Предикторы	B	Wald	df	p	R ²	P (мод.)
А	Гонщики (контроль)	Относительная ширина средней части лица (fWHR)	-33,88	17,70	1	< 0,001	0,475	< 0,001
		Относительная высота нижней челюсти	130,37	15,94	1	< 0,001		
		Относительная ширина лица	43,51	11,57	1	0,001		
Б	Альпинисты (контроль)	Относительная ширина лица	-9,64	8,85	1	0,003	0,120	0,002
В	Гонщики (альпинисты)	Относительная ширина средней части лица (fWHR)	-3,66	4,13	1	0,042	0,068	0,034

Примечания. Представлены результаты пошаговой бинарной логистической регрессии, в которой определялись значимые предикторы (лицевые индексы) формы лица (а) гонщиков (значение 1) по сравнению с контрольной группой (значение 0); (б) альпинистов (значение 1) по сравнению с контрольной группой (значение 0); (в) гонщиков (значение 1) по сравнению с альпинистами (значение 0). В таблице представлены данные только по тем предикторам, которые вносили статистически значимый вклад в различия между рассматриваемыми группами. Определения предикторов представлены на рис. 1. В — коэффициент регрессии, Wald — статистика Вальда, df — степени свободы, p — статистическая значимость предиктора, R² — коэффициент детерминации Нагелькеркса, P(мод.) — статистическая значимость модели.

тельной ширины лица (ps-gn) у гонщиков, однако этого не произошло из-за различий в толщине губ, которые у гонщиков оказались тоньше (см. рис. 2б, рис. 3), тем самым увеличив значение средней высоты лица по сравнению с контролем. Это также могло привести к снижению значений fWHR у гонщиков. Значения трёх индексов, представленных в табл., позволили предсказать групповую принадлежность мужчин (гонщики/контроль) с вероятностью 47,5%, что свидетельствует о ярко выраженных систематических различиях между исследованными группами именно по этим признакам.

У альпинистов, по сравнению с контролем, статистически значимый вклад внесли только один из шести предикторов (лицевых индексов) — относительная ширина лица у них имела более низкие значения, чем в группе контроля (p = 0,003). Таким образом, лица у них были более узкие и вытянутые в высотном направлении. Значения этого индекса позволяли предсказать группу мужчин (альпинисты/контроль) с вероятностью 12%.

Гонщики отличались от альпинистов более низкими значениями fWHR, однако этот результат был наименее выражен, и, как уже сказано выше, мог быть связан с различиями в толщине губ между представителями этих групп.

Обсуждение

Результаты проведённого анализа показали, что мужчины гонщики, альпинисты и контроль достоверно отличаются между собой по ряду антропологических характеристик лица. Таким образом, внешность представителей изученных досуговых сообществ, сопряжённых с риском, демонстрируют определённый набор отличий по сравнению с контролем. Применение методов геометрической морфометрии позволило нам визуализировать обобщённую внешность гонщиков, альпинистов и контроля. Группы отчётливо различались внешне. Лица представителей досуговых сообществ (альпинисты и гонщики) в целом отличались от мужчин контрольной выборки более крупным и высоким лицом, более крупной нижней челюстью, более тонки-

ми губами и более низкими глазницами. Все эти признаки указывают на бóльшую маскулинность мужчин из данных досуговых сообществ. Таким образом, наше исследование подтверждает гипотезу о том, что маскулинная внешность мужчин ассоциирована с выбором занятий, сопряжённых с жизненными рисками [5, 7–9]. Данный мужской морфотип остаётся адаптивным в наши дни, демонстрирует высокий репродуктивный потенциал [9] и ассоциирован с генетической предрасположенностью к стрессоустойчивости и сотрудничеству в экстремальных ситуациях [10].

В антропологии сегодня ведётся активная дискуссия о ценности линейных размеров и индексов, вычисленных на их основе, для оценки специфических характеристик лица человека и необходимости перехода к описаниям и анализу общей формы лица методами геометрической морфометрии, обладающими большей ин-

формативностью и объективностью [17, 22]. Если в основе классической антропометрии (и биометрии в целом) лежат измерительные признаки, каждый из которых является отдельной переменной, в геометрической морфометрии ни одна из координатных точек не может быть проанализирована отдельно от других. Анализ неизбежно носит многомерный характер, в который включаются все координатные точки. Несмотря на это, при исследовании полной формы лица методом геометрической морфометрии возможна только визуальная оценка формы отдельных его частей, что не даёт точной количественной информации, а также статистической значимости локальных различий. В этих обстоятельствах использование известных антропометрических индексов может быть полезным дополнением при необходимости оценить вклад отдельных частей лица в наблюдаемые различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boyer T.W. The development of risk-taking: A multi-perspective review // *Developmental review*. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 291–345.
2. Charness G., Gneezy U. Strong evidence for gender differences in risk taking // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 83. № 1. Pp. 50–58.
3. Glowacki L., Wilson M. L., Wrangham R. W. The evolutionary anthropology of war // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. Vol. 178. Pp. 963–982.
4. Choi J.K., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war // *Science*. 2007. Vol. 318. № 5850. Pp. 636–640.
5. Бутовская М.Л. Универсальные морфо-психотипы человека: адаптация к условиям среды и оптимизация репродуктивного успеха // *Вестник РФФИ. Естественно-научные и математические методы в гуманитарных исследованиях*. 2016. Т. 3. № 91. С. 92–99.
6. Kelly S., Dunbar R. I. Who dares, wins. *Human Nature*. 2001. Vol. 12. N 2. Pp. 89–105.
7. Бутовская М.Л., Веселовская Е.В., Година Е.З., Силаева Л.В. Морфофункциональные и личностные характеристики мужчин спортсменов как модель адаптивных комплексов в палеореконструкциях // *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*. 2011. № 2. С. 4–15.
8. Апалькова Ю.И., Бронникова Н.К., Бутовская М.Л. Устойчивые сочетания морфо-функциональных и личностных характеристик у мужчин высокорисковых профессий // *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*, 2018. № 4. С. 67–76.
9. Бутовская М.Л., Адам Ю.И. Рискованное поведение как адаптивная стратегия мужчин, их морфофизиологические профили и связь с репродуктивным успехом в современном обществе // *Этнографическое Обозрение*. 2022. № 4. С. 209–227.
10. Бутовская М.Л., Адам Ю.И., Прошаков П.А., Лазебный О.Е. Склонность к риску и устойчивость к стрессу как факторы принадлежности к профессиональным и досуговым группам

- и их ассоциация с шестью генами-кандидатами // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2022. № 4. С. 100–113.
11. Anokhin A.P., Golosheykin S., Grant J., Heath A.C. Heritability of risk-taking in adolescence // Twin Research and Human Genetics. 2009. Vol. 12. № 4. Pp. 366–371.
 12. Aluja A., Balada F., Blanco E., Fibla J., Blanch A. Twenty candidate genes predicting neuroticism and sensation seeking personality traits: A multivariate analysis association approach // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 140. Pp. 90–102.
 13. Humińska-Lisowska K., Chmielowiec J., Chmielowiec K., Niewczas M., Lachowicz M. et al. Associations of Brain-Derived Neurotrophic Factor rs6265 gene polymorphism with personality dimensions among athletes // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19 N 15. 9732.
 14. Wuergezhen D. The influences of genes and early life stress on the HPA axis regulation (Doctoral dissertation). S3314219. 2019. Groningen: University of Groningen Biomedical Sciences.
 15. Butovskaya M.L., Windhager S., Karelin D., Mezentseva A., Schaefer K., Fink, B. Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania // Plos One. 2018. Vol. 13. № 5. e0197738.
 16. Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Weissing F.J. Effects of sex and sex-related facial traits on trust and trustworthiness: An experimental study // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 13. 925601.
 17. Windhager S., Schaefer K., Fink B. Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity // American Journal of Human Biology. 2011. Vol. 23. № 6. Pp. 805–814.
 18. Rohlf F.J. The tps series of software. Hystrix. 2015. Vol. 26. № 1. P. 9.
 19. Baken E.K., Collyer M.L., Kaliontzopoulou A., Adams D.C. geomorph v4. 0 and gmShiny: Enhanced analytics and a new graphical interface for a comprehensive morphometric experience // Methods in Ecology and Evolution. 2021. Vol. 12. № 1. Pp. 2355–2363.
 20. Good P. Permutation tests: a practical guide to resampling methods for testing hypotheses // Springer Science & Business Media, 2013.
 21. Rostovtseva V.V., Mezentseva A.A., Windhager S., Butovskaya M.L. Sexual dimorphism in facial shape of modern Buryats of Southern Siberia // American journal of human biology. 2021. Vol. 33. № 2. e23458.
 22. Mitteroecker P., Schaefer K. Thirty years of geometric morphometrics: Achievements, challenges, and the ongoing quest for biological meaningfulness // American Journal of Biological Anthropology. 2022. Vol. 178. № S74. Pp. 181–210.

Image of Risk-Prone Men According to Geometric Morphometrics

Marina Lvovna Butovskaya – corresponding member RAS, Dr. habil. (History), head of the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, head of the project ‘Complex of Morphological & Physiological, Psychological, and Molecular & Genetic Markers of Success in Racer Athletes as a Revolutionary Stable Morphotype Adapted to High-Risk Stresses’ (20-09-00139).

E-mail: marina.butovskaya@gmail.com

Victoria Victorovna Rostovtseva – Ph.D. (Biology), senior researcher at the Center for Cross-Cultural Psychology and Human Ethology of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

E-mail: victoria.v.rostovtseva@gmail.com

The article presents the results of a facial anthropometric study suggesting markers of masculinity in motorcycle racers (n = 36), mountain climbers (n = 52), and students (n = 56). The use of geometric morphometrics on the basis of frontal photographs enabled the authors to de-

scribe and visualize the facial shapes of men from these three groups, and to reveal significant intergroup differences. Facial shapes of mountain climbers, racers, and students (control sample) were compared pairwise using multivariate regression analysis. The racers and climbers had more masculine facial features compared to the control group: larger, more elongated faces, with a large jaw, thin lips, and narrow eye shape. The differences identified by geometric morphometrics were also confirmed by an additional analysis of facial indices based on linear measurements of certain facial parameters. The findings prove the high efficiency of using a combination of geometric and classical morphometry methods to study full facial shape, as well as to quantify observed differences in certain facial areas.

Keywords: morphotype, facial shape, geometric morphometrics, high risk taking

REFERENCES

1. Boyer T.W. The development of risk-taking: A multi-perspective review // *Developmental review*. 2006. Vol. 26. № 3. Pp. 291–345.
2. Charness G., Gneezy U. Strong evidence for gender differences in risk taking // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2012. Vol. 83. № 1. Pp. 50–58.
3. Glowacki L., Wilson M. L., Wrangham R. W. The evolutionary anthropology of war // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020. Vol. 178. Pp. 963–982.
4. Choi J.K., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war // *Science*. 2007. Vol. 318. № 5850. Pp. 636–640.
5. Butovskaya M.L. Universal'nye morfo-psikhotipy cheloveka: adaptatsiya k usloviyam sredy i optimizatsiya reproduktivnogo uspekha // *Vestnik RFFI. Estestvenno-nauchnye i matematicheskie metody v gumanitarnykh issledovaniyakh*. 2016. T. 3. № 91. S. 92–99 (in Russian).
6. Kelly S., Dunbar R.I. Who dares, wins. *Human Nature*. 2001. Vol. 12. N 2. Pp. 89–105.
7. Butovskaya M.L., Veselovskaya E.V., Godina E.Z., Silaeva L.V. Morfofunktsional'nye i lichnostnye kharakteristiki muzhchin sportsmenov kak model' adaptivnykh kompleksov v paleorekonstruktsiyakh // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*. 2011. № 2. S. 4–15 (in Russian).
8. Apal'kova Yu.I., Bronnikova N.K., Butovskaya M.L. Ustoichivye sochetaniya morfo-funktsional'nykh i lichnostnykh kharakteristik u muzhchin vysokoriskovykh professii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, 2018. № 4. S. 67–76 (in Russian).
9. Butovskaya M.L., Adam Yu.I. Riskovannoe povedenie kak adaptivnaya strategiya muzhchin, ikh morfofiziologicheskie profili i svyaz' s reproduktivnym uspekham v sovremennom obshchestve // *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2022. № 4. S. 209–227 (in Russian).
10. Butovskaya M.L., Adam Yu.I., Proshakov P.A., Lazebnyi O.E. Sklonnost' k risku i ustoichivost' k stressu kak faktory prinadlezhnosti k professional'nym i dosugovym gruppam i ikh assotsiatsiya s shest'yu genami-kandidatami // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*. 2022. № 4. S. 100–113 (in Russian).
11. Anokhin A.P., Golosheykin S., Grant J., Heath A.C. Heritability of risk-taking in adolescence // *Twin Research and Human Genetics*. 2009. Vol. 12. № 4. Pp. 366–371.
12. Aluja A., Balada F., Blanco E., Fibla J., Blanch A. Twenty candidate genes predicting neuroticism and sensation seeking personality traits: A multivariate analysis association approach // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 140. Pp. 90–102.
13. Humińska-Lisowska K., Chmielowiec J., Chmielowiec K., Niewczas M., Lachowicz M. et al. Associations of Brain-Derived Neurotrophic Factor rs6265 gene polymorphism with personality dimensions among athletes // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19 N 15. 9732.

14. Wuergzhen D. The influences of genes and early life stress on the HPA axis regulation (Doctoral dissertation). S3314219. 2019. Groningen: University of Groningen Biomedical Sciences.
15. Butovskaya M.L., Windhager S., Karelin D., Mezentseva A., Schaefer K., Fink, B. Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania // Plos One. 2018. Vol. 13. № 5. e0197738.
16. Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Weissing F.J. Effects of sex and sex-related facial traits on trust and trustworthiness: An experimental study // Frontiers in Psychology. 2023. Vol. 13. 925601.
17. Windhager S., Schaefer K., Fink B. Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity // American Journal of Human Biology. 2011. Vol. 23. № 6. Pp. 805–814.
18. Rohlf F.J. The tps series of software. Hystrix. 2015. Vol. 26. № 1. P. 9.
19. Baken E.K., Collyer M.L., Kaliontzopoulou A., Adams D.C. geomorph v4. 0 and gmShiny: Enhanced analytics and a new graphical interface for a comprehensive morphometric experience // Methods in Ecology and Evolution. 2021. Vol. 12. № 1. Pp. 2355–2363.
20. Good P. Permutation tests: a practical guide to resampling methods for testing hypotheses // Springer Science & Business Media, 2013.
21. Rostovtseva V.V., Mezentseva A.A., Windhager S., Butovskaya M.L. Sexual dimorphism in facial shape of modern Buryats of Southern Siberia // American journal of human biology. 2021. Vol. 33. № 2. e23458.
22. Mitteroecker P., Schaefer K. Thirty years of geometric morphometrics: Achievements, challenges, and the ongoing quest for biological meaningfulness // American Journal of Biological Anthropology. 2022. Vol. 178. № S74. Pp. 181–210.

Индекс УДК 94 + 327.2 + 325.3
Код ГРНТИ 03.09.31; 03.23.31; 03.61.91
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-58-70

В.В. ЩЕПКИН*

Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX веков

В статье подводятся итоги изучения места и роли айнов – коренного народа Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо – в становлении и развитии российско-японских отношений XVIII–XIX вв. Обосновывается необходимость привлечения широкого круга источников на японском языке для изучения этого вопроса. Предлагается периодизация истории айнов в контексте российско-японских отношений. Первый этап (начало XVIII – начало XIX в.) характеризуется активным участием айнов во взаимодействии русских и японцев. Сравнительное изучение документов российских и японских экспедиций позволило выделить по крайней мере четыре функции айнов в этом процессе: проводников, переводчиков, информантов и посредников в торговле. В статье подробно раскрывается каждая из функций, в том числе значимая роль айнов в картографировании и номинации географических объектов в регионе Охотского моря российскими и японскими экспедициями. На втором этапе (середина XIX – начало XX в.) айны превращаются из субъекта российско-японских отношений в пассивный объект, а их земли – в предмет переговоров и военных трофеев. Был изучен вопрос о статусе айнов в процессе российско-японских переговоров о территориальном размежевании в 1853–1875 гг. Попытки российской стороны разделить вопросы подданства айнов и принадлежности территорий тем не менее не спасли сахалинских и курильских айнов от насильственных переселений японскими властями после заключения Петербургского договора 1875 г.

Ключевые слова: айны, российско-японские отношения, Курильские острова, Сахалин, Хоккайдо, экспедиции, империализм, коренные народы, пограничное размежевание

С начала XVIII в. и вплоть до установления дипломатических отношений между Российской империей и Японией в 1855 г. основной контактной зоной русских и японцев являлись территории, окружающие Охотское

море, – южная оконечность полуострова Камчатка, Курильские острова, Хоккайдо, Сахалин. В XVIII–XIX вв. почти все официальные и неофициальные контакты русских и японцев происходили именно на этих землях. Сахалин и Курильские

* **Щепкин Василий Владимирович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, руководитель проекта «Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XX вв.» (20-09-00401).
E-mail: vshepkin@gmail.com

острова оставались предметом взаимных территориальных притязаний вплоть до середины XX в., а юрисдикция России над южными Курилами до сих пор не признаётся правительством Японии.

В то же время указанные земли многие столетия являлись домом для одного из коренных народов островного мира Тихого океана – айнов (ил. 1). Важную роль айнов в истории российско-японских отношений осознавали ещё основоположники её изучения А.С. Полонский и Д.М. Позднеев, значительную часть своих трудов уделившие этому народу [1, 2]. Однако в дальнейшем попытки определить их место в истории российско-японских отношений практически не предпринимались. В настоящее время в США и странах Западной Европы историю айнов преимущественно рассматривают с точки зрения их отношений с японцами в прошлом [3] и наши дни [4, 5], а также с использованием подходов экологической истории [6]. Наиболее активны в изучении истории айнов в контексте российско-японских отношений японские учёные, однако они, как правило, опираются лишь на японоязычные источники и склонны делать акцент на Курильских островах, обходя вниманием айнов Сахалина и Хоккайдо [7–9].

В российской исторической науке в последние годы также наметился определённый интерес к теме айнов в контексте формирования российско-японских отношений. В большей степени он направлен на айнов Сахалина и на период со второй половины XIX по начало XX в. [10–12]. Некоторые исследователи обращаются к истории айнов в контексте широких торговых связей с разными народами Дальнего Востока [13, 14]. К сожалению, общим недостатком этих работ является источниковая база: они опираются преимущественно на опубликованные россий-

Ил. 1. Айнские мужчины на постановочной фотографии. 1870-е гг. Источник: Научный архив РГО (коллекция А.В. Григорьева)

ские источники и научные труды предшественников, изредка задействуя также отдельные работы японских историков, в то время как архивные источники, прежде всего японоязычные, используются крайне редко.

Для понимания истории айнов в период становления российско-японского взаимодействия критически важно использование источников XVIII–XIX вв. на японском языке, поскольку по видовому разнообразию, охвату проблематики и глубине её проработки с ними не могут сравниться источники на любых других языках. Более того, именно российские исследователи способны критично и максимально объективно использовать японоязычные источники, в том числе путём аналитического сопоставления их с российскими архивными материалами (ил. 2).

В рамках поддержанного РФФИ проекта «Айны в истории российско-японских

Ил. 2. Изображение вооружённого конфликта во время визита российской экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на Итуруп в 1807 г. Подпись гласит: «Жители дружественных посёлков (айны) сражаются с «красными людьми» (русскими)». Рисунок из японского ксилографа 1861 г.
 Источник: Институт восточных рукописей РАН

отношений XVIII–XX вв.» группа петербургских историков задалась целью установить место и роль этого коренного народа в истории двусторонних отношений на разных её этапах: от первоначального сбора информации русскими и японцами друг о друге до приграничного размежевания во второй половине XIX – начале XX в. При этом мы подходили к изучению истории двусторонних отношений России и Японии как к многосубъектному процессу, не ограниченному государствами как основными акторами. Важными субъектами этих отношений, чьи мотивы и действия (как и само их существование) мы не могли не учитывать, были также местные власти (Сибирское губернаторство,

администрации в Охотске и на Камчатке — в России, княжество Мацумаэ — в Японии), купцы и торговые дома, а также, конечно, айны. Основным методом стал анализ, в том числе сравнительный, российских и японских архивных источников (как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот): документов российских и японских экспедиций XVIII–XIX вв., дневников, карт, словарей, переписных листов и т.д.

В результате проведённой работы мы пришли к выводу, что история айнов с точки зрения их места в истории российско-японских отношений подразделяется на два продолжительных периода. Первый длился с начала XVIII в. (исход-

ной точкой можно считать экспедицию И.П. Козыревского на северные Курильские острова в 1713 г.) до начала XIX в. (а именно до освобождения капитана В.М. Головнина и его спутников из японского плена в 1813 г.). В этот период айнов следует признать одним из субъектов российско-японских отношений, оказывавших активное влияние на их становление и развитие. Второй период начался с переговоров о территориальном размежевании миссией адмирала Е.В. Путятина в середине XIX в. и продолжался до поражения Японии во Второй мировой войне и репатриации японцев и айнов с Сахалина и Курильских островов в середине XX в. В этот период айны превращаются из действующего субъекта в подчинённый объект российско-японских отношений, чья территория расселения становится предметом переговоров и трофеем военных побед.

Что касается первого периода, когда айны были активными участниками ранних российско-японских отношений, нам удалось выделить как минимум четыре основные их функции в этом процессе: 1) проводники (сопровождение экспедиций и участие в картографировании); 2) информанты (сообщение сведений о России, русских и их деятельности — японцам и о Японии, японцах и их деятельности — русским); 3) переводчики (перевод с японского языка на русский через айнский и обратно в ходе экспедиций и переговоров); 4) посредники в торговле. Ниже будет подробно описана содержательная сторона этих функций.

Айны как проводники

Современная зона распространения топонимов айнского происхождения охватывает практически все земли их исторического расселения: Хоккайдо, Курильские острова, южную половину Сахалина, а также северо-восток японского острова Хонсю, где айнский язык был в ходу по крайней мере до XIII в. Сохранение автохтонных топонимов косвенно свидетельствует

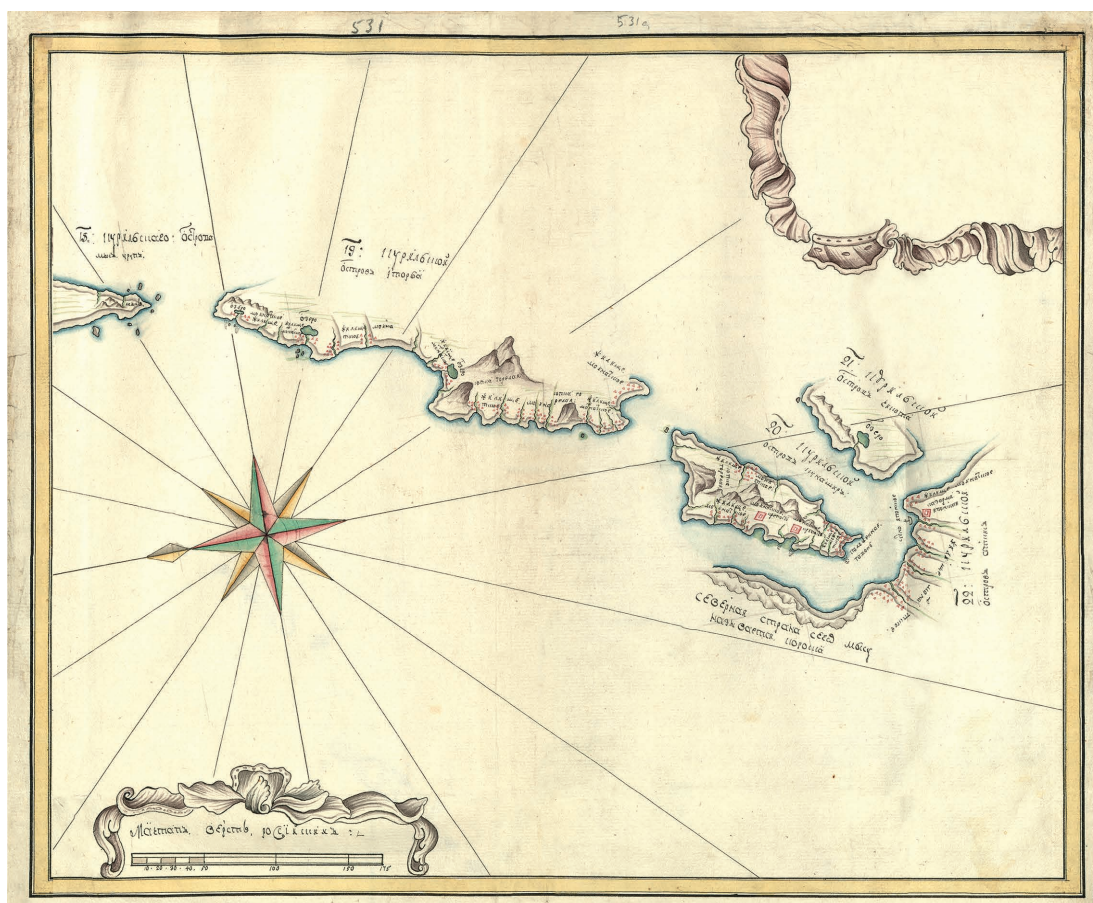
об активном участии коренного населения в картографировании и номинации географических объектов в Новое время (XVII–XIX вв.).

Действительно, в ходе изучения документов российских и японских экспедиций XVIII–XIX вв. нам удалось найти многочисленные подтверждения того, что айны регулярно выступали их проводниками. Россияне пользовались услугами айнов северных и средних Курильских островов в своих поездках к южным Курилам и на северо-восток Хоккайдо [15], зримым свидетельством являются ранние карты этого района (ил. 3).

От этой практики на время отказались на рубеже XVIII–XIX вв., когда приоритетом стали точные астрономические вычисления положения географических объектов (плавание И.Ф. Крузенштерна), но снова вернулись к ней для облегчения контактов с местными жителями (плавание В.М. Головнина). Японские чиновники свои первые плавания вдоль берегов Сахалина и южных Курильских островов также совершали на лодках местных жителей в их сопровождении [16].

Дневники и письма участников самых первых японских экспедиций на острова Кунашир и Итуруп в конце XVIII в. предоставили ценные сведения о процессе фиксации айнских топонимов в японских текстах и картах. В том числе мы смогли выяснить, что некоторые топонимы, хотя и происходят из айнского языка, были зафиксированы отчасти ошибочно, поскольку являлись ситуативными описаниями некоторых особенностей ландшафта [17].

Роль айнов как проводников не ограничивалась картографической деятельностью русских и японцев. В ряде случаев айны выступали проводниками в связи с конкретными запросами русских и японцев о необходимости посещения японских и российских поселений соответственно. Так, именно айны Итурупа впервые привели русских на Хоккайдо в местную японскую факторию для переговоров о торговле в 1778 г. [15]. В этом смысле весьма показателен рисунок

Ил. 3. Карта айных поселений и крепостей на южных Курильских островах и северо-востоке Хоккайдо (фрагмент). Источник: РГАДА (Ф. 7. Оп. 2. Д. 2539. Л. 531)

Ил. 4. Рисунки встречи российской экспедиции японскими чиновниками на северо-востоке Хоккайдо при участии местных айнов 6 сентября 1779 г. Источник: Библиотека Гёттингенского университета (Коллекция Георга фон Аша)

встречи российской экспедиции японскими чиновниками на северо-востоке Хоккайдо, выполненный одним из её участников Д.Я. Шабалиным: айны («мохнатый народ») изображены на нём наравне с японцами и русскими (ил. 4). Таким же образом айны того же Итурупа в 1803 г. сопровождали отряд японских чиновников на о. Уруп в основанное там незадолго до того российское поселение [18].

Айны как переводчики

Использование айнского языка тесно связано не только с номинацией географических объектов, но и с другой функцией айнов в ранних российско-японских контактах, а именно с переводческой. Изучение российских и японских документов XVIII – начала XIX в. позволило установить, что айнский язык неоднократно выступал в качестве языка международного общения на Курильских островах, Хоккайдо, а во второй половине XIX в. – и на Сахалине.

Первые встречи официальных лиц России и Японии произошли в 1778–1779 гг., когда отряды российской экспедиции на о. Уруп дважды посетили сезонные японские торговые фактории на северо-востоке Хоккайдо. Как российские, так и японские документы об этом событии подробно описывают процесс переговоров. Несмотря на то, что в составе российской экспедиции было по крайней мере два человека, владевших японским языком (выпускники Иркутской навигацкой школы, где он преподавался), переговоры велись на айнском языке: японский переводчик, владевший айнским языком, переводил слова японских чиновников на этот язык, местный айн произносил их на родном языке (вероятно, более связно), а затем сопровождавший россиян курильский айн переводил его речь на русский; аналогично и в обратную сторону [15]. Подобным образом проходило общение между русскими и японцами и в ходе пленения капитана В.М. Головнина и его спутников в 1811–1813 гг. Их с самого начала сопровождал курилец Алексей, через которого

они и общались с японским переводчиком айнского языка (иногда прибегая к помощи ещё и айнов Хоккайдо), а тот переводил его речь на японский [19].

Во многом с этой важной ролью айнского языка связана и деятельность русских и японцев по составлению словарей айнского языка. С российской стороны эта работа была начата Н.П. Резановым в 1805 г., а затем продолжена по его приказу Н.А. Хвостовым и Г.И. Давыдовым в 1806–1807 гг. [20]. Составление первых известных японских словарей айнского языка также относится к рубежу XVIII–XIX вв., вероятно, для облегчения коммуникации многочисленных чиновников, которые стали регулярно посещать земли айнов: до тех пор переводческое дело долгое время оставалось семейным ремеслом нескольких домов княжества Мацумаэ, передававшимся из поколения в поколение [21].

Айны как информанты

С самого начала XVIII в. айны выступали также информантами русских о Японии и японцах, а позже и наоборот. Именно от айнов северных островов Шумшу и Парамушира участники экспедиции И.М. Козыревского 1713 г. получили первые детальные сведения обо всём архипелаге, а также о торговых связях с южными островами, а позже от пленного итурупского айна Шитанай русские подробно узнали также о положении островов Хоккайдо и Хонсю, а также о торговле между японцами и айнами [22].

По мере распространения российских промыслов на о. Уруп айны южных Курильских островов – Итурупа и Кунашира, также часто бывавшие на Урупе для охоты, стали регулярно сообщать русским сведения о деятельности японцев на северо-востоке Хоккайдо и южных Курилах. Так, нами было установлено, что в инструкции Адаму Лаксману, возглавлявшему российскую экспедицию в Японию в 1792–1793 гг., содержалось предписание выяснить обстоятельства восстания айнов, которое про-

изошло на Кунашире и северо-востоке Хоккайдо в мае–июне 1789 г. [23]. Таким образом, сибирским властям об этом событии стало известно почти сразу, в течение первых двух лет. Поскольку с 1785 по 1792 г. плаваний из России к южным Курилам не предпринималось, очевидно, что информация передавалась от айнов южных Курил их соплеменникам с северных островов в ходе совместных промыслов на Уруппе, далее – камчатским и охотским властям и, наконец, в Иркутск.

Схожим образом процесс информирования происходил и в обратном направлении, к японцам. В ходе изучения дневниковых записей японского чиновника Могами Токунаи было обнаружено, что айны на Итурупе сообщили ему о грядущей экспедиции Адама Лаксмана

ещё осенью 1791 г. – за год до её прибытия на северо-восток Хоккайдо, т.е. когда указ о её организации был едва выпущен Екатериной II на имя иркутского губернатора [24]. Это, между прочим, косвенно свидетельствует о том, что подготовка к плаванию началась ещё до высочайшего его одобрения. Могами незамедлительно сообщил об этом столичным властям, что, кстати, ставит под сомнение расхожий тезис о том, что прибытие российской экспедиции стало для японцев полной неожиданностью.

Айны как торговые посредники

Ещё одной важной функцией айнов в ранних российско-японских отношениях было посредничество в торговле. Как известно, желание установить регулярные

Ил. 5. Предводитель российского поселения на Уруппе Василий Звездочётов и русские женщины с детьми. Японский рисунок 1804 г.

Источник: <https://www.jonathanahill.com/pages/books/8401/masayasu-habuto-not-masakai/manuscript-on-paper-entitled-kyumei-koki-governmental-history-of-hokkaido>

торговые отношения с японцами во многом было стимулом для российского продвижения по Курильским островам в сторону Японского архипелага, по крайней мере в течение всей второй половины XVIII в. Торговля с Японией была необходима для обеспечения продовольствием, прежде всего рисом, а также табаком, рисовым вином и сахаром, тихоокеанских владений России — Охотского порта и Камчатки. Именно установление торговых отношений с японцами стало главной целью российской экспедиции 1778–1779 гг. на Хоккайдо. Чиновники японского княжества Мацумаэ отказались от такого предложения, сославшись на законы центрального правительства, запрещающие вести торговлю с иностранцами где-либо, кроме Нагасаки, однако предложили альтернативный вариант: вести обмен товарами через айнов южных Курильских островов. За этим решением, вероятно, скрываются старания айнских вождей Итурупа и Кунашира, стремившихся сохранить независимость как от японцев, так и от русских, стать ещё и выгодоприобретателями такого положения дел [15].

Российские архивные документы сохранили свидетельства торговых обменов между русскими и айнами южных Курил с 1779 по 1785 г., которые прервались лишь из-за отсутствия постоянного российского населения на Уруп. Когда же в 1795 г. по инициативе сибирского купца Г.И. Шелихова там была основана постоянная колония промышленников и крестьян, торговля с айнами Итурупа немедленно возобновилась и продолжалась до 1803 г. (ил. 5). От айнов русские получали рис, табак и вино, благодаря чему и стало возможным относительно продолжительное существование поселения [18].

Однако с прибытием японской правительственной экспедиции на Итуруп в 1798 г. сведения об этих отношениях оказали определяющее влияние на перевод северо-востока Хоккайдо, Кунашира и Итурупа под прямое управление центрального правительства Японии, а также на характер японской политики в отношении местного

населения — айнов. Стремление выдворить русских с Урупа и тем самым пресечь их отношения с айнами южных Курильских островов привело к решению японского правительства превратить Итуруп в естественную крепость и запретить местным жителям покидать остров, а русским и айнам северных и средних Курил — приезжать на него. В то же время длительное пребывание русских поселенцев на Уруп предотвратило распространение японского влияния к северу от Итурупа [18].

Необходимо также отметить, что политика японских властей, нацеленная на выдворение русских с Урупа, привела не только к разрыву отношений между русскими и айнами южных Курил, но и к кардинальным переменам в истории айнского народа в целом. Запретив айнам южных Курильских островов плавать на Уруп для сезонного промысла морских животных во избежание контактов с русскими, японское правительство сделало невозможными их встречи и торговые отношения с айнами средних и северных Курильских островов и тем самым прервало вековые контакты двух субэтнических групп. Так была открыта дорога к окончательному приграничному размежеванию России и Японии, которое состоялось уже во второй половине XIX в., в эпоху, когда решения о принадлежности «территорий» принимались за тысячи километров от них — в Симодэ, Санкт-Петербурге и Портсмуте, без всякого учёта интересов местного населения.

Айны в российско-японских переговорах второй половины XIX в.

История приграничного размежевания России и Японии во второй половине XIX — начале XX в. хорошо изучена, как и вопрос влияния этого процесса на судьбу сахалинских и курильских айнов. Новизной нашего проекта стало изучение вопроса о подданстве айнов и связи их с местами проживания в ходе российско-японских переговоров, прежде всего в 1853–1875 гг.

Нам удалось установить, что в ходе переговоров о заключении Симодского тракта-

Ил. 6. Сахалинские айны, вынужденные переехать на Хоккайдо после Петербургского договора 1875 г. Фото 1879–1880 гг.

Источник: Научный архив РГО (коллекция А.В. Григорьева)

та 1855 г. японская сторона пыталась обосновать свои территориальные претензии на Сахалине и Курильских островах, ссылаясь на факт подданства айнов японскому правительству, однако российская сторона смогла разделить вопросы территорий и населения, благодаря чему решение вопроса о принадлежности Сахалина и границы было отложено. Далее японцы продолжали использовать «подданство» айнов как аргумент в пользу принадлежности южного Сахалина в ходе переговоров 1862 г. в Петербурге, однако указание российского министра Игнатьева на характер отношений японцев и айнов на Сахалине смогло снова снять этот аргумент с повестки. В ходе следующих переговоров в 1867 г. российской стороне удалось также добиться включения

пункта о личной свободе и имущественных правах местного населения Сахалина в текст очередного соглашения [25].

Однако наибольшее влияние на положение айнов Сахалина и Курильских островов оказал заключённый в 1875 г. Санкт-Петербургский договор, по которому Япония отказывалась от своих притязаний на южный Сахалин в обмен на все Курильские острова. Договор привёл к тому, что значительная часть айнов южного Сахалина под влиянием уговоров японцев приняла решение переселиться на Хоккайдо (ил. 6), айны же северных Курильских островов, не переехавшие на Камчатку как российские подданные, были насильно переселены новыми японскими властями на южный остров Шикотан, где впоследствии мно-

гие из них погибли, не приспособившись к новому климату и условиям жизни [10].

В начале XX в., когда Россия потерпела поражение в русско-японской войне и по Портсмутскому мирному договору уступила Японии южную половину Сахалина, исторические земли айнов практически полностью оказались под властью Японской империи. Незадолго до этого в 1899 г. в Японии был принят дискриминационный «Закон о защите бывшего коренного населения Хоккайдо», нацеленный на превращение айнов в японских простолудинов при сохранении социальной сегрегации. Запрет многих культурных практик и образования на родном языке привёл к почти полному исчезновению языка и культуры айнов к середине XX в.

Однако по иронии истории именно в это время Японская империя потерпела поражение во Второй мировой войне, что при-

вело к её оккупации войсками союзников и проведению обширных демократических реформ. Преобразования в политической и общественной жизни Японии середины XX в. позволили зародиться движению по борьбе против дискриминации айнов и за их права как коренного народа Японского архипелага. Изучение этого вопроса не входило в задачи нашего проекта, в том числе потому, что в России появляются новые молодые специалисты по этому периоду истории айнов [26, 27, 28]. Тем не менее, на наш взгляд, новые законы о защите традиционной культуры айнов и признание их коренным народом, осуществлённые правительством Японии в последние десятилетия, делают объективное исследование истории этого народа с опорой не только на японские, но и на российские источники, а также на сравнительное их изучение как никогда актуальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полонский А.С. Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. СПб., 1871. С. 367–576.
2. Позднеев Д.М. Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материкам Азии и России. Т. 1: Данные географические и этнографические. Иокохама: Типография Ж. Глюк, 1909.
3. Noemi Godefroy. Autour de la question de l'île d'Ezo: évolutions des rapports de domination septentrionale et des relations avec l'étranger au Japon, des origines au 19ème siècle: Диссертация на соискание ученой степени PhD, 2013.
4. Mark K. Watson. Japan's Ainu Minority in Tokyo: Diasporic Indigeneity and Urban Politics. Routledge, 2014.
5. Ann-Elise Lewallen. The Fabric of Indigeneity: Ainu Identity, Gender, and Settler Colonialism in Japan. Albuquerque, 2016.
6. Brett L. Walker. The Conquest of Ainu lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800. University of California Press, 2006.
7. Каваками Дзюн. Кинсэй ко:ки но окуэдзотиси то нитиро канкэй (История дальних земель айнов во второй половине периода Эдо и российско-японские отношения). Саппоро: Хоккайдо сьуппан кикаку сэнта., 2011 (на яп. яз.).
8. Акидзуки Тосиюки. Тисима рэтто: о мэгуру Нихон то Росиа [Япония и Россия вокруг Курильских островов]. Саппоро; Хоккайдо: дайгаку сьуппанся, 2015 (на яп. яз.).
9. Кора: Сусаннэ [Коллер, Сусаннэ]. Анъэй нэнкан но эдзоти ни окэру нитиро ко:сё то тисима аину [Японо-российские контакты в землях Эдзо в годы Анъэй и курильские айны] // Хокудай сигаку [Исторический журнал Университета Хоккайдо]. 2002. № 42. С. 56–79 (на яп. яз.).
10. Лим С.Ч. История сахалинских айнов в свете русско-японского соперничества на Дальнем Востоке (XVIII в. – сентябрь 1875 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 3, 2017. С. 21–32. DOI: 10.24866/1997-2857/2017-3/21-32.

11. Грицкевич Р.А. Поселения сахалинских айнов в условиях трансформаций середины – конца XIX в. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 28. С. 17–28. DOI: 10.24411/2658-5960-2020-10032.
12. Тураев В.А. Этническая история айнов Сахалина и Курильских островов в контексте российско-японских территориальных размежеваний // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 213–230. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00028.
13. Гвоздев Р.В., Грицкевич Р.А. Межэтнические контакты айнов периода XVII–XIX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 23. С. 46–54. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10014.
14. Шкунов В.Н. Роль коренных народов Дальнего Востока в становлении и развитии российско-японской торговли в XVIII–XIX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 11–17.
15. Щепкин В.В. Айны южных Курильских островов и становление российско-японских отношений во 2-й половине XVIII в. // Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XIX вв.: Коллективная монография / Под ред. В.В. Щепкина. СПб.: ЛЕМА, 2020. С. 127–182.
16. Климов А.В. Гл. 6: Первая зимовка японцев на острове Итуруп в 1803–1804 гг. (по материалам «Рассказов о северных варварах») // Четыре века экспедиций в земли айнов: Коллективная монография / Под ред. В.В. Щепкина. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 151–169.
17. Shchepkin V. On Japanese recording of some Ainu toponyms in the late 18th century // Cultural Anthropology and Ethnosemiotics. Vol. 8. № 4 (December 2022). Pp. 30–34.
18. Щепкин В.В. Российская колония на Уруппе (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил // Японские исследования. 2022. № 4. С. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55.
19. Климова О.В. Российские экспедиции в земли айнов в начале XIX в. // Четыре века экспедиций в земли айнов: Коллективная монография / Под ред. В.В. Щепкина. СПб.: Арт-Экспресс, 2022. С. 170–202.
20. Климова О.В. Словари айнского языка Н.П. Резанова, Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова // Новые источники по истории и культуре айнов: Коллективная монография / Под ред. В.В. Щепкина. СПб.: ЛЕМА, 2021. С. 66–98.
21. Климова О.В. Японские переводчики айнского языка в XVII–XVIII вв. – по японским источникам // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей Новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. Т. 1. С. 346–348.
22. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сборник документов. М.: Наука, 1984. С. 33–35.
23. Журнал посольства А. Лаксмана в Японию // Преображенский А.А. Первое русское посольство в Японию // Исторический архив. № 4. 1961. С. 113–148.
24. Могами Токунаи. Эдзо со:си ко:хэн [Следующее издание «Записок об Эдзо»] // Хокумон со:сё [Серия «Библиотека Севера»]. Т. 3. Токио: Кокусё канко:кай, 1972. С. 453–454.
25. Климов А.В. Сахалин в российско-японских отношениях с 1862 по 1867 г. // История и культура Японии. Вып. 13. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. С. 370–383.
26. Чекункова Е.С. Основные этапы становления движения айнов на острове Хоккайдо в XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 6–2. С. 87–90.
27. Чекункова Е.С. Современное положение айнов в рамках нового этапа этнической политики Японии // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 23. С. 55–66.
28. Чекункова Е.С. Борьба айнов за свои права через судебную систему Японии // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 32. С. 66–81.

The Ainu in the History of the Japanese–Russian Relations in the 18th and 19th Centuries

Vasilii Vladimirovich Shchepkin – Candidate of Science (History), senior researcher at the Department of the Far East, Institute of Oriental Manuscripts RAS, head of the project ‘The Ainu in the History of Japanese–Russian Relations in the 18th–20th century’ (20-09-00401).
E-mail: vshepkin@gmail.com

The article summarizes the findings of the research on the role of the Ainu, the indigenous people of Sakhalin, the Kuril Islands and Hokkaido, in the establishment and development of Japanese–Russian relations in the 18th–19th centuries. The authors substantiate the need to use a wide range of sources in Japanese to study this issue. Periodization of the Ainu history in the context of Japanese–Russian relations is suggested in the article. The first stage (early 18th – early 19th centuries) is marked by the active participation of the Ainu in the Japanese–Russian relations. A comparative review of the documents of the Russian and Japanese expeditions allowed to identify at least four functions of the Ainu in this process: guides, interpreters, informants, and trade intermediaries. The article provides details of each function, including the significant role of the Ainu in the mapping and naming of geographical objects in the Sea of Okhotsk region during the Russian and Japanese expeditions. At the second stage (mid-19th – early 20th centuries) the Ainu are transformed from the subject of Japanese–Russian relations into a passive entity, and their lands – a subject of negotiations and war trophies. The authors study the question of the Ainu status during the Japanese–Russian negotiations on territorial demarcation in 1853–1875. Attempts by the Russians to separate the issues of Ainu citizenship and belonging to certain territories nevertheless did not spare the Sakhalin and Kuril Ainu from being forcibly relocated by the Japanese authorities after the Treaty of St. Petersburg in 1875.

Keywords: Ainu, Japanese–Russian relations, Kuril Islands, Sakhalin, Hokkaido, expeditions, imperialism, indigenous peoples, border demarcation

REFERENCES

1. Polonskii A.S. Kurily // Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. T. 4. SPb., 1871. S. 367–576 (in Russian).
2. Pozdneev D.M. Materialy po istorii Severnoi Yaponii i eyo otnoshenii k materiku Azii i Rossii. T. 1: Dannye geograficheskie i etnograficheskie. Iokokhama: Tipografiya Zy. Glyuk, 1909 (in Russian).
3. Godefroy, Noemi. Autour de la question de l'île d'Ezo: évolutions des rapports de domination septentrionale et des relations avec l'étranger au Japon, des origines au 19ème siècle. Диссертация на соискание ученой степени PhD, 2013 (in French).
4. Mark K. Watson. Japan's Ainu Minority in Tokyo: Diasporic Indigeneity and Urban Politics. Routledge, 2014.
5. Ann-Elise Lewallen. The Fabric of Indigeneity: Ainu Identity, Gender, and Settler Colonialism in Japan. Albuquerque, 2016.
6. Brett L. Walker. The Conquest of Ainu lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion 1590–1800. University of California Press, 2006.
7. Kawakami Jun. KInsei koki no okuezochishi to nichiro kankei. Sapporo: Hokkaido shuppan kikaku senta, 2011 (in Japanese).
8. Akizuki Toshiyuki. Chishima retto wo meguru Nihon to Roshia. Sapporo: Hokkaido daigaku shuppansha, 2015 (in Japanese).

9. Kora Susanne. An'ei nenkan no ezochi ni okeru nichiro kosho to Chishima Ainu // Hokudai Shigaku, № 42, 2002. Pp. 56–79 (in Japanese).
10. Lim S.Ch. Istoriya sakhalinskikh ainov v svete russko-yaponskogo sopernichestva na Dal'nem Vostoke (XVIII v. – sentyabr' 1875 g.) // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, № 3, 2017. S. 21–32. DOI: 10.24866/1997-2857/2017-3/21-32 (in Russian).
11. Gritskevich R.A. Poseleniya sakhalinskikh ainov v usloviyakh transformatsii serediny – kontsa XIX v. // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2020. № 28. S. 17–28. DOI: 10.24411/2658-5960-2020-10032 (in Russian).
12. Turaev V.A. Etnicheskaya istoriya ainov Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov v kontekste rossiisko-yaponskikh territorial'nykh razmezhevanii // Rossiya i ATR. 2018. № 2. S. 213–230. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00028 (in Russian).
13. Gvozdev R.V., Gritskevich R.A. Mezhetnicheskie kontakty ainov perioda XVII–XIX vv. // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2019. № 23. S. 46–54. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10014 (in Russian).
14. Shkunov V.N. Rol' korennykh narodov Dal'nego Vostoka v stanovlenii i razvitii rossiisko-yaponskoi trgovli v XVIII–XIX vv. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2016. T. 18. № 6. S. 11–17 (in Russian).
15. Shchepkin V.V. Ainy yuzhnykh Kuril'skikh ostrovov i stanovlenie rossiisko-yaponskikh otnoshenii vo 2-i polovine XVIII v. // Ainy v istorii rossiisko-yaponskikh otnoshenii XVIII–XIX vv.: Kollektivnaya monografiya / Pod red. V.V. Shchepkina. SPb.: LEMA, 2020. S. 127–182 (in Russian).
16. Klimov A.V. Gl. 6: Pervaya zimovka yapontsev na ostrove Iturup v 1803–1804 gg. (po materialam «Rasskazov o severnykh varvarakh») // Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov: Kollektivnaya monografiya / Pod red. V.V. Shchepkina. SPb.: Art-Ekspress, 2022. S. 151–169 (in Russian).
17. Shchepkin V. On Japanese recording of some Ainu toponyms in the late 18th century // Cultural Anthropology and Ethnosemiotics. Vol. 8. № 4 (December 2022). Pp. 30–34.
18. Shchepkin V.V. Rossiiskaya koloniya na Urupe (1795–1805) i eyo vliyanie na politiku Yaponii v otnoshenii ainov yuzhnykh Kuril // Yaponskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55 (in Russian).
19. Klimova O.V. Rossiiskie ekspeditsii v zemli ainov v nachale XIX v. // Chetyre veka ekspeditsii v zemli ainov: Kollektivnaya monografiya / Pod red. V.V. Shchepkina. SPb.: Art-Ekspress, 2022. S. 170–202 (in Russian).
20. Klimova O.V. Slovarei ainskogo yazyka N.P. Rezanova, N.A. Khvostova i G.I. Davydova // Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov: Kollektivnaya monografiya / Pod red. V.V. Shchepkina. SPb.: LEMA, 2021. S. 66–98 (in Russian).
21. Klimova O.V. Yaponskie perevodchiki ainskogo yazyka v XVII–XVIII vv. – po yaponskim istochnikam // XXXI Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: Rossiya i Vostok. K 100-letiyu politicheskikh i kul'turnykh svyazei Noveishego vremeni. 23–25 iyunya 2021 g.: Materialy kongressa. SPb.: Izd-vo Studiya «NP-Print», 2021. T. 1. S. 346–348 (in Russian).
22. Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana v pervoi polovine XVIII v.: Sbornik dokumentov. M.: Nauka, 1984. S. 33–35 (in Russian).
23. Zhurnal posol'stva A. Laksmana v Yaponiyu // Preobrazhenskii A.A. Pervoe russkoe posol'stvo v Yaponiyu // Istoricheskii arkhiv. № 4. 1961. S. 113–148 (in Russian).
24. Mogami Tokunai. Ezo soshi kohen. Vol. 3. Tokyo: Kokusho kankokai, 1972. Pp. 453–454 (in Japanese).
25. Klimov A.V. Sakhalin v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh s 1862 po 1867 g. // Istoriya i kul'tura Yaponii. Vyp. 13. M.: Izdatel'skii dom NIU VSHE, 2021. S. 370–383 (in Russian).
26. Chekunkova E. S. Osnovnye etapy stanovleniya dvizheniya ainov na ostrove Khokkaido v XX v. // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. № 6–2. S. 87–90 (in Russian).
27. Chekunkova E. S. Sovremennoe polozhenie ainov v ramkakh novogo etapa etnicheskoi politiki Yaponii // Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2019. T. 23. S. 55–66 (in Russian).
28. Chekunkova E.S. Bor'ba ainov za svoi prava cherez sudebnuyu sistemu Yaponii // Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN. 2021. T. 32. S. 66–81 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

Индекс УДК 323 + 338

Код ГРНТИ 23.53

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-71-82

**Л.В. ЗАХАРОВА,
К.В. АСМОЛОВ***

КНДР в годы правления Ким Чен Ына: основные итоги первого десятилетия (2012–2021)

В статье рассматриваются основные тенденции и результаты политического, военного и экономического развития КНДР в первое десятилетие нахождения у власти молодого лидера Ким Чен Ына. Показано, что система управления государством и партией была постепенно реформирована под нового руководителя, власть которого по сравнению с предшественниками не ослабла. Несмотря на отсутствие гласности, перестройка северокорейской административной системы шла и была направлена на повышение качества государственного и партийного аппарата. Рассмотрены результаты прогресса страны в ракетно-ядерной области. С учётом развития средств доставки ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи прошёл минимальный уровень сдерживания потенциальных противников и стремится к надёжному: вероятность успешного ответного удара не только по территории союзников Америки, но и по континентальной территории США существенно возросла. Выделены основные направления усиления международных позиций КНДР в указанный период, а также сохраняющиеся проблемы для урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова.

Проанализированы основные направления экономической политики Ким Чен Ына и ключевые вызовы экономическому развитию страны. Попытка добиться модернизации экономики и встать на путь устойчивого роста за счёт расширения внешнеэкономических связей была сорвана международными санкциями. «Квазирыночные» реформы, начавшиеся с первых лет пребывания Ким Чен Ына у власти и тесно связанные с внешнеторговым обменом, стали буксовать, а в условиях дефицита внутренних ресурсов государство усилило административный контроль за их распределением.

Сделан вывод о том, что базовые цели всех основных государственных подсистем КНДР (военной, политической, экономической) подчинены задаче поддержания стабильности действующей системы управления страной, поскольку именно в этом руководству видится залог физического выживания государства.

* **Захарова Людмила Владимировна** — кандидат экономических наук, учёный секретарь Института Китая и современной Азии (ИКСА) РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН, руководитель проекта «КНДР “эпохи Ким Чен Ына” в меняющемся региональном порядке в Азии и российские национальные интересы» (20-014-00020).
E-mail: zakharova@iccaras.ru

Асмолов Константин Валерианович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИКСА РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: asmolov@iccaras.ru

Ключевые слова: Северная Корея, КНДР, Ким Чен Ын, внутренняя политика КНДР, экономика КНДР, ракетно-ядерная программа КНДР, санкции, внешняя политика КНДР

После смерти лидера КНДР Ким Чен Ира в декабре 2011 г. и прихода к власти его сына Ким Чен Ына в экспертных кругах некоторых стран (прежде всего западных) звучали прогнозы о грядущей нестабильности и скором коллапсе «северокорейского режима». Однако все они не сбылись, а страна продолжала существовать и развиваться согласно представлениям её нового руководителя.

Для решения поставленных в проекте задач был применён системный подход, позволивший рассмотреть современную КНДР как совокупность взаимосвязанных элементов/подсистем (имеющих свои цели, ресурсы, связь с внешней средой и обратную связь) и одновременно единое целое, взаимодействующее с более широкой внешней средой на разных уровнях.

В ходе исследования авторы опирались на широкий круг официальных документов, заявлений и публикаций КНДР, отечественные и зарубежные аналитические матери-

алы, научные работы, экспертные мнения, доклады и новостные сообщения. Кроме того, во время научных командировок в Пхеньян в 2016 и 2017 гг. авторами были проведены беседы с северокорейскими учёными (экономистами, юристами и историками), что позволило получить информацию из первоисточников по целому ряду аспектов, а также собрать эмпирический материал по теме исследования (ил. 1, 2).

Внутренняя политика молодого лидера

Во внутренней политике руководство КНДР медленно, но верно движется в сторону модернизации политической системы. В структуре руководства страной произошли важные изменения, и Государственный комитет обороны как чрезвычайный орган был заменён более институционализированным Государственным советом. Отметим и большее внимание к функционированию институтов партийного управле-

Ил. 1. Пхеньян, май 2017 г. Фото из личного архива авторов статьи

Ил. 2. Пхеньянский вокзал, май 2017. Фото из личного архива авторов статьи

ния, которые, в отличие от правления Ким Чен Ира, не просто регулярно собираются, а становятся рабочим инструментом государства. Дело не только в том, что «при Ким Чен Ыне руководство стало осуществляться через партийные структуры, а не военную вертикаль» [1], но и в том, что эти структуры начали регулярно собираться – как «традиционные» съезды и пленумы Трудовой партии Кореи (ТПК), так и конференции руководителей низовых партийных организаций.

Система власти была переформатирована под нового лидера, но об ослаблении власти высшего руководителя страны по сравнению с предшественниками говорить нельзя, хотя внешних проявлений культа личности на первом этапе правления Ким Чен Ына оказалось существенно меньше, чем ожидалось. При этом, отмечает российский кореевед Ким Ен Ун, сохранение образа лидера как сакральной фигуры будет и дальше позволять КНДР поддерживать сплочённость общества в условиях санкций и давления внешних сил [2].

С другой стороны, наблюдается определённая модернизация институтов, будь то система органов государственного управ-

ления, устав партии, или, что видно особенно хорошо, уголовный кодекс КНДР, который был приведён в соответствие с современными нормами права и (как минимум, официально) избавлен от таких элементов традиции, как «коллективная ответственность» или «наказание по аналогии» [3].

Модернизация касается и стиля практической работы. Последнее довольно хорошо видно по изменению структуры работы пленумов ЦК ТПК в 2021–2022 гг. Если ранее они проходили в режиме «слушали–постановили», то к началу 2020-х гг. система поменялась: генеральный секретарь ТПК Ким Чен Ын выступает с речью, в которой обрисовывает ситуацию и ставит задачи, после чего члены ЦК разбиваются на рабочие группы, в которых идёт дискуссия по конкретной тематике. По итогам работы этих групп готовится постановление, которое Ким легитимизирует заключительной речью.

Несмотря на отсутствие гласности, перестройка северокорейской административной системы идёт и направлена на повышение качества государственного и партийного аппарата. Ким Чен Ын нередко говорит о недостатках, постоянно требуя от кадров «изменить облик партии» [4], отмечается

большее внимание к внутренним проблемам, включая коррупцию и злоупотребления властью на местах, а также более открытое (по местным меркам) их обсуждение.

Если же говорить об изменениях в идеологии, Ким Чен Ын отошёл от политики «сонгун» («приоритет армии») как знака чрезвычайной ситуации и термина, более ассоциированного с правлением Ким Чен Ира. При этом самоназванием северокорейской идеологии стал «кимирсенизм—кимчениризм». Этот широкий термин, объединяющий все концепции вождей, не означает отказа от идей чучхе (в переводе с корейского языка — «хозяин своего тела») и замены их идеологической составляющей на что-то новое. Чучхе остаётся «душой» [5] северокорейской идеологии, однако подобная смена термина дополнительно подчёркивает роль Ким Ир Сена и Ким Чен Ира и включает в данное понятие не только идеи чучхе, но и методы руководства, так что тезис о движении северокорейской идеологии от марксизма к традиционализму сохраняет свою актуальность [6].

Отсутствие желания Ким Чен Ына строить собственный культ личности, равный двум его предшественникам, нежелание создавать новые «государственные мифы» и иные элементы стиля руководства, включая изменение титулатуры, когда от титулов общего характера уходят в сторону указания реальных должностей и званий, позволяют сделать важный вывод. Если рассматривать власть Ким Чен Ына с точки зрения концепции трёх типов власти по М. Веберу [7], Ким уже не является лидером классического харизматического типа, опирающегося на веру в правителя и его уникальные качества. Его тип правления более похож на рациональный, предполагающий веру в справедливость законов и правомерность действий носителей власти.

Достижения военного строительства

В области военного строительства КНДР стала полноценной ядерной державой. Ей удалось миновать «окно уязвимости», когда

её ядерная программа уже представляла угрозу для США, но ещё могла быть нейтрализована тем или иным способом. В настоящее время ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи прошёл минимальный уровень сдерживания и стремится к надёжному: вероятность успешного ответного удара не только по территории союзников Америки, но и по континентальной территории США существенно возросла.

В правление Ким Чен Ына Северная Корея провела четыре ядерных испытания, имея, по разным данным, от 20 до 60 ядерных зарядов. Но особое внимание следует обратить на совершенствование средств доставки (боевые железнодорожные ракетные комплексы, крылатые ракеты, гиперзвуковой глайдер и др.). КНДР обладает развитым арсеналом как ракет малой дальности, накрывающих территорию «большого» Сеула и способных преодолеть ПРО Южной Кореи, так и межконтинентальных, теоретически способных нанести удар по любой точке континентальной территории США (ил. 3).

Всё это очень сильно снижает вероятность ситуации, при которой противники КНДР решатся на военную акцию против неё. А.З. Жебин ещё в 2017 г. указывал, что «со временем цена силовой акции против КНДР может стать неприемлемо высокой» [8], а в 2022 г. даже известный американский ястреб В. Ча признал, что прогресс ракетно-ядерной программы Северной Кореи движется быстрее, чем модернизация американских систем противоракетной обороны [9]. При этом ядерная доктрина КНДР в целом является доктриной сдерживания, и, несмотря на жёсткую риторику, вероятность военного конфликта на Корейском полуострове, который был бы осознанно инициирован северной стороной, крайне низка.

Можно ли в таких условиях урегулировать ракетно-ядерную проблему Корейского полуострова мирным путём? Как считает А.З. Жебин, этот шанс был, пока продолжался переговорный процесс: шестисторонние переговоры «сохраняли у участников надежды на достижение компромисса, что по-

буждало стороны проявлять известную сдержанность» [8]. Однако нежелание США и их союзников идти даже на минимальные уступки похоронило процесс, а современный уровень эскалации напряжённости сводит вероятность новых многосторонних переговоров к нулю. Для того чтобы у денуклеаризации КНДР появились перспективы, нужны такие изменения в международной обстановке, что их вероятность является даже не гипотетической, а фантастической [10]. В новой ситуации следует прислушаться к позиции российских экспертов о том, что сутью нового витка переговоров должна стать не денуклеаризация, а контроль над вооружениями [11]. КНДР вполне способна выполнять тот же блок обязательств, что и иные ответственные ядерные державы.

Внешние связи Северной Кореи

На международной арене внешнеполитические позиции КНДР можно считать усилившимися, несмотря на введённые в 2016–2017 гг. санкции Совета Безопасности ООН и то, что вследствие пандемии коронавируса иностранный дипломатический корпус в Пхеньяне существенно сократился. Хотя в целом Северная Корея осталась «страной-изгоем», «олимпийское потепление» 2018 г. внесло некоторые изменения в её международный статус. Несмотря на политику «максимального давления» Вашингтона при Д. Трампе, в 2018–2019 гг. состоялась серия встреч между высшими руководителями не только КНДР и РК, но и КНДР и США. Это позволило стране получить определённую передышку, однако надежды на то, что соблюдение добровольного моратория на пуски межконтинентальных баллистических ракет и ядерные испытания изменят уровень санкционного

Ил. 3. Макет ракеты-носителя «Ынха-3», Мангёндэский дворец школьников в Пхеньяне, 1 июня 2017 г. Фото из личного архива авторов статьи

давления, не оправдались. И КНДР вернулась к демонстрациям силы, которые, однако, должны рассматриваться в контексте соразмерных действий США и РК по обострению напряжённости в регионе.

«Олимпийское потепление» продемонстрировало, до какого предела могут развиваться отношения Пхеньяна с Сеулом и Вашингтоном при благоприятной обстановке. Серия саммитов руководителей Севера и Юга, а также подписанные по их итогам документы развили традиции меж-

Ил. 4. Бронзовый бюст Ким Чен Ына, подарок председателя КНР Си Цзиньпина (20 июня 2019 г.).
Источник: Журнал «Корея». 2022. № 1. С. 42

корейского диалога времён Ким Чен Ира. Одновременно вновь стало очевидным, что без отмашки из Вашингтона южнокорейское руководство не может принимать самостоятельные решения по активизации отношений с Пхеньяном. Несмотря на тёплые рукопожатия лидеров КНДР и РК в Пхеньяне, южнокорейскому президенту Мун Чжэ Ину не удалось даже частично ослабить односторонние экономические санкции Сеула в отношении Севера, блокирующие реализацию совместных межкорейских проектов.

Аналогичная ситуация возникла и в отношениях с Вашингтоном. Хотя Д. Трамп в чём-то был «несистемным президентом», три встречи на высшем уровне ещё во времена начала правления Ким Чен Ына казались чем-то немислимым. Киму и Трампу (встречи с американским президентом можно считать самым серьёзным политическим прорывом и результатом стратегии Ким Чен Ына) удалось поставить противо-

стояние на паузу, но со сменой президента США ситуация вернулась в привычное русло, и политику Дж. Байдена в отношении КНДР можно назвать «стратегическим терпением 2.0». В этом контексте и на фоне «новой холодной войны» в начале второго десятилетия правления Ким Чен Ына перспективы диалога Пхеньяна с Сеулом или Вашингтоном выглядят весьма туманными, однако в условиях разворачивающейся гонки вооружений остаётся насущным вопрос о необходимости формирования на Корейском полуострове региональной структуры безопасности, исключить из которой КНДР нельзя.

Несмотря на определённые взлёты и падения в отношениях Северной Кореи и Китая, десятилетие завершилось на риторике «дружбы, скреплённой кровью» (ил. 4). Уровень отношений на конец исследуемого периода позиционировался как традиционная дружба стран и партий, объединённых социалистической идеологией, хотя это не стратегический союз, а скорее, стратегическое партнёрство, обусловленное общими угрозами. Пекин готов оказывать помощь Пхеньяну как важному региональному союзнику, который в отличие от Южной Кореи, поддерживает Пекин по ключевым вопросам. При этом, несмотря на абсолютное доминирование Китая во внешней торговле КНДР, Пхеньян продолжает подчёркивать независимость своей внешней политики и старается сохранить определённый уровень нейтральности.

Отношения КНДР с Российской Федерацией строятся на базе политического реализма, прагматизма и невмешательства во внутренние дела друг друга, несмотря на набор дилемм, связанных с местом России в традиционном миропорядке и её отношением к северокорейским ядерным амбициям. Однако на фоне того, как традиционный миропорядок начал давать трещины, Москва стала оказывать КНДР более активную поддержку, примером чего было наложение вето на новый проект антисеверо-корейской резолюции в Совете Безопасности ООН 26 мая 2022 г.

Ил. 5. Улица Рёмён, Пхеньян, май 2017 г.

КНДР же политически поддерживает Москву в условиях специальной военной операции, будучи одной из немногих стран, признавших присоединение новых территорий к России. При этом северокорейская поддержка российской позиции на международной арене является существенно более открытой, чем китайская. Перспективы дальнейшего развития отношений РФ и КНДР выглядят благоприятно. Россия и Северная Корея являются стратегическими партнёрами, хотя, как и в случае с Пекином, такой альянс обусловлен угрозой со стороны США и коллективного Запада.

Экономическое развитие КНДР при Ким Чен Ыне

За успехи своей ракетно-ядерной программы КНДР пришлось заплатить высокую цену в области экономики. Принятые на уровне Совета Безопасности ООН в 2016–2017 гг. санкции отрезали путь на мировой рынок для 90% экспортных товаров и всех рабочих из КНДР, запрещают импортировать в республику промышленное оборудование и транспортные средства, существенно ограничивают поставки топливных товаров. Из-за рестрикций в финансовой сфере сложности с работой в стране возникли даже у международ-

ных гуманитарных организаций. Однако экономическая система КНДР довольно быстро перестроилась под функционирование в новых условиях. При этом, несмотря на стремление к самообеспеченности и упор на импортозамещение в последние годы, Северная Корея всё ещё объективно нуждается в экономических связях с внешним миром, что позволяет прогнозировать их возобновление в недалёком будущем.

После своего прихода к власти молодой лидер сразу же поставил задачу добиться устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни населения. Для этого государственные ресурсы стали частично перераспределяться в развитие гражданских отраслей экономики, прежде всего связанных с производством продовольствия и предметов повседневного спроса, а также строительством нового жилья (ил. 5). Кроме того, в механизме управления экономикой появились важные новации в виде сокращения числа централизованно планируемых показателей, дальнейшей институционализации ряда рыночных принципов, расширения самостоятельности сельскохозяйственных и промышленных предприятий, включая сферу внешней торговли и совместного предпринимательства с иностранцами. Более того, руководству

Ил. 6. В северокорейском совхозе «Богатырский источник», июнь 2017 г.

страны удалось стабилизировать рыночные цены и курс национальной валюты. Однако о начале реальных рыночных реформ в КНДР зарубежные эксперты могли только мечтать. Сохранявшийся запрет на частное предпринимательство и частную собственность на средства производства, повышение роли Кабинета министров в контроле и управлении экономикой, а также установление 5-летних циклов экономического планирования говорили о желании лидера выстроить механизм стабильного и устойчивого развития страны, но под серьёзным контролем государства.

При этом важным фактором успешности выполнения социально-экономических задач являлось расширение внешних связей, для которого власти также прилагали усилия. КНДР была готова расширять внешнюю торговлю и принимать иностранные инвестиции в новые специальные экономические зоны. Комплекс принятых руководством мер по стимулированию экономического роста на первом этапе позволил добиться увеличения отечественного производства продовольствия и товаров повседневного спроса, улучшить условия жизни населения (по сравнению с предшествовавшим периодом), а также наладить внешние каналы поставок недостающих ресурсов, оборудо-

вания и продуктов. Однако планам Ким Чен Ына по созданию «процветающего государства» не суждено было сбыться так быстро, поскольку развитие ракетно-ядерной программы страны оказалось в прямом противоречии с военно-политическими интересами основных партнёров, которые в 2016–2017 гг. ввели жесточайшие санкции против экономических связей с Северной Кореей.

В результате попытка добиться модернизации экономики и встать на путь устойчивого экономического роста за счёт расширения внешнеэкономических связей была сорвана международными санкциями. А начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса вынудила КНДР максимально закрыться от внешних контактов для предотвращения попадания в страну малоизученной вирусной инфекции. «Квазирыночные» реформы, начавшиеся с первых лет пребывания Ким Чен Ына у власти и тесно связанные с внешнеторговым обменом, стали буксовать, а в условиях дефицита внутренних ресурсов государству пришлось усилить административный контроль за их распределением. И к началу второго десятилетия правления молодого лидера КНДР оказалась в довольно сложных экономических условиях, но выход из кажущегося тупика руководство страны продолжает искать

Ил. 7. Внутри Храма науки и техники. Пхеньян, май 2017 г.

в рамках социалистической парадигмы и с опорой на собственные силы.

В условиях международных ограничений на экспорт товаров из КНДР поставки продукции местной промышленности, которую раньше вывозили за рубеж (например морепродукты, каменный уголь и другие виды полезных ископаемых), были в значительной мере переориентированы на внутренний рынок, стимулируя местное производство, в том числе товаров народного потребления. Было увеличено производство удобрений из местного сырья. Ведётся перестройка металлургической и химической промышленности с целью организации их работы только на отечественном сырье. При этом задача создания жидкого топлива из местного каменного угля пока не решена, и нехватка топлива продолжает сдерживать экономическое развитие КНДР. Создание собственной атомной электростанции, о котором говорится уже многие годы, могло бы повысить уровень самообеспеченности экономики Северной Кореи, однако испытать ядерную бомбу оказалось проще, чем наладить использование ядерной энергии в мирных целях.

Обладающая ядерным оружием КНДР по уровню своего социально-экономического развития, если измерять его в ВВП

на душу населения, продолжает находиться на одной ступени с некоторыми наименее развитыми странами Африки, а масштабы «отставания» от Южной Кореи по этому показателю уже превышают 25 раз (согласно южнокорейским оценкам). К северокорейской реальности сам термин «валовой внутренний продукт» можно применять лишь условно, но и некоторые другие показатели свидетельствуют о наличии значительных «резервов» для совершенствования. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2019 г., ожидаемая продолжительность жизни граждан КНДР составляла 72,6 года (для сравнения: в России — 73,2 года, в РК — 83,3 года), и по признанию северокорейского правительства в области здравоохранения сохраняется много вызовов, в том числе связанных с нехваткой даже базовых медикаментов, недостаточностью мощностей по производству лекарств и медицинского оборудования.

Проблемы наблюдаются и в сфере обеспечения населения электроэнергией, доступа к чистой питьевой воде и безопасной канализации. Согласно «Добровольному национальному обзору КНДР по реализации Повестки 2030» [12], в 2019 г. лишь 34,6% населения КНДР имели устойчивый доступ к электричеству, 60,9% — имели до-

ступ к безопасной питьевой воде, 47,5% — к надлежащим санитарно-гигиеническим средствам (канализации) (для сравнения: в 2018 г. в России эти показатели составили 100%, 91,5%, 85,8% соответственно). Важнейшей задачей для нынешнего руководства Северной Кореи продолжает оставаться достижение минимального уровня самообеспеченности зерновыми культурами (7 млн т), чем обусловлено особое внимание, которое уделяется модернизации аграрного сектора в рамках реализации экономической пятилетки 2021–2025 (ил. 6).

Руководство КНДР прекрасно понимает невысокий уровень развития страны по сравнению с соседями и старается прилагать усилия для его повышения. Однако очевидно, что экономические интересы для властей стоят на втором месте после необходимости обеспечения безопасности государства. И серьёзных изменений в подобном стратегическом видении не намечается, несмотря на официально провозглашаемый курс сосредоточения всех сил на экономическом строительстве. Причина кажущегося противоречия состоит в том, что для северных корейцев необходимой предпосылкой экономического процветания остаётся государственный суверенитет, обеспечить который позволяет прогресс ракетно-ядерной программы. И если «ценой» этого прогресса является отказ большинства иностранных государств от экономического сотрудничества с Пхеньяном, то северным корейцам придётся вновь преодолевать трудности (ил. 7).

В столь непростых условиях задача обеспечения устойчивого развития страны остаётся ключевой для Ким Чен Ына на второе десятилетие его правления. Однако набор средств для её решения по-прежнему ограничен. В условиях внешних санкций вряд ли стоит ожидать существенного ре-

формирования экономической системы страны и выхода её за пределы «чучхейского социализма». При этом перераспределение части ресурсов в гражданские отрасли экономики с целью повышения уровня жизни населения, вероятно, продолжится.

Заключение

Подводя итог, важно отметить, что на современном этапе базовые цели всех основных государственных подсистем (военной, политической, экономической) подчинены задаче поддержания стабильности действующей системы управления страной, поскольку именно в этом руководству КНДР видится залог физического выживания государства (особенно в условиях санкций и пандемии). При этом серьёзным вызовом для экономической подсистемы является нехватка внутренних ресурсов для достижения экономического роста и повышения уровня жизни населения, что является одним из приоритетов нынешнего северокорейского лидера.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе можно довольно высоко оценивать степень устойчивости КНДР в её нынешнем виде за счёт сочетания внутренних и внешних факторов. Ядерное оружие играет роль сдерживающего фактора в отношении внешней угрозы. Внутренние риски пока что также удаётся держать под контролем. Глобальное противостояние Пекина и Вашингтона повышает стратегическую значимость Северной Кореи для Китая как буфера и требует поддержания её стабильности. В таком контексте сотрудничество с КНР может позволить КНДР компенсировать нехватку внутренних ресурсов и поддерживать приемлемый уровень экономического развития без проведения рискованных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). М.: Просвещение, 2021.
2. Ким Ен Ун. Тенденции развития государственности в КНДР и РК // КНДР и РК — 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 60–73.

3. Ковш А.В. Уголовный кодекс КНДР: теоретический анализ // Корея и Россия: общество, политика, история, культура: К 120-летию корееведения в С.-Петербургском государственном университете. Гл. 4. С. 126–131.
4. Мальцева О.П. Некоторые особенности стратегического курса Ким Чен Ына // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2017. Т. 3. № 1. С. 41–47.
5. О Трудовой партии Кореи. Издательство литературы на иностранных языках, Корея, Пхеньян. 105 чучхе (2016).
6. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М.: Русская панорама, 2006.
7. Вебер М. Типы господства. // Личность. Культура. Общество. Вып. 1 (40). 2008. С. 31–47.
8. Жебин А.З. Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1. С. 2–9.
9. N.K. nuke missile progress outpacing U.S. missile defense modernization: U.S. expert // Yonhap news. 03.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220803008400325?section=news> (дата обращения: 03.03.2023).
10. Асмолов К.В. Нет перспективы денуклеаризации КНДР // РСМД, 20.04.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (дата обращения: 03.03.2023).
11. Жебин А.З. Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 14–23.
12. Government of the Democratic People's Republic of Korea. Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda. 2021. Annex II. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (дата обращения: 03.03.2023).

DPRK under Kim Jong-un: Key Results of the First Decade (2012–2021)

Liudmila Vladimirovna Zakharova – Candidate of Science (Economy), Academic Secretary of the Institute of China and Contemporary Asia (ICCA) RAS, leading researcher at the Center for Korean Studies ICCA RAS, head of the project 'DPRK in the Kim Jong-un Era in the Shifting Regional Order in Asia and Russian National Interests' (20-014-00020).

E-mail: zakharova@ifes-ras.ru

Konstantin Valerianovich Asmolov – Candidate of Science (History), leading researcher at the Center for Korean Studies ICCA RAS, executor of the same project.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

The article examines the main trends and results of the political, military and economic development of the DPRK in the first decade under the young leader Kim Jong-un. It shows that the state and party administration system has been gradually reshaped under the new leader, whose power has not diminished in comparison with his predecessors. Despite the lack of publicity, the reorganization of the North Korean administrative system has been progressing and was aimed at improving the quality of the state machinery and the party apparatus. The authors review the results of the country's progress in the nuclear missile field. Given the development of the delivery systems, the nuclear missile potential of North Korea has gone past the minimum level of containing potential enemies and aims for reliability: chances of a successful retaliatory strike not only in the territory of allied America, but also in the continental territory of the USA have significantly increased. The paper highlights the main trends of strengthening the DPRK's international positions in this period, as well as the remaining problems of the nuclear problem of North Korea.

The authors analyse the main directions of Kim Jong-un's economic policy and the key challenges to the country's economic development. The attempt to modernize the economy and em-

bark on the path of sustainable growth through the expansion of foreign economic relations was disrupted by international sanctions. The 'quasi-market' reforms that began in the early years of Kim Jong-un's rule and were closely connected with foreign trade exchange became sluggish, and the state strengthened administrative control over their allocation amid the shortage of domestic resources.

It is concluded that the main goals of the DPRK's main state sub-systems (military, politics, economy) are subject to the task of maintaining the stability of the current management system of the country, as this is seen by the leader as a guarantee of the physical survival of the state.

Keywords: North Korea, DPRK, Kim Jong-un, DPRK domestic politics, DPRK economy, DPRK missile program, sanctions, DPRK international politics

REFERENCES

1. Torkunov A.V., Toloraya G.D., D'yachkov I.V. *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)*. M.: Prosveshchenie, 2021 (in Russian).
2. Kim En Un. *Tendentsii razvitiya gosudarstvennosti v KNDR i RK // KNDR i RK — 70 let*. M.: IDV RAN, 2018. S. 60–73 (in Russian).
3. Kovsh A.V. *Ugolovnyi kodeks KNDR: teoreticheskii analiz // Koreya i Rossiya: obshchestvo, politika, istoriya, kul'tura: K 120-letiyu koreevedeniya v S.-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*. Gl. 4. S. 126–131 (in Russian).
4. Mal'tseva O.P. *Nekotorye osobennosti strategicheskogo kursa Kim Chen Yna // Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 2017. T. 3. № 1. S. 41–47 (in Russian).
5. *O Trudovoi partii Korei*. Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, Koreya, Pkhen'yan. 105 chuchkhe (2016) (in Russian).
6. Zhebin A.Z. *Evolyutsiya politicheskoi sistemy KNDR v usloviyakh global'nykh peremen*. M.: Russkaya panorama, 2006 (in Russian).
7. Veber M. *Tipy gospodstva. // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. Vyp. 1 (40). 2008. S. 31–47 (in Russian).
8. Zhebin A.Z. *Severnaya Koreya: bomby, rakety, sanktsii // Aziya i Afrika segodnya*. 2017. № 1. S. 2–9 (in Russian).
9. N.K. *nuke missile progress outpacing U.S. missile defense modernization: U.S. expert // Yonhap news*. 03.08.2022. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20220803008400325?section=news> (data obrashcheniya: 03.03.2023).
10. Asmolov K.V. *Net perspektivy denuklearizatsii KNDR // RSMD*, 20.04.2021. URL: <https://rusiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/> (data obrashcheniya: 03.03.2023) (in Russian).
11. Zhebin A.Z. *Koreiskii poluostrov: ot denuklearizatsii k kontrolyu nad vooruzheniyami // Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova*. M.: IDV RAN, 2021. S. 14–23 (in Russian).
12. Government of the Democratic People's Republic of Korea. *Democratic People's Republic of Korea Voluntary National Review On the Implementation of the 2030 Agenda*. 2021. Annex II. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/282482021_VNR_Report_DPRK.pdf (data obrashcheniya: 03.03.2023).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 316
Код ГРНТИ 04.21.51
DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-83-95

**Р.В. ПЕТУХОВ,
Ю.В. ЛАТОВ,
Н.В. ЛАТОВА***

Запрос на перемены в современной России: медиа-мем, научная категория, социальная реальность

Участники научного исследования разработали оригинальную трактовку термина «запрос на перемены», который с начала 2010-х используется как популярный медиа-мем. Под ним предложено понимать категорию теории социальных изменений — исходящий от общества в целом или его значительной части внешне выраженный посыл (фиксируемый, как минимум, опросами общественного мнения), адресатом которого является действующая власть, о необходимости смены приоритетов развития страны с обеспечения стабильности на активизацию экономических, социальных и политических преобразований.

Предпосылкой актуализации запроса на перемены в 2010–2020-е гг. стал рост числа «самодостаточных» россиян, уверенных в способности самостоятельно «идти по жизни», и осознание многими из них невозможности изоляции частной жизни от не подерживаемых ими политических решений действующей власти.

Мониторинговые опросы Института социологии ФНИСЦ РАН позволили проанализировать долгосрочную динамику изменения доли россиян, высказывающихся в поддержку перемен (акторов запроса на перемены), и их структуру. В последние 5 лет наблюдается стабилизация соотношения желающих перемен и сторонников стабильности в пропорции примерно 50 : 50. В начале 2020-х гг. запрос на перемены остаётся идеологически аморфным и сфокусирован в основном на социально-экономической повестке.

* **Петухов Роман Владимирович** — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» (19-011-00277а).

E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: latov@mail.ru

Латова Наталия Валерьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: myshona@rambler.ru

Ключевые слова: общественный запрос, запрос на перемены, общественное мнение, социальная структура, революционная ситуация

«Запрос на перемены»: от медиа-мема к научной категории

Рождение популярного в наши дни термина, который часто используют при обсуждении изменений в российском обществе, относится к концу 1990-х гг. Именно тогда в анкетах Института социологии РАН начали использовать вопрос, считает ли респондент, что «Жить в непрерывно меняющемся обществе трудно, но всё-таки интересно», или «Все перемены к худшему, поэтому я хотел бы, чтобы мир вокруг остался таким, каким я привык его видеть»¹. В российских СМИ новое выражение впервые прозвучало в апреле 1998 г., когда в «Общей газете» появилось мнение В.В. Петухова и Л.Г. Бызова о социальном запросе среднего класса и молодёжи: «И самое, пожалуй, главное в их запросе — требование перемен. [...] Запрос на перемены, инициируемый самой дееспособной частью общества, [однако] ещё далёк до окончательного политического оформления»².

В начале 2010-х термин «запрос на перемены» как популярный медийный мем получил распространение в связи с обсуждением очередного подъёма политической протестной активности. Строгая терминологизация этого выражения тогда так и не произошла, чему во многом способствовало снижение актуальности темы протестов после затухания «болотной революции» 2011–2012 гг. (о динамике «запроса на перемены» как медиа-мема см. [1]). Однако после пятилетнего домини-

рования стремления россиян к стабильности во второй половине 2010-х гг. ситуация стала радикально изменяться, что нашло отражение и во взлёте частоты публикаций в СМИ о «запросе на перемены» (рис. 1).

В 2012–2016 г. во время проводимых Институтом социологии РАН общероссийских опросов по репрезентативной выборке желание перемен выражали не больше трети респондентов, но в 2017–2018 гг. их доля стала быстро расти, достигнув на пике почти 60% опрошенных (рис. 2). Затем рост прекратился; на протяжении последних пяти лет «партия перемен» обычно (за исключением 2021 г.) хотя и была чуть больше «партии стабильности», но в целом пропорция оставалась близка к 50 : 50. Даже весной 2022 г. это соотношение не изменилось.

Для осмысления этих сдвигов в общественном мнении (как роста запроса на перемены, так и его стабилизации) инициатор и первый руководитель реализованного в 2019–2021 гг. исследовательского проекта РФФИ «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» (19-011-00277) В.В. Петухов³ предложил рассматривать «запрос на перемены» как полноценный научный термин, развивающий концепт «общественного запроса» и описывающий недовольство значительной части населения существующими «правилами игры» [3].

В.В. Петухов разработал собственное оригинальное определение понятия «обществен-

¹ Впоследствии в анкетах Института социологии данный вопрос не раз трансформировался. В последних опросах 2020-х гг. он формулируется так: «Каково Ваше мнение о необходимости перемен в жизни страны? Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны / Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены».

² Петухов В.В., Бызов Л.Г. Электорат покладистее, чем народ // Общая газета. 9 апреля 1998 г.

³ Владимир Васильевич Петухов, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, умер 5 февраля 2021 г., не дожив год до завершения инициированного им исследовательского проекта. О роли В.В. Петухова в формировании теории запроса на перемены см. [1, 2].

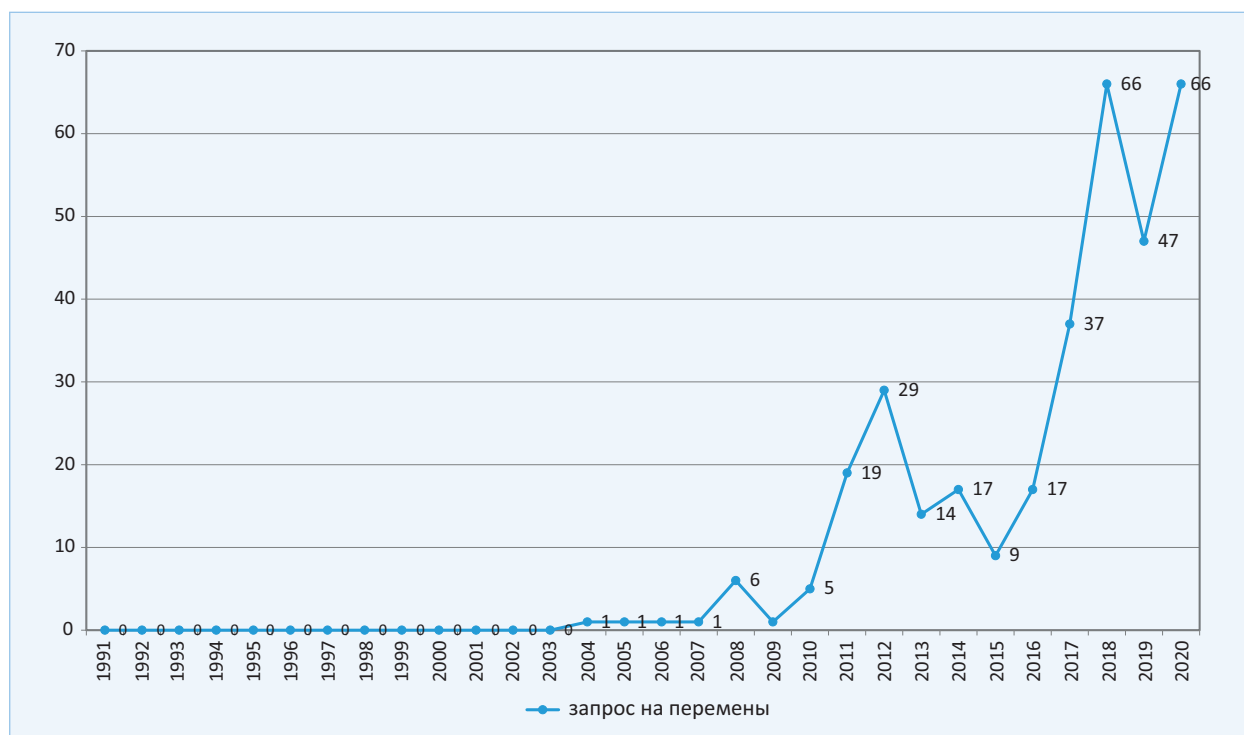

Рис. 1. Динамика количества публикаций российских СМИ из Топ-297, использующих термин «запрос на перемены», 1991–2020 гг.
Составлено по данным Медиалогии (<https://www.mlg.ru>)

ный запрос», под которым он предложил понимать исходящий от общества в целом или его части сигнал (сообщение), адресатом которого является действующая власть или другая часть общества [4]. Это, в свою очередь, позволило определить «общественный запрос на перемены» как внешне выраженный (как минимум, фиксируемый опросами общественного мнения) посыл определённой части общества (акторов этого запроса) о необходимости смены приоритетов развития страны. В конкретных условиях современной России речь идёт о смене приоритетов с обеспечения социально-экономической и политической стабильности, сформировавшейся в 2000-е гг., на активизацию экономических, социальных и политических преобразований [5, с. 121]. «Перемены» при этом понимаются как социальные изменения, объектами которых являются институты («правила игры»), регулирующие взаимоотношения различных социальных групп.

В современных общественных науках имеется целый ряд хорошо проработан-

ных концептов, характеризующих особенности социальной динамики: «прогресс», «модернизация», «трансформация», «эволюция», «революция» и др. По сравнению с ними термин «перемены» является содержательно более широким и формально менее определённым. Он предполагает изменения в социальной динамике, но не фиксирует их направленность, скорость и характер. Однако в условиях «текущей современности» (З. Бауман), когда люди утратили способность переводить свои потребности в изменении социального положения в действенные планы общественного переустройства [6, с. 13], такая расфокусированность термина «перемены» позволяет выявлять те сдвиги в общественном сознании, которые ещё только формируются и не поддаются определению в более чётких терминах. Исследование общественного запроса на перемены оказывается поэтому пересечением таких значимых направлений современной социальной мысли, как теория социальных изменений, социология революций, теория мо-

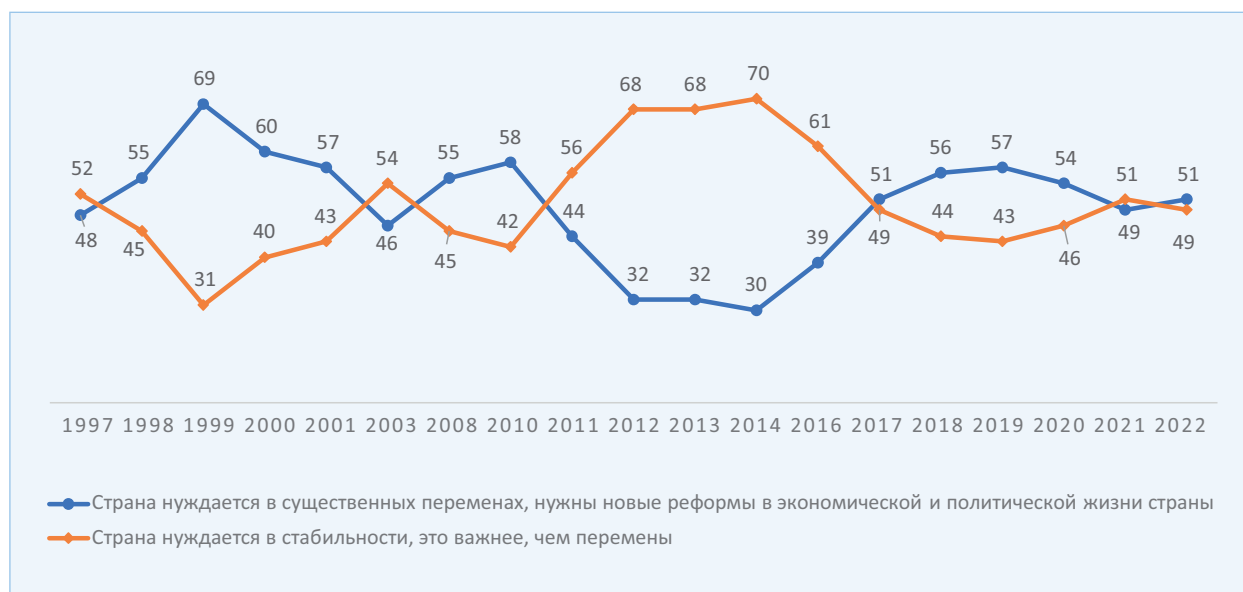

Рис. 2. Динамика отношения россиян к стабильности и переменам, 1997–2022 гг., % респондентов. Составлено по данным общероссийских репрезентативных социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН

дернизации и активистско-деятельностный подход.

Проведённый участниками исследования анализ данных опросов общественного мнения, фокус-групп и интервьюирования экспертов¹ позволил прийти к выводу, что динамика общественного запроса на перемены стала реакцией на новые тенденции в жизни российского общества.

Непосредственная причина актуализации запроса на перемены — постепенное разрушение сложившегося ещё в 2000-е гг. «патерналистского» консенсуса, обмена лояльности к действиям властей (включая определенное ограничение гражданских прав и свобод) на выполнение ими базовых социальных обязательств и невмешательство в частную жизнь граждан [3]. Выражением этого консенсуса стал наблюдавшийся в 2000-х гг. восходящий тренд «запроса на стабильность». Даже

«болотная революция» начала 2010-х хотя и дала скачок доли желающих перемен, но затем сменилась новым ростом «запроса на стабильность» в 2012–2014 гг. Но экономический и внешнеполитический кризисы 2014–2016 гг. обозначили распад «патерналистского консенсуса». Тревожная неопределённость в оценке собственных возможностей по поддержанию материального благополучия и участившиеся интервенции публичной политики в частную жизнь граждан, показавшие невозможность поддержания их автономности, стали причинами роста общественного запроса на перемены.

Ожидания современных россиян мало отличаются от требований, которые предъявляло власти советское общество ещё на рубеже 1980–1990-х гг., так что содержание «запроса на перемены» осталось по существу стабильным. Как и 35 лет на-

¹ Эмпирической базой исследования стали, прежде всего, данные проводившихся с 2014 г. 11-ти волн опросов общественного мнения Института социологии ФНИСЦ РАН, которые выполнялись по общероссийской выборке (в 2014–2018 гг. N = 4000, в 2019–2022 гг. N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Также использовались результаты шести очных фокус-групп (N = 47, лето-осень 2020 г.), проведённых в трёх субъектах Российской Федерации (Москва, Московская область, Республика Удмуртия (г. Ижевск и г. Можга)) и серии экспертных интервью с представителями различных общественных наук при помощи сервиса для видеоконференций Zoom или его аналогов (N = 17, осень-зима 2021 г.)

зад, политические требования представляются россиянам менее актуальными, чем социально-экономические.

В современной России запрос на перемены содержит существенную внутреннюю противоречивость. Его адресатом является власть, которую большая часть российского общества одновременно и критикует (опросы последнего десятилетия показывают неизменно высокую актуальность противоречия по линии «люди – власть» и «граждане и бюрократия»), и рассматривает в качестве единственного политического субъекта. Критика существующей власти ведётся в России 2000–2020-х с трёх очень разных идеологических позиций: либеральной, социалистической и националистической. Идею «сильного государства» (как антитезы «слабому государству» 1990-х) сторонники «запроса на перемены» чаще всего принимают, но осуждают многие её конкретные результаты. Политический характер запроса на перемены проявляется не столько в каких-либо конкретных политико-идеологических предпочтениях россиян, сколько в осознании ими невозможности изоляции частной жизни граждан от решений действующей власти, от транслируемой «сверху» идеологии государственно-бюрократического всевластия.

В поисках акторов запроса на перемены

В 2017–2022 гг. доля россиян, декларирующих желание перемен, колебалась на уровне 45–55%. Но кто они, эти акторы запроса на перемены? Распределены ли они относительно равномерно по разным социальным группам или локализованы в основном в каких-то конкретных группах? От «опознания» акторов запроса на перемены существенно зависит его трактовка – генерирует ли этот запрос общество в целом или какая-то его часть, более передовая или, наоборот, более архаичная.

В рамках исследовательского проекта под руководством В.В. Петухова апро-

бировааны два подхода к «портретированию» тех, кто демонстрирует при опросах стремление к переменам и потому может расцениваться как потенциальный актор перемен. В соответствии с первым подходом проверялись гипотезы о доминировании сторонников перемен среди социальных групп, выделенных по стандартным критериям – социально-экономическому, идеологическому, возрастному и образовательному. В соответствии же со вторым подходом проверялись гипотезы о связи стремления к переменам с принадлежностью не к какой-либо социально-демографической группе, а с определёнными личностными характеристиками и установками.

Анализ социально-экономических факторов показал [7], что на склонность россиян к переменам влияет не столько реальный уровень их благосостояния, сколько их субъективная удовлетворённость своим социально-экономическим положением. При этом следует решительно отвергнуть точку зрения, будто главными сторонниками перемен в постсоветской России являются наиболее бедные слои, которые сильнее страдают от разных видов депривации. Как видно по табл. 1, где показаны те аспекты материального положения, по которым расхождения между сторонниками и противниками перемен были самые крупные (свыше 6 п.п.), этих аспектов в 2019 г. было немного, и даже по ним различия чаще всего не превышали 10 п.п. Согласно самооценочным показателям при сравнении пяти опросов за 1997–2019 гг., желающие перемен чаще имели лучшие самооценки своего социально-экономического положения, чем сторонники стабильности. Похожий результат получен и по абсолютным показателям дохода: в частности, в 2019 г. желающие перемен оказались в среднем на 9% состоятельнее сторонников стабильности. Можно резюмировать, что сторонники перемен – зачастую вовсе не бедные, а люди со средними доходами (скорее всего, нижняя часть среднего класса).

Таблица 1

Оценки россиянами различных аспектов своей жизни,
2019 г., % социальных групп

Аспекты материального положения	Сторонники перемен			Приверженцы стабильности		
	Хорошо	Плохо	Разница оценок «хорошо» и «плохо»	Хорошо	Плохо	Разница оценок «хорошо» и «плохо»
Материально обеспечены	12,6	34,5	-21,9	15,8	29,6	-13,8
Состояние здоровья	31,6	16,3	15,3	24,3	20,9	3,4
Жилищные условия	40,4	10,1	30,3	36,6	13,0	23,6
Отношения в семье	59,8	3,9	55,9	54,5	5,3	49,2
Возможность выражать свои политические взгляды	19,6	25,2	-5,6	25,8	14,9	10,9
Возможность получать качественную медицинскую помощь	11,3	43,4	-32,1	14,3	39,8	-25,5

На протестные настроения в современных условиях, в отличие от периода правления Б.Н. Ельцина, влияют скорее социально-политические факторы, что парадоксально противоречит желанию перемен в первую очередь в социально-экономической сфере. Действительно, в конце 1990-х желающие перемен в целом положительно оценивали возможности для политического волеизъявления, но отрицательно — все аспекты своего материального положения. А в конце 2010-х гг. ситуация выглядела почти зеркально: желающие перемен бóльшую часть аспектов своего материального положения оценивали положительно, в то время как оценка возможности выразить свои политические взгляды ушла в минус. Таким образом, желающие перемен острее сторонников стабильности переживают проблемы материального положения и заботы о своём здоровье, но ещё острее — снижение возможностей в политической сфере жизни общества.

Выявление идеологем, среди носителей которых чаще всего встречаются желающие перемен в современной России [8], позволило иерархизировать эти идеологемы (табл. 2) от либеральных (среди их

последователей доля сторонников перемен доходит до 2/3) до консервативных (среди приверженцев которых желают перемен только примерно 2/5). Надо, однако, учитывать, что в современной России граждане очень часто сочетают приверженность отдельным идеологемам из разных идеологических систем. Поэтому для определения идеологических ориентаций наиболее решительных сторонников перемен необходимо перейти от анализа сопряженности желания перемен с отдельными идеологемами-лозунгами к пониманию его сопряженности с отдельными наборами идеологем-лозунгов. Такой подход позволил выделить протестное ядро — 18% населения, среди которых желание перемен распространено более чем в полтора раза чаще, чем у других россиян. Представители этих групп в основном (более чем на 80%) являются приверженцами либеральных идеологем или (чаще) их сочетания с социалистической и/или державнической идеологемами.

Проверка того, насколько часто россияне не только заявляют о своём стремлении к переменам, но и подкрепляют это реальным участием в массовых выступлениях

Таблица 2

Соотношение идеологических ориентаций, выраженных в представлениях о будущем России, и отношения к переменам, осень 2018 г., %

Представления (идеологемы) о желаемом будущем России	Доля желающих перемен среди сторонников данной идеологемы
Либеральные идеологемы	
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	65
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	62
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	56
Националистическая идеологема	
Россия, в первую очередь, для русских	53
Социалистическая идеологема	
Социальная справедливость	51
Державническая идеологема	
Россия должна снова стать великой державой	51
Идеологема, общая для всех нелиберальных идеологий	
Сильная жёсткая власть, способная обеспечить порядок	50
Консервативная идеологема	
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	41

(или хотя бы готовностью принять в них участие), привела к выделению ещё более узкого ядра акторов стремления к переменам. Это – 6% населения, которые демонстрируют не только повышенное желание перемен, но и более частое (почти в два раза чаще других россиян) участие в массовых акциях. В целом же в стране наблюдается сильный контраст между высоким желанием перемен (у чуть более половины россиян), более низкой готовностью к участию в массовых выступлениях за перемены (32%) и ещё более низким наличием такого опыта (7%).

Изучение проблемы возрастных детерминант запроса на перемены по данным социологических опросов 2016–2019 гг. показало [9], что в молодёжной среде (преимущественно среди 18–24-летних) наце-

ленность на перемены всегда была заметно выше (в среднем на 10–15 п.п.), чем среди населения России в целом, достигнув в 2019 г. 75% (рис. 3). Это во многом связано со сменой поколения миллениалов поколением центиниалов, которые не переживали тяжёлый опыт 1990-х, а потому не видят особых заслуг существующего политического режима. Консервативный поворот 2013–2014 гг., связанный с реанимацией многих советских архетипов, эта пост-постсоветская молодёжь восприняла критически, потому что она свободна от них. В отличие от поколения родителей, у центиниалов нет и разочарования по поводу неудачных попыток демократизации страны в 1990-е, поэтому в их целеполагании высока актуализация демократического дискурса.

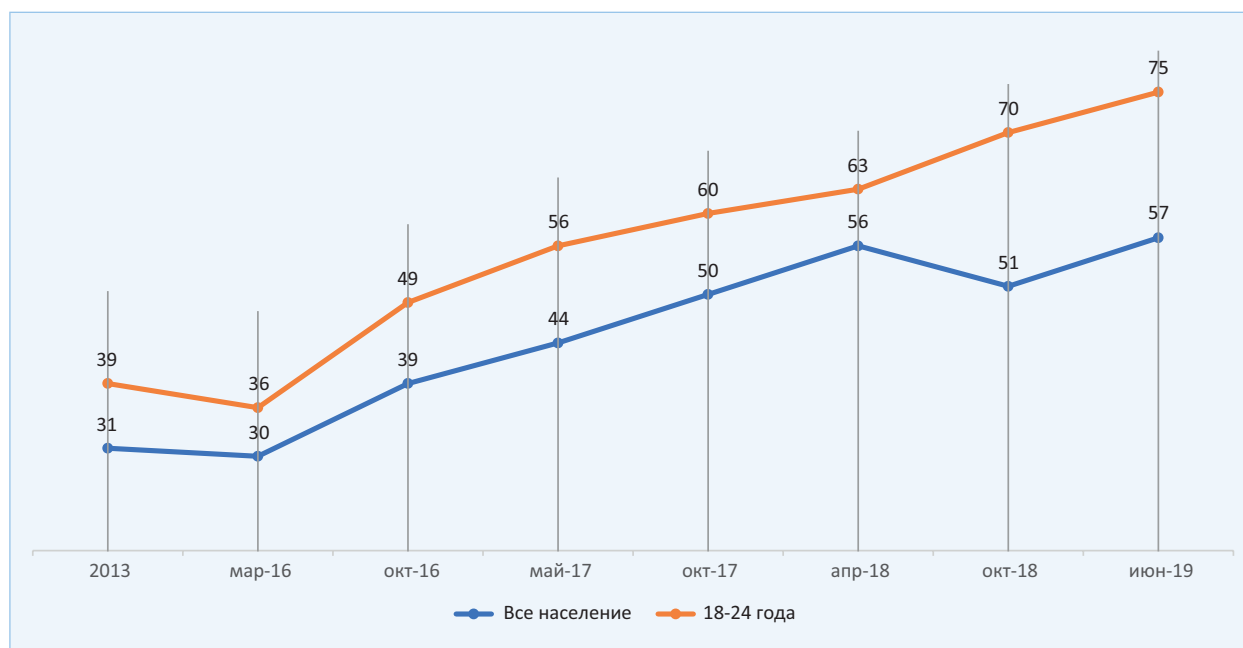

Рис. 3. Динамика ориентаций россиян на перемены, новые экономические и политические реформы в стране среди всего населения и в группе молодёжи от 18 до 24 лет, 2013–2019 гг., %

Проведённый на материалах мониторинговых опросов анализ связи между запросом на перемены и образованием показал [10], что в современной России образование прямо влияет главным образом на подготовленность индивида к политическим действиям. Более образованные больше интересуются политической жизнью страны и лучше осознают свои возможности влиять на «правила игры». В то же время образование индивида парадоксально не имеет заметной корреляции с наличием/отсутствием у него либерального запроса на перемены (повышение демократии, усиление рыночных начал, сокращение конфронтации с Западом). Даже само желание перемен (не обязательно либеральных) среди высокообразованных россиян встречается в целом не чаще, чем в других образовательных группах. Таким образом, если социально-экономические, идеологические и возрастные характеристики россиян значимо коррелируют с запросом на перемены, то в отношении образовательных характеристик такая взаимосвязь не обнаружена.

«Портретирование» акторов запроса на перемены на основе учёта их личност-

ных социально-психологических особенностей проводилось в двух направлениях: на основе теории социальной депривации и на основе концепта «самодостаточности».

Когда с опорой на теорию социальной депривации (по Т. Гарру) составлялся психологический «портрет» сторонников перемен [11], то было отмечено, что они существенно чаще негативно воспринимают окружающую их действительность. Однако межличностные отношения и собственное социально-психологическое состояние не играют существенной роли в формировании негативного мироощущения. Глубина фрустрации значимо больше у сторонников перемен, чем у приверженцев стабильности, поскольку их стремления более амбициозны и разнообразны, чем у приверженцев стабильности.

Наиболее оригинально выглядит идея, что социальным субстратом актуализовавшегося общественного запроса на перемены стал численный рост той части российского общества, которую М.К. Горшков и Н.Н. Седова удачно предложили называть «самодостаточными россиянами» [12]. Этот концепт характери-

зует постепенную эмансипацию россиян от государства как важный аспект модернизации. «Самодостаточные» отличаются высоким уровнем жизненных притязаний, ориентацией на собственные силы в решении жизненных проблем и перспективностью мышления, воспринимая будущее как возможность, нежели как источник угроз. Противостоящая же им «патерналистская» часть общества чаще живёт лишь сегодняшним днём (а нередко и вчерашним), реализует адаптивную стратегию выживания и сильно зависима от государственной поддержки.

В рамках исследовательского проекта под руководством В.В. Петухова на основе данных проведённого в октябре 2018 г. общероссийского опроса были выделены группы респондентов с самодостаточными (49%) и патерналистскими (24%) установками, а также «промежуточная» группа (27%) [13]. «Самодостаточность» оказалась характерна для молодых, хорошо обеспеченных и образованных людей, среди которых чаще, чем в двух других группах, распространены уверенность в позитивных сценариях будущего, а также установ-

ки на модернизационный путь развития страны. Сравнение представителей «самодостаточной» и «патерналистской» групп в контексте их принадлежности к сторонникам перемен или приверженцам стабильности показало (рис. 4), что к изменениям чаще склонны респонденты с «самодостаточным» мировоззрением (60%) и, напротив, заметно реже «патерналисты» (35%). При таком фокусе актуализация запроса на перемены может быть рассмотрена как следствие недоучтённости интересов растущей «самодостаточной» части общества при принятии государственных решений и осознании носителями соответствующего мировоззрения невозможности легального их отстаивания.

Использование концепта «самодостаточные россияне» позволяет в значительной степени свести воедино разные характеристики желающих перемен. Действительно, анализ опросов общественного мнения показал, что в современной России «самодостаточное» мировосприятие характерно, прежде всего, для молодых и хорошо обеспеченных россиян – именно для тех социально-демографических групп,

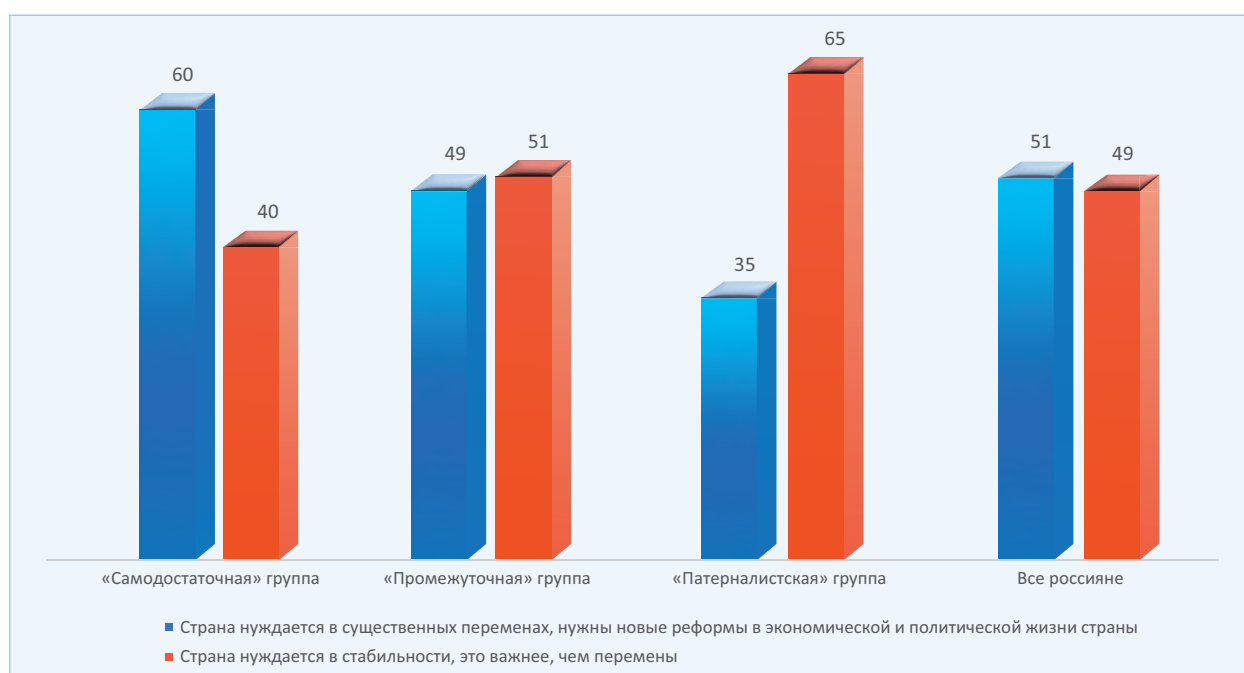

Рис. 4. Распределение сторонников перемен и приверженцев стабильности среди представителей «самодостаточной», «патерналистской» и «промежуточной» групп, по данным Института социологии ФНИСЦ РАН, 2018 г., %

среди которых чаще встречаются акторы запроса на перемены.

Может ли «запрос на перемены» превратиться в «революционную ситуацию»?

В заключение рассмотрим вопрос о степени радикализма запроса на перемены: идёт ли речь о стремлении россиян к *эволюционным* изменениям в рамках существующей институциональной системы (включая политический режим) или к *революционным* изменениям за рамками этой системы (т.е. предполагающих если не смену режима, то его радикальное реформирование)? Для выявления потенциальной возможности качественной трансформации запроса на перемены надо рассмотреть два аспекта — цели акторов запроса на перемены и их готовность к конкретным действиям по реализации своего запроса.

Согласно предложенной П. Штомпкой типологии, существенные (отличающиеся от повседневных) изменения могут носить либо морфогенетический (в рамках бифуркации того или иного уровня), либо трансмутационный (в рамках движения общества по прежнему аттрактору) характер [14, с. 37–40]. Первые нацелены на образование в общественной жизни чего-то принципиально нового, а вторые — на сохранение/воспроизводство существующего положения за счёт изменения некоторых её аспектов. Результаты нашего исследования, проводившегося в 2019–2021 гг., позволяют оценивать характер современного общественного запроса на перемены как скорее трансмутационный/реформистский, а не морфогенетический/революционный. Об этом, в частности, свидетельствует то, что среди сторонников перемен лишь около 1/3 соглашались с тем, что «нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало», в то время как 2/3 полагали, что «нынешняя власть в России заслуживает поддержки». Другими словами, на момент завершения проекта в стране

явно не было ситуации, когда «низы не хотят жить по-старому».

Принципиально важен и ответ на вопрос о наличии у современных россиян «способности на революционные массовые действия» — их готовности предпринимать коллективные действия по трансформации запроса на перемены в конкретные социальные, экономические и политические изменения. Имеющиеся данные не позволяют говорить о готовности ключевых акторов запроса на перемены стать субъектами коллективного действия, направленного на реализацию социально-политических изменений. Чтобы общественный запрос мог стать мобилизующим фактором социального действия, необходима опирающаяся на поддержку граждан широкая коалиция общественных сил, обладающая определённой институционализированностью и собственным видением альтернативы сложившемуся в России порядку. Такой коалиции нет, высокий запрос на перемены в последние годы сочетается с низкой популярностью оппозиционных движений.

Выводы об акторности запроса на перемены подкрепляют уверенность в низкой радикальности этого запроса. Как указывалось, основой роста запроса на перемены является увеличение числа «самодостаточных» россиян, стремящихся ориентироваться в своей повседневной жизни не на помощь со стороны власти, а на собственные силы. Однако готовность таких «самодостаточных» граждан к коллективным действиям невелика: они позиционируют себя скорее *сторонниками* перемен, но отнюдь не готовы становиться акторами соответствующих социально-политических изменений.

Как известно, провоцирование революционной ситуации зачастую связано с экстраординарными шоками (хрестоматийный пример — влияние Первой мировой войны на революции 1917 г.). Но влияние пандемии коронавируса COVID-19 на запрос на перемены оказалось не слишком сильным: власть продемонстрировала

умение «держат удар», а также то, что она ещё далека от состояния, когда «верхи не могут управлять по-старому». С одной стороны, на фоне пандемии в 2020–2021 гг. произошло незначительное снижение поддержки в российском обществе этого запроса. С другой стороны, при сохранении фокусировки на социально-экономической «повестке» в нём стало более отчётливо проявляться политическое содержание, поскольку в условиях кризиса экономика сильнее зависит от решений политиков. При этом основным адресатом запроса на перемены по-прежнему остаётся действующая власть, от решений и действий которой будет зависеть дальнейшее развитие страны.

Подводя итоги, можем резюмировать, что в отличие от событий, происходивших в нашей стране на рубеже 1980–1990-х гг., современный запрос на перемены пока мало политизирован, сильно аморфен и сфокусирован в основном на социально-экономической повестке.

Политический характер запроса проявляется не в политико-идеологических предпочтениях россиян, а в осознании невозможности изоляции частной жизни от политических решений, принимаемых отчуждённой от народа властью. Основными акторами запроса на перемены являются молодые россияне и люди со средним материальным положением, а социальным субстратом — «самодостаточная» часть общества. Указанные группы отличаются не только антипатерналистской ориентацией, но и перспективным видением своего будущего. Запрос адресован главным образом действующей власти как пожелание, прежде всего, минимизации разнообразных неравенств и повышения эффективности государственного управления. Желаемые изменения носят скорее внутрисистемный характер, т.е. субъективно предполагают сохранение сформировавшейся в начале 2000-х гг. траектории развития и ориентацию на эволюционное изменение общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латов Ю.В., Латова Н.В. «Запрос на перемены» в социологии и в СМИ (памяти В.В. Петухова — «изобретателя» понятия/мема) // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2S. С. 73–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817.
2. Петухов Р.В. Почему люди хотят изменений? Исследование В. Петуховым причин актуализации общественного запроса на перемены // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2S. С. 60–72. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816.
3. Петухов В.В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>.
4. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. № 11. 2018. С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5.
5. Петухов Р.В. Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>.
6. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
7. Латова Н.В. Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены // Социологическая наука и социальная практика. 2021. № 2. С. 7–26. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8098.
8. Латов Ю.В. Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 15–28. DOI: 10.31857/S013216250007738-4.
9. Петухов В.В. Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.

10. Латова Н.В. Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России // Journal of Institutional Studies. 2021. № 4. С. 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.112-125.
11. Латова Н.В. Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 3. С. 119–134. DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134.
12. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.
13. Петухов В.В., Петухов Р.В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>.
14. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Demand for Change in Modern Russia: Media Meme, Scientific Category, and Social Reality

Roman Vladimirovich Petukhov – Candidate of Science (Jurisprudence), leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, head of the project ‘Social Transformation of the Russian Society: Actors of Demand for Change’ (19-011-00277a).

E-mail: petukhovrv@yandex.ru

Yurii Valerievich Latov – Dr. habil. (Sociology), Candidate of Science (Economy), chief researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, executor of the same project.

E-mail: latov@mail.ru

Natalia Valerievna Latova – Candidate of Science (Sociology), leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, executor of the same project.

E-mail: myshona@rambler.ru

Authors of the research project developed an original interpretation of the term ‘demand for change’, used as a popular media meme since the early 2010s. It is proposed to define the term as a category in the theory of social change – an outward message from society as a whole or its significant part (documented, at least, by public opinion polls), addressed to the current government, informing it about the need to change the priorities of the country from ensuring stability to intensifying economic, social and political transformations.

The prerequisite to actualize the demand for change in the 2010–2020s was a growing number of ‘self-sufficient’ Russians, confident in their ability to ‘move forward’ independently, and the fact that many of them realize that they cannot isolate their private lives from the political decisions of the current government, which they do not support.

The monitoring surveys of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences allowed to analyse the long-term dynamics of changes among the Russians who express support for change (actors of the demand for change) and their structure. Over the past five years, the ratio of those who desire change to those who favour stability has stabilized at about 50:50. In the early 2020s, the demand for change remains ideologically amorphous and focused mainly on the social & economic agenda.

Keywords: societal demand, demand for change, public opinion, social structure, revolutionary situation

REFERENCES

1. Latov Yu.V., Latova N.V. «Zapros na peremeny» v sotsiologii i v SMI (pamyati V.V. Petukhova – «izobretatelya» ponyatiya/mema) // Vestnik Instituta sotsiologii. 2022. T. 13. № 2S. C. 73–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.817 (in Russian).
2. Petukhov R.V. Pochemu lyudi khotyat izmenenii? Issledovanie V. Petukhovym prichin aktualizatsii obshchestvennogo zaprosa na peremeny // Vestnik Instituta sotsiologii. 2022. T. 13. № 2S. C. 60–72. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.816 (in Russian).
3. Petukhov V.V. Krizisnaya real'nost' i vozmozhnost' politicheskoi transformatsii rossiiskogo obshchestva // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 8–24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02>. (in Russian).
4. Petukhov V.V. Dinamika sotsial'nykh nastroyenii rossiyan i formirovanie zaprosa na peremeny // Sotsiologicheskie issledovaniya. № 11. 2018. S. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5 (in Russian).
5. Petukhov R.V. Zapros na peremeny: politiko-tsennostnoe izmerenie // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2020. № 6. S. 103–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>. (in Russian).
6. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008 (in Russian).
7. Latova N.V. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie aktorov zaprosa na peremeny // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2021. № 2. S. 7–26. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8098 (in Russian).
8. Latov Yu.V. Ideologicheskie vektory i skalyary deistvii storonnikov peremen // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 12. S. 15–28. DOI: 10.31857/S013216250007738-4 (in Russian).
9. Petukhov V.V. Rossiiskaya molodyozh' i eyo rol' v transformatsii obshchestva // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskies i sotsial'nye peremeny. 2020. № 3. S. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>. (in Russian).
10. Latova N.V. Vliyaniye obrazovaniya na politicheskoye uchastie i zapros na peremeny v sovremennoy Rossii // Journal of Institutional Studies. 2021. № 4. S. 112–125. DOI: 10.17835/20766297.2021.13.4.112-125 (in Russian).
11. Latova N.V. Aktory zaprosa na institutsional'nye peremeny v sovremennoy Rossii (sotsial'no-psikhologicheskii kontekst) // Journal of Institutional Studies. 2019. № 3. S. 119–134. DOI 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134 (in Russian).
12. Gorshkov M.K., Sedova N.N. «Samodostatochnye» rossiyanie i ikh zhiznennyye priorityety // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 12. S. 4–16 (in Russian).
13. Petukhov V.V., Petukhov R.V. Zapros na peremeny: prichiny aktualizatsii, klyuchevyye slagaemye i potentsial'nye nositeli // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2019. № 5. S. 119–133. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09>. (in Russian).
14. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. M.: Aspekt Press, 1996 (in Russian).

**Д.И. ЛУКОВСКАЯ, И.А. ВАСИЛЬЕВ,
С.В. ВОЛКОВА, А.В. ИЛЬИН,
О.М. КАРАМЫШЕВ, М.С. КУЛИКОВА,
Н.И. МАЛЫШЕВА, А.В. ПОЛЯКОВ,
В.В. СУЯЗОВ, Е.В. ТИМОШИНА, М.И. ЮДИНА***

Концепт справедливости в современной российской правовой системе

В качестве основания современной российской концепции справедливости предлагается идея постоянно возобновляемого диалога законодателя с его адресатами о «справедливом праве» с акцентом на морально-правовой ценности справедливости как содержательном равенстве (равенстве в должном). Базовые ценности права, такие как справедливость, наряду со свободой (равенством в свободе), достоинством человека, воплощаясь в принципах права, приобретают тем самым нормативную практическую направленность, обязывая следовать этим принципам и законодателя, и правоприменителей. Справедливость и сама может претендовать на роль общеправового принципа.

Параллельно излагается точка зрения на правовую справедливость как необходимость следовать принципам права. Согласно такому подходу все принципы права выводятся из принципа взаимного признания, включая и принцип справедливости. Принцип взаимного правового признания является основанием для понимания меры и границ человеческой ответственности и правовых обязанностей, отражающих принцип солидарности.

* **Луковская Дженевра Игоревна** — доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), руководитель проекта «Концепт справедливости в российской правовой системе» (19-011-00528).

E-mail: lukovskaia@yandex.ru

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Волкова Светлана Васильевна — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: volkova.sl2@mail.ru

Ильин Андрей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, исполнитель того же проекта.

E-mail: muz777@inbox.ru

Карамышев Олег Михайлович — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: karamychev@yandex.ru

Куликова Мария Сергеевна — аспирант СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: Skripha@yandex.ru

Малышева Наталия Ивановна — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: n.malysheva@spbu.ru

Поляков Андрей Васильевич — доктор юридических наук, профессор, СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: Polyakov2008@gmail.com

Суязов Вячеслав Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: v.suyazov@spbu.ru

Тимошина Елена Владимировна — доктор юридических наук, профессор СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: timochina@yandex.ru

Юдина Марина Игоревна — кандидат юридических наук, доцент СПбГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: m.udina@spbu.ru

Для оценки прикладного значения теоретических исследований справедливости авторский коллектив обратился к анализу актов Конституционного Суда Российской Федерации, который отчасти компенсирует в своих правовых позициях отсутствие легального конституционного определения справедливости. Выявленные вариативность и неопределённость используемых Конституционным Судом формулировок не должны заслонять единую правовую природу принципа справедливости.

Исследование концепта справедливости оказалось особенно востребованным в сфере спорта: регуляторы мира спорта, явно или неявно, всё чаще игнорируют фундаментальные принципы права. Обращение к справедливости в спортивном праве демонстрирует фрагментарность, сведение её к равенству и ограничивается целью обеспечения процессуальных гарантий при разрешении споров. Анализ сегодняшней ситуации в сфере спорта позволяет сделать вывод о том, что справедливость здесь следует рассматривать комплексно: как материальную и фундаментальную основы нормативно-правового регулирования и правоприменения.

Ключевые слова: справедливость как базовая ценность и общеправовой принцип, диалог законодателя с адресатами о справедливом праве, справедливость в спортивном праве

Проблема справедливости в советской и современной российской правовой доктрине

Россия нуждается в выявлении своих подлинных правовых ценностей, среди которых одно из первых мест занимает справедливость. В советских и постсоветских исследованиях, посвящённых теоретическим подходам к понятию справедливости, можно выделить различные основополагающие начала справедливости в праве, актуальные для разработки современной концепции правовой справедливости.

Например, указание ленинградского правоведа Л.С. Явича на глубинную связь справедливости и права — не социалистического, а права как такового — было существенной новеллой в советской теории права. Так, он предъявлял к закону требование его соответствия сущности права второго порядка, в качестве которой выступает «относительно равный и справедливый масштаб свободы». Соответственно «юридический закон, лишённый такого масштаба, оказывается не правом, а произволом власти» [1, с. 85]. Исследование идей Л.С. Явича в свете традиции петербургской философско-правовой школы позволило обратить внимание на то, что учёный разводил два смысла понятия справедливости, различая социальную

справедливость и справедливость собственно правовую [2, с. 82].

Невозможно обойти вниманием либертарно-юридическую теорию В.С. Нерсесянца, согласно которой справедливость имманентна праву, «только право и справедливо» [3, с. 28], справедливость является исключительно правовой категорией, и право для своей действительности не нуждается в каком-либо моральном обосновании [3, с. 83–84].

Своё слово сказали и представители постклассической теории права. Так, И.Л. Честнов указывает, что справедливость — это борьба социальных групп за монополизацию дискурса справедливости, официальной номинации справедливости. В результате формируется господствующее в данном социуме (сегодня — в определённой социокультурной группе) социальное представление о справедливом как легитимном. Именно легитимность, по его мнению, и составляет содержание справедливости [4, с. 47].

Анализ теоретических представлений о справедливости в трудах представителей российской правовой науки (см., например, [5–10]) позволил сделать вывод, что проблеме осмысления справедливости применительно к праву уделялось и уделяется достаточное внимание. В проведённых исследованиях встречаются интересные

идеи, которые созвучны как концептам, сложившимся ранее в российской философии права, так и отдельным направлениям в понимании справедливости, существующим в мировой философской традиции.

Тем не менее, рассмотренные подходы к пониманию справедливости права имеют, как представляется, и существенные недостатки. К таковым можно отнести следующие:

- 1) Отсутствуют теоретически и научно обоснованные концепции, раскрывающие происхождение идеи справедливости, её общий смысл и необходимость существования в обществе.
- 2) Отсутствуют концептуальные разработки связи между нравственной, социальной и правовой справедливостью. Если это разные виды справедливости, то должно быть и общее понятие справедливости, иначе невозможно говорить о её (справедливости) разновидностях.
- 3) Исследователи не дают обоснования различий между легитимностью права и его справедливостью. Зачастую справедливость сводится к иррациональному чувству (к аффективной, интуитивной легитимности). Но справедливость, которая не может быть рационально формализована в виде принципа или нормы справедливости, остаётся лишь смутным чувством, которое ведёт к выводу о том, что у каждого может быть своя собственная справедливость.

Справедливость и равенство: естественно-правовая традиция

Эти и другие возможные критические соображения, конечно, не означают, что на поставленные вопросы могут быть даны однозначные и исчерпывающие ответы. Стремясь внести свой вклад в исследование данной проблемы, авторы исходили прежде всего из того, что справедливость является базовой ценностью права. Начиная с Античности, справедливость представляла себя как равенство, сораз-

мерность (уравнивающая и распределяющая справедливость). Справедливость как равенство стремится к содержательному равенству, обусловленному её статусом базовой ценности права. Приоритетна ли она по сравнению с другими базовыми ценностями? По нашему мнению, на роль приоритетной и даже абсолютно приоритетной ценности может претендовать только достоинство человека. Но и оно, понимаемое как равнодостоинство, вписывается в требования справедливости.

Подчеркнём, что справедливость является базовой ценностью права наряду со свободой (равенством в свободе), достоинством человека. Названные ценности — это и базовые ценности совместной жизни людей. Они могут рассматриваться как идеальные модели человеческого сообщества, не зависящие от его конкретно-исторических форм. Ими обусловлено само существование государства и права. Следование этим ценностям — необходимая гарантия прав личности, правового характера законодательных правил.

Базовые ценности права не релятивны и не автономны. В своей неразрывности, взаимосвязи, взаимосоотнесённости они образуют единое смысловое поле. Все базовые ценности права выражают требования справедливости, но одновременно все они выражают требования свободы, достоинства человека. Эти ценности и есть идеальная предоснова конкретных исторических форм справедливости. Выражаясь в идее права, они обуславливают нормативность справедливости как принципа права.

Продолжает развиваться и многовековая традиция учений о естественном праве. Хотя эти учения много раз объявлялись похороненными [11], постоянно подвергались критике с позиций позитивизма [12], но сама идея естественного права продолжает оставаться теоретически и практически жизнеспособной. Согласно традиции юснатурализма принцип справедливости — в силу его бытийности одновременно в юридическом мире и мире нравственности — означает, что

право не может не быть этически состоятельным.

Акцент на морально-правовой ценности справедливости (правды-справедливости), на внутренней взаимообусловленности, «взаимоутверждении» права и морали особенно характерен для российского дискурса справедливости и вообще для российского менталитета [13].

Обращение к истокам естественно-правовой традиции в российской философии права, прежде всего к теории естественного права А.П. Куницына [14], соединившей либеральные и традиционные для России идеи, позволило увидеть, что свобода (права человека) и равенство человека рассматриваются русским мыслителем в единстве с обязанностями по отношению к другим. Идея «должности», т.е. должностования, долга, правовой обязанности, объявляется, наряду со свободой, целью права и сутью правовой справедливости.

В классических учениях о естественном праве оно представляло как совокупность принципов и норм, содержащих моральные требования к позитивному праву в качестве основания его действительности и легитимности. Таким образом, юснатурализм исходил из понимания права как действительного, легитимного в силу его соответствия естественно-правовым требованиям «справедливого», «правильного» права.

Современные учения о естественном праве демонстрируют преемственную инновационность методологического, теоретического обоснования естественно-правовых идей. Эти идеи претерпевают и содержательную трансформацию. Однако, обновляясь и трансформируясь, теории естественного права и в их новейших, существенно модернизированных вариантах остаются в рамках единой, хотя и обновлённой, традиции [15].

Справедливость берёт на себя роль критической легитимации права «как права» с требованием подчинения законодателя праву, утверждения правовых основ деятельности государства. Сама идея правового государства формулируется со ссылкой на справедливость.

Концепция постоянно возобновляемого диалога законодателя с его адресатами о «справедливом праве»

В предлагаемой концепции постоянно возобновляемого диалога о «справедливом праве» законодателя с его адресатами сделан акцент на морально-правовой ценности справедливости как содержательном равенстве (равенстве в должном). В ходе легитимации права неизбежно сталкиваются требования стабильности и определённости правопорядка и его динамичного развития, стимулируемого адресатами правовых предписаний. Обнаруживается своего рода легитимационный парадокс: постоянное воспроизводство легальности (отдельных норм, институтов) требует от законодателя, с одной стороны, поддержания официального статуса нормы, а с другой – внимания к её содержательности, удовлетворяющей адресатов нормы, соответствующей их представлениям о «справедливом праве». Во взаимном признании законодателя и его адресатов достигается желаемый консенсус в отношении действующих норм права. Тем самым осуществляется легитимация права как «справедливого права».

Напомним, что подавляющее большинство представителей российской юридической науки в своей борьбе за «справедливое право» и правовое государство не посягали на идею позитивности права. Критика ими официальной легальности нацеливалась на проведение в России назревших преобразований действующего законодательства. К законодателю обращались с рекомендациями, вытекающими из того или иного варианта правопонимания.

В связи с этим актуализируются научные проекты, восходящие к классической традиции юснатурализма. Например, выдвинутая в своё время Л.И. Петражицким программа научной политики права [16], которую он рассматривал как способ возрождения естественно-правовых идей. Классическая школа естественного права выполняла в известной степени, по мнению Л.И. Петражицкого, функции поли-

тики права, указывая пути для прогресса и совершенствования права.

Возникают всё новые проблемы и «вызовы» в правовой сфере, например проблема социальных прав, актуализация которой в конце XIX – начале XX в. (её обсуждение вокруг «права на достойное существование») и с последней трети XX столетия проявилась в возрождении дискурса справедливости [17]. Активизировать соответствующие научные исследования побуждают и известные новеллы в российском конституционном законодательстве. Обширные изменения в тексте Конституции Российской Федерации, часть из которых имеет принципиальный характер и объективно смещает акценты конституционного регулирования, например, в сторону усиления социального характера государственности России, усиливают интегративную и согласительную-дескрипторную роль положений преамбулы Основного закона, включая заключённый в ней конституционный концепт справедливости.

Традиции, тем более сложившиеся и уже укоренённые, невозможно отменить по чьему-либо желанию. Их можно переинтерпретировать, переосмыслить, трансформируется и сама традиция. Но остаётся её определённый смысловой инвариант. Для юснатурализма это прежде всего его критический потенциал, коренящийся именно в имманентности праву справедливости как должного (морально должного) в человеческих отношениях.

Справедливость как следование принципам права

Одним из возможных вариантов такого переосмысления с позиций авторской коммуникативной теории права А.В. Полякова (см., например, [18]) явилось обоснование гипотезы, согласно которой представления о должном выступают как архетипы коллективного бессознательного, в которых доминируют две конкурирующие ценности: ценность взаимного признания и ценность одностороннего признания. Первая ценность регулирует отношения между субъектами на основе обменных отношений и взаимной

выгоды. На этой основе формируются право и мораль свободы, поскольку субъекты сохраняют свою правосубъектность, а значит, и возможность саморазвития. Справедливость в данном случае формируется как справедливость взаимного признания. Вторая ценность является основой для отношений одностороннего дара – вручения себя обществу и является стратегией служения/подчинения индивида публичной власти. На этой основе доминирует принуждающая сила власти и мораль служения. Сама справедливость предстаёт как установление власти. А.В. Поляков исходит из того, что одним из методов для нахождения и обоснования ценностей, имеющих приоритетное значение для любого члена общества и образующих основу универсальной моральной теории, является натурализация теоретико-философских знаний о праве [19]. Действительно, в последние годы актуализируется вопрос о натурализации знаний о правовых ценностях. Можно согласиться с тем, что это одно из направлений исследования данного вопроса. Но при одном существенном условии: естественно-научные императивы в качестве образца научности не должны подменять собственные научные выводы теоретиков (философов) права и вообще гуманитариев.

Справедливость как следование принципам права исходит из понимания самой справедливости как принципа права. При этом, согласно предлагаемой концепции, все принципы права выводятся из принципа взаимного признания, включая и принцип справедливости. Точно так же гранями справедливости права являются принципы формального равенства, свободы, ответственности, достоинства, взаимосвязи прав и обязанностей человека и т.д. Такой подход вполне вписывается и в представления о принципиальной взаимообусловленности базовых ценностей, а значит, и принципов права.

Справедливость как общеправовой принцип

В отечественной теории и философии права обсуждается вопрос о том, как со-

относятся те или иные принципы права, в том числе принципы справедливости и равенства, справедливости и эквивалентности, и др. Является ли справедливость общеправовым принципом? На наш взгляд, справедливость как базовая ценность права воплощается именно в форме общеправового принципа. Так, утверждается, что конституционный принцип справедливости обусловлен общеправовым принципом равенства [6]. Но при признании равенства принципом справедливости сама справедливость может претендовать на роль общеправового принципа. В справедливости как общеправовом принципе выражается идея (идейное единство) справедливости, предполагающая многомерность содержания данного принципа.

Концепт справедливости в актах Конституционного суда РФ

И всё же вопрос о справедливости как принципе права (общеправовом, конституционном, отраслевом) требует дальнейших доктринальных исследований, ориентированных на повышение его практической и регулятивной роли во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими принципами права. Это со всей очевидностью показал анализ (с выборкой за 20 лет) актов Конституционного суда РФ. Отсутствие легального конституционно-законного определения справедливости в настоящее время в некоторой части компенсируется толкованием в актах органа конституционного правосудия, выносимых по итогам рассмотрения конкретных дел. В результате анализа 635 актов Суда, отобранных с использованием методов количественного анализа и контент-анализа больших массивов информации, выявлены вариативность используемых Конституционным Судом РФ формулировок и неопределённость в понимании правовой природы принципа справедливости. Зачастую в рамках одного судебного акта понятие справедливости используется в самых разных значениях. Между тем многоаспектность и многогранность данного понятия не должны засло-

нять единую правовую природу принципа справедливости уже потому, что это противоречит столь значимому практически принципу правовой определённости.

Справедливость в международном праве

Как представляется, принцип справедливости непосредственно связан с каждым из принципов международного права [20]. В отличие от принципов международного права, имеющих нормативное закрепление, содержание принципа справедливости в международном праве определяется как доктриной, в значительной мере испытывавшей по этому вопросу влияние юснатурализма, так и практикой взаимодействия государств на современном этапе, которая в конечном счёте обуславливает понимание и признание того или иного положения дел как справедливого с правовой точки зрения. Именно авторитет справедливости как ценности и идеи, сложившийся за тысячелетия, позволяет надеяться на то, что государства всё-таки смогут находить правильный вариант поведения на международной арене, даже в тех случаях, когда «писаное» международное право «молчит».

Концепт справедливости в спортивном праве

Теоретические представления о справедливости находят особое, оригинальное преломление в спортивном праве, в частности при наличии споров [21]. Правда, обращение здесь к справедливости пока ограничивается целью обеспечения процессуальных гарантий при разрешении споров. В ситуации поиска основ для нормотворчества в спорте справедливость чаще всего приравнивается к равенству, причём воспринимаемому конъюнктурно, согласно партикулярным, доминирующим «здесь и сейчас» представлениям конкретного «законодателя» в лице спортивной федерации, организации или правоприменителя. Существующий статус-кво нуждается в серьёзных преобразованиях. Немногословность спортивных федераций,

зачастую имеющих компактную нормативную правовую базу, повышает значимость диалога сторон внутри пирамиды управления конкретным видом спорта, в то время как проблема легитимации актов спортивных регуляторов актуальна для любого вида спорта. В перспективе представляется неизбежным переход к диалогу на основе принципа взаимного признания между федерацией-законодателем, правоприменителями и субъектами – адресатами норм. Привнесение в последние годы в мировой спорт политических запросов и недобросовестных конкурентных практик только актуализирует проблему валидации норм в спортивном праве.

Особая роль спортивной правоприменительной практики обозначает запрос на ценностное наполнение концепта справедливости; скепсис по отношению к позитивному праву во многом лишает надежды на появление «законодательного» определения. Анализ сегодняшней ситуации в сфере спорта позволяет сделать вывод прежде всего о том,

что справедливость здесь следует рассматривать комплексно: как материальную и фундаментальную основы нормативно-правового регулирования и правоприменения.

Заключение

Сформулированные авторским коллективом идеи о нерелятивном и неавтономном, но взаимосвязанном и взаимосоотнесённом характере базовых ценностей права, о воплощении справедливости как базовой ценности в общеправовом принципе, о необходимости развития науки политики права и постоянно возобновляемого диалога о «справедливом праве» законодателя с его адресатами при активном участии конституционного правосудия обладают качествами как преемственности, так и новизны, могут рассматриваться в качестве основы современной российской концепции справедливости как обнаруживающие свою перспективность не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Явич Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
2. Тимошина Е.В., Волкова С.В. «Поверх барьеров»: идеи правового государства и автономии права в учении Л.С. Явича (в контексте традиции петербургской философско-правовой школы) // Идеология и политика. 2021. № 2 (18). С. 76–97.
3. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005.
4. Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 35–50.
5. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М., 2017.
6. Зорькин В.Д. Суть права. Лекция для участников VII Петербургского международного юридического форума 18 мая 2017 г. (https://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_Lecture_Zorkin; дата обращения: 27 марта 2022 г.).
7. Лаптева Л.Е. Справедливость в контексте российской правовой культуры // Правовые культуры. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 25 марта 2011 г.) / Под ред.: Г.И. Муромцев, М.В. Немытина. М.: РУДН, 2012. С. 171–177.
8. Мальцев Г.В. Справедливость возмездия и воздаяния: ретрибутивный подход // Социология власти. 2012. № 2. С. 5–19.
9. Сырых В.М. Материалистическое понимание права и справедливости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013 № 2 (307). № 2. С. 18–34.
10. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество: монография. М.: Проспект, 2017.
11. Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливости и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; Сост. и вступ. сл. М.В. Антонова. СПб.: ИД «Алеф-пресс», 2015.

12. Луковская Д.И. Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций? // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 234–240.
13. Юдина М.И., Карамышев О.М. Идея естественного права как «правды» и справедливости в истории русской правовой мысли (XI – начало XIX в.) // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт; Сборник трудов Международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.) / Редколл. М.А. Беляев, В.В. Денисенко. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 371–378.
14. Волкова С.В., Малышева Н.И., Поляков А.В., Юдина М.И. А.П. Куницын и проблемы формирования российской идеи правовой справедливости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 99–106.
15. Луковская Д.И. Постклассические теории естественного права: являются ли они теориями естественного права? // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов Международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). С. 47–55.
16. Тимошина Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 179–195.
17. Ильин А.В. Свобода, равенство, справедливость в советской конституционной традиции // Справедливость в постсоветском правопорядке: понятие, принцип, цель: Сборник. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 145–167.
18. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. № 6. С. 39–101.
19. Брожек Б. О натурализации права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 3. С. 90–114.
20. Малышева Н.И. Справедливость в праве: транснациональный и национальный аспекты // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов Международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). С. 365–371.
21. Васильев И.А. Многомерная «справедливость» при разрешении спортивных споров // Образование и право. 2021. № 6. С. 145–155.

The Concept of Justice in the Modern Legal System of Russia

Dzhenevra Igorevna Lukovskaya – Dr. habil. (Jurisprudence), Professor at St. Petersburg University, head of the project ‘The Concept of Justice in the Modern Legal System of Russia’ (19-011-00528).

E-mail: lukovskaia@yandex.ru

Ilya Alexandrovich Vasiliev – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: i.vasilev@spb.ru

Svetlana Vasilyevna Volkova – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: volkova.s12@mail.ru

Andrey Vitalievich Ilyin – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at Herzen Pedagogical University, executor of the same project.

E-mail: muz777@inbox.ru

Oleg Mikhailovich Karamyshev – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: karamyshev@yandex.ru

Maria Sergeevna Kulikova – postgraduate student at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: Skripha@yandex.ru

Natalia Ivanovna Malysheva – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: n.malysheva@spbu.ru

Andrey Vasilyevich Polyakov – Dr. habil. (Jurisprudence), Professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: Polyakov2008@gmail.com

Vyacheslav Valeryevich Suyazov – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: v.suyazov@spbu.ru

Elena Vladimirovna Timoshina – Dr. habil. (Jurisprudence), Professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: timochina@yandex.ru

Marina Igorevna Yudina – Candidate of Science (Jurisprudence), associate professor at St. Petersburg University, executor of the same project.

E-mail: m.udina@spbu.ru

The idea of a continuous dialogue between the legislator and its addressees about 'equity law' with an emphasis on the moral & legal value of justice as substantive equality (equality in the proper) is suggested as the basis for the concept of justice in Russia today. The fundamental values of law, such as justice, freedom (equality in freedom), human dignity, as they are reflected in the principles of law, thereby acquire a regulatory practical focus, obliging both lawmakers and law enforcers to follow these principles. Justice itself can claim to be a general legal principle.

In addition, the article describes the idea of legal justice as the obligation to follow the principles of law. According to this approach, all principles of law are derived from the principle of mutual recognition, including the principle of justice. The principle of mutual legal recognition is the basis for understanding the measure and limits of human responsibility and legal duties, reflecting the principle of solidarity.

To assess the applied significance of theoretical studies of justice, the authors turned to the analysis of the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, which through its legal views partially compensates for the lack of a legal constitutional definition of justice. The apparent variability and ambiguity in the language used by the Constitutional Court should not conceal the unified legal nature of the principle of justice.

The study of the concept of justice has proven to be particularly relevant in the field of sports: the sport regulators, explicitly or implicitly, are increasingly ignoring the fundamental principles of law. Appeals to justice in sports law illustrates its fragmentation, reduction to equality, and limitation to the purpose of providing procedural guarantees in dispute resolution. Analysis of the current situation in the field of sports suggests that justice should be considered in a comprehensive way: as a material and fundamental basis of normative and legal regulation and law enforcement.

Keywords: justice as a basic value and general legal principle, legislator's dialogue with addressees regarding the equitable law, justice in sports law

REFERENCES

1. Yavich L.S. Sushchnost' prava. Sotsial'no-filosofskoe ponimanie genezisa, razvitiya i funktsionirovaniya yuridicheskoi formy obshchestvennykh otnoshenii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985 (in Russian).

2. Timoshina E.V., Volkova S.V. «Poverkh bar'erov»: idei pravovogo gosudarstva i avtonomii prava v uchenii L.S. Yavicha (v kontekste traditsii peterburgskoi filosofsko-pravovoi shkoly) // Ideologiya i politika. 2021. № 2 (18). S. 76–97 (in Russian).
3. Nersesyants V.S. Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2005 (in Russian).
4. Chestnov I.L. Kontsept spravedlivosti v postklassicheskom pravoponimanii // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2013. № 2 (307). S. 35–50 (in Russian).
5. Vaipan V.A. Teoriya spravedlivosti: pravo i ekonomika. M., 2017 (in Russian).
6. Zor'kin V.D. Sut' prava. Lektsiya dlya uchastnikov VII Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma 18 maya 2017 g. https://spblegalforum.ru/ru/2017_RoundTable_Lecture_Zor'kin (data obrashcheniya: 27.03.2022) (in Russian).
7. Lapteva L.E. Spravedlivost' v kontekste rossiiskoi pravovoi kul'tury // Pravovye kul'tury. Zhidkovskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 25 marta 2011 g.) / Pod red.: G.I. Muromtsev, M.V. Nemytina. M.: RUDN, 2012. S. 171–177 (in Russian).
8. Mal'tsev G.V. Spravedlivost' vozmezdya i vozdayaniya: retributivnyi podkhod // Sotsiologiya vlasti. 2012. № 2. S. 5–19 (in Russian).
9. Syrykh V.M. Materialisticheskoe ponimanie prava i spravedlivosti // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2013 № 2 (307). № 2. S. 18–34 (in Russian).
10. Chechel'nitskii I.V. Spravedlivost' i pravotvorchestvo: monografiya. M.: Prospekt, 2017 (in Russian).
11. Gans Kel'zen: chistoe uchenie o prave, spravedlivosti i estestvennoe pravo / Per. s nem., angl, fr.; Sost. i vstup. sl. M.V. Antonova. SPb.: ID «Alef-press», 2015 (in Russian).
12. Lukovskaya D.I. Pozitivizm i estestvennoe pravo: konflikt interpretatsii? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 456. S. 234–240 (in Russian).
13. Yudina M.I., Karamyshev O.M. Ideya estestvennogo prava kak «pravdy» i spravedlivosti v istorii russkoi pravovoi mysli (XI – nachalo XIX v.) // Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt; Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Voronezh, 11–12 sentyabrya 2020 g.) / Redkoll. M.A. Belyaev, V.V. Denisenko. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS, 2020. S. 371–378 (in Russian).
14. Volkova S.V., Malysheva N.I., Polyakov A.V., Yudina M.I. A.P. Kunitsyn i problemy formirovaniya rossiiskoi idei pravovoi spravedlivosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 56. S. 99–106 (in Russian).
15. Lukovskaya D.I. Postklassicheskie teorii estestvennogo prava: yavlyayutsya li oni teoriyami estestvennogo prava? // Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt; Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Voronezh, 11–12 sentyabrya 2020 g.). S. 47–55 (in Russian).
16. Timoshina E.V. Pravo kak spravedlivost': kontseptsiya intuitivnogo prava v shkole L.I. Petrazhitskogo // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2010. № 6 (293). S. 179–195 (in Russian).
17. Il'in A.V. Svoboda, ravenstvo, spravedlivost' v sovetskoj konstitutsionnoi traditsii // Spravedlivost' v postsovetskom pravoporyadke: ponyatie, printsip, tsel': Sbornik. M.: Yurlitinform, 2021. S. 145–167 (in Russian).
18. Polyakov A.V. Printsip vzaimnogo pravovogo priznaniya: rossiiskaya filosofsko-pravovaya traditsiya i kommunikativnyi podkhod k pravu // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2021. № 6. S. 39–101 (in Russian).
19. Brozhek B. O naturalizatsii prava // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2017. № 3. S. 90–114 (in Russian).
20. Malysheva N.I. Spravedlivost' v prave: transnatsional'nyi i natsional'nyi aspekty // Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt; Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Voronezh, 11–12 sentyabrya 2020 g.). S. 365–371 (in Russian).
21. Vasil'ev I.A. Mnogomernaya «spravedlivost'» pri razreshenii sportivnykh sporov // Obrazovanie i pravo. 2021. № 6. S. 145–155 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 882; 82-92

Код ГРНТИ 19.45.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-106-118

Д.С. МОСКОВСКАЯ***Творчество нобелевских лауреатов
Б.Л. Пастернака и М.А. Шолохова:
опыт интеграции в западную систему
референций (1930–1970-е гг.)**

В рамках проекта была поставлена задача осветить с возможной полнотой рецепцию русских советских писателей-нобелятов в странах, национальные языки которых, став средством международного общения, способствовали распространению созданных Б.Л. Пастернаком и М.А. Шолоховым литературных шедевров по всему миру. Осуществлённые в 1930-х – 1950-х гг. переводы романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Доктор Живаго» оказались важным идейно-эстетическим фактором, повлиявшим на мировые историко-идеологические процессы. Авторы проекта впервые обратились к рассмотрению журнальной и газетной периодики, критические отзывы в которой стали основной формой освоения творчества лауреатов. Знакомство западных читателей с творчеством Михаила Шолохова началось уже в 1930-е гг., значительно опередив встречу с Борисом Пастернаком, имя которого до публикации перевода его романа было почти неизвестно зарубежному читателю. Противопоставление Шолохова Пастернаку, спровоцированное большой политикой, не смогло заглушить те голоса, которые подчёркивали единство русской романной традиции и равноправие советских номинантов в её продолжении.

Ключевые слова: Нобелевская премия по литературе, Шолохов, Пастернак, периодика, критика, рецепция, политика, культурные конвенции, сравнение, кросс-культурная коммуникация, региональная литература, литературный канон, жанр

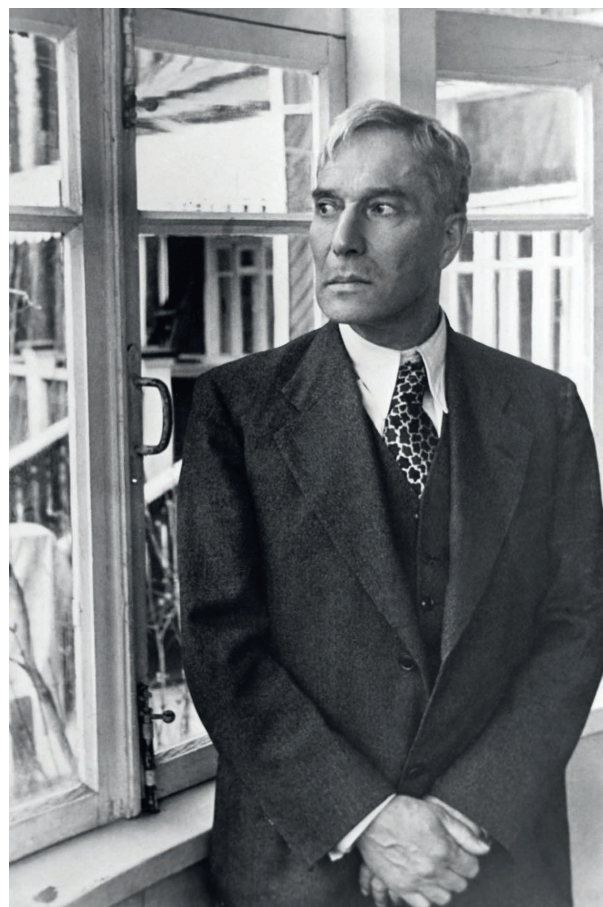
Авторы проекта впервые обратились к рассмотрению путей и форм освоения зарубежным сознанием творчества двух советских лауреатов Нобелевской премии Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960)

и Михаила Александровича Шолохова (1905–1984) в сопоставительном аспекте — впервые, поскольку к монографическому исследованию рецепции творчества каждого из писателей учёные обращались и прежде (см., например: [1–10]). Источ-

* **Московская Дарья Сергеевна** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, руководитель проекта «Нобелевские лауреаты Б.Л. Пастернак (1958) и М.А. Шолохов (1965) в европейской кросс-культурной коммуникации. Новые материалы к истории русской литературы 1930–1960-х гг.» (20-012-00539). E-mail: darya-mos@yandex.ru

никовой базой впервые стал массив предвоенной и послевоенной зарубежной газетной и журнальной периодики, который позволил расширить горизонты восприятия русской советской литературы как в ранние 1930-е гг., в период «узнавания» зарубежным читателем и критиком рождённой революцией пролетарской культуры, так и в годы острой политической конфронтации с СССР – во времена «холодной войны».

Предметом изучения стала также реакция советских критиков и литературоведов на зарубежные отклики, которая помогла определить основные точки соприкосновения и отталкивания представителей единого эстетического и ценностного англо-французского литературного канона с литературой местной, с точки зрения западного критика – региональной. Этот ракурс объясняет новаторский характер проекта, поскольку историко-литературному анализу оказались подвергнуты не только сопоставительное прочтение двух великих романов о русской революции («Тихого Дона» и «Доктора Живаго») на Западе, но само до- и послевоенное американское и европейское сознание в столкновении с советским самосознанием. Последнее было обеспечено изучением не фрагментов, исключительно связанных с оценкой творчества советских нобелиатов, которое преобладает в исследованиях такого рода, а полнотекстовой версии отзывов. В этих, как правило, многостраничных обзорах литературной жизни представлен широкий политико-идеологический контекст кросс-культурной коммуникации, в которой нашлось место и обсуждению переводов советских романов. Эти обзоры позволяют оценить состояние национального самосознания воспринимающей чужую культуру страны, учесть социально-политические обстоятельства и культурные конвенции, превратившие в конце концов того или иного писателя в мировую величину.

Ил. 1. Б. Пастернак. 1935 г.

Ист.: <https://www.flickr.com/photos/pimu/50543707087/>

Англо-американская рецепция творчества М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

Первый и единственный в англоязычном мире известный перевод «Тихого Дона» был осуществлён в Великобритании Генри Стивенсом (псевд. Стефан Гарри). И хотя в СССР перевод подвергся острой критике, потребовавшей оправданий со стороны переводчика, роман сразу приобрёл большую популярность: в 1934 г. его выпустили десятью изданиями с беспрецедентным общим тиражом в 98 150 экземпляров [11]. Как пишет М. Эспань, «возможность сравнения определяется существованием некоего общего фундамента» [12, с. 39], в данном случае – общеевропейской романной формы, и закономерно, что одним из действенных рекламных ходов при публикации шолоховского эпоса в США оказалась цитата из М. Горько-

Ил. 2. М. Шолохов. 1920-е гг.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 1

го, сравнившего «Тихий Дон» с романом Л. Толстого «Война и мир». При этом часто подчёркивалось, что «в стране, где библиотеки закупают книги, а вкусы критиков определены мнением правящей партии, и где даже решительно бездарные произведения часто имеют большой успех» (А. Назаров), «Тихий Дон» решительно не похож на «запланированную» (Э. Симмонс), «мундирную» (А. Каун), созданную в ответ на социальный заказ идеологически ангажированную литературу.

Главным аргументом для критиков был знаменитый финал «Тихого Дона» и заключительные главы «Поднятой целины». Шолохов создал романы с нетипичными для советской литературы несчастливыми концами. В этой «примитивной, маргинальной стране», как охарактеризовала СССР М. Маршалл, где «власть сознательно и жёстко отвергла европеизированную русскую культуру», объявив «социалистический реализм», представляющий собой «не что иное, как простой репре-

зентационизм, который Сталин, будучи крестьянином, способен понять», роман Шолохова дал пример «реализма более высокого уровня». В конце статьи критик отдаёт дань Шолохову «за безошибочную ноту ностальгии» в первых главах романа, где воссоздана жизнь донских казаков до 1914 г., и «за его любовь к природе, которая близка к осуждённому за контрреволюционность мистицизму» [13, р. 36]. Стефан Гарри отмечает в финале «Поднятой целины» верность автора подлинному гуманизму: «Последние пять страниц “Поднятой целины” посвящены глубоко личной беде. В этом он верен себе: во всех работах его прежде всего волновала судьба личности, “судьба человека”» [11, с. 30].

Тема войны, центральная для «Тихого Дона», была в 1941 г. переосмыслена в контексте войны с фашизмом, ведшейся на тех же исторических территориях, где воевали шолоховские герои: «Сегодня над степями снова штормит — это новости с восточного фронта, и новая война придаёт этой книге современное звучание, демонстрирующее, как ожесточённо и изобретательно будут сражаться русские, защищая свою землю» [14].

Романы Шолохова получили у американских критиков жанровое определение — социальный роман: это «мелодрама с дистанционным управлением, которая переносит политику с заднего плана в гущу человеческих жизней» [15, р. 206]. Другой замеченной англоязычной критикой чертой шолоховского творчества стала его региональность: страна, которую любит Шолохов, — «это не “русская земля”, а вполне определённое место на берегах Дона» [14, р. 226].

Трагическая судьба автора романа «Доктор Живаго» не стала триггером, способным оттолкнуть англо-американскую критику от шолоховского творчества. Первое упоминание о Пастернаке в Британии появляется в ноябре 1957 г., и, судя по заголовку, в тот момент он был мало известен английскому читателю и потому фигурирует как «поэт» без указания

Ил. 3. М. Шолохов среди колхозников станицы Вёшенской. 1930-е гг.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 11

имени [6, с. 284–294.]. В 1965 г. британская газета «Гардиан» свидетельствовала о «Тихом Доне», что это «самый великий русский роман из опубликованных в последние 80 лет за малым исключением — “Воскресения” Л. Толстого и “Доктора Живаго»» [16, р. 9].

Шведская рецепция М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

Когда в Стокгольме должен был решиться выбор в пользу Ивана Бунина, рубрика «Книги для чтения» рекомендовала читателям роман «Тихий Дон». Ещё через полгода, 14 января 1935 г. страницы газеты украшала большая рецензия на «Поднятую целину» в шведском переводе. Отзыв на «Поднятую целину» Э.В. Ульссона первым связал имя советского писателя с Нобелевской премией. Месяц спустя Ивар Лу-Юханссон рекомендовал в кандидаты премии по литературе Михаила Шолохова. Столь благосклонная к Шолохову ситуация послевоенных сороковых

использована не была, а в пятидесятые ветер поменялся и в стране, и в мире: в 1957 г. разразилась сенсация – итальянская публикация «неортодоксального романа» Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Рецензент «Даген нюхетер» замечает, что Пастернак пишет роман, становящийся «самым убедительным прозаическим произведением, которое русский писатель сумел преподнести нам со времени создания Шолоховым “Тихого Дона”» [17, s. 4].

В послевоенной Швеции Шолохова постепенно перевели в разряд анахронизмов, а главным в восприятии личности писателя становится не его творчество, а его политическое кредо. Свен Вальмарк первым запустил антишолоховский пиар, отрицая, в том числе, и право этого советского писателя на Нобелевскую премию по литературе. И тем не менее, если Пастернака называли «внутренним эмигрантом», то и о Шолохове судили по его «молчанию»: это тоже был «эмигрант во внутренний мир». Наконец, в се-

Ил. 4. М.А. Шолохов. 1937 г.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 8

редине октября 1965 г. из Стокгольма пришло долгожданное известие, и, несмотря на вышедшую в 1974 г. из печати в «ИМКА-пресс» книгу Д.* (И.Н. Медведевой-Томашевской) «Стремя “Тихого Дона”», Шолохов сохраняет в Швеции ореол одного из самых крупных советских писателей. Шолохов и Пастернак видятся шведской критике равноценными в литературном отношении величинами, но стоящими на разных полюсах в идеологических столкновениях эпохи.

Немецкая рецепция М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

От бескомпромиссного апологетизма к скепсису и бойкоту — так развивается в последнюю треть века рецепция Шолохова в объединённой Германии. К массовым изданиям книги Шолохова в Западной Германии отнести трудно: «Тихий Дон» в знакомом переводе О. Гальперн вышел в полном виде впервые в 1959 г. [18]. Монографические работы западногерманских

исследователей о Шолохове исчисляются единицами, при этом диапазон его восприятия неизменен: «от литературного партийца до enfant terrible» [19]. До 1933 г. немцы интересуются новой советской литературой, а переводчики, издательства и критики удовлетворяют этот интерес.

В послевоенной ГДР была сделана попытка национальной «перезагрузки», и советская литература, особенно книги такого масштаба, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина», были чрезвычайно востребованы. Шолохов накануне получения Нобелевской премии был представлен амбивалентно. С одной стороны, он погружён в общественно-партийную работу на своей родине: писатель, член ЦК КПСС, депутат Верховного совета, но не бюрократ — ему важны «планы строительства, проекты по орошению земли, жилищная программа области». Сталинскую премию 1941 г. он пожертвовал в фонд обороны, Ленинскую премию за «Поднятую целину» отдал на строительство школы.

Объединение Германии создало совершенно новую ситуацию для развития германо-российских отношений. В обстоятельной статье «Михаил Шолохов — незнакомая земля?» В. Байц отмечает, что прежде Шолохов был одним из популярнейших во всём мире романистов, но со времён противостояния двух сверхдержав США и СССР в «холодной войне» он стал вдруг «спорным», и полемично фиксирует: «в западногерманском пространстве, вплоть до левого спектра включительно, содержатся спекуляции и невероятно ошибочные приговоры; пришло время взвешенной оценки русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия с Нобелевской премией за 1965 год» [20, s. 547].

Нобелиаты М.А. Шолохов и Б.Л. Пастернак в итальянской рецепции

На фоне сложившейся в Италии в 1957 г. общественно-политической ситуации с её жёстким противостоянием

Ил. 5. М. Шолохов среди пионеров в станице Вёшенской. 1940 г.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 16

левой интеллигенции и компартии практически одновременно были обнародованы переводы ключевых для советской литературы XX в. романов «Доктор Живаго» и «Тихий Дон», что дало дополнительный импульс к их сравнению. Тон противопоставлению Пастернака и Шолохова задавала партийная критика в лице члена компартии К. Салинари. Критики-коммунисты увидели в романе Пастернака «искусство, обращённое назад, к прошлому: закат, пусть самый прекрасный, всё равно закат» [10, с. 97]. Эссе Салинари, написанное в соответствии с установками официальной советской критики и отражавшее позицию итальянской компартии, утверждало приоритет «реализма» Шолохова по отношению к «декадентству» Пастернака.

Однако независимая литературная критика сочла «неуместным» такое сравнение (Дж. Джудичи, М.К. Оттавиани) и поддержала мнение Нобелевского комитета, присудившего премию Пастер-

наку «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа», отметив, что эта премия в лице Пастернака присуждена всей великой русской поэзии XX в. В этом контексте писатель и литературный критик Джозе Риманелли призывал оценивать книгу Пастернака вне «отталкивающего политического контекста», созданного «невежеством советских властей». Если бы не травля писателя на родине, возможно, имя Пастернака не прогремело бы за рубежом, а его роман «Доктор Живаго» оценили бы совершенно по-другому [10].

В оценке творчества Шолохова итальянская критика проявила большее единодушие, что следует из многочисленных статей и интервью, сопровождавших приезд Шолохова в Италию в 1959 г. [21], а затем и откликов критики в 1965 г. в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

Ил. 6. Б. Пастернак читает телеграмму о присуждении ему Нобелевской премии. Слева Нина Табидзе, справа Зинаида Пастернак. Переделкино, 23 октября 1958. Ист.: <https://pastvu.com/p/863888>

Восприятие творчества М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака во Франции 1950–1960-х гг.

Уже в 1930 гг. наметились две разные доминанты во французской рецепции творчества Шолохова. Одна определялась интересом к русской литературе и русскому мифу, восходящему к концу XIX в., когда была опубликована книга Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (1886) и начался массовый перевод на французский произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. В этом контексте читается и переводческая работа В. Сухомлина над «Тихим Доном». Другой формой освоения шолоховского романа была издательская политика СССР, направленная на распространение советской культуры за рубежом. Об этом свидетельствует публикация А. Оран и Ж. Ру, осуществлённая под эгидой компартии в издательстве «Editions sociales internationales». Немаловажную роль в издании произведений Шолохова и о Шолохове в 1930-е гг. сыграл Международный конгресс писателей в защиту культуры, а также разви-

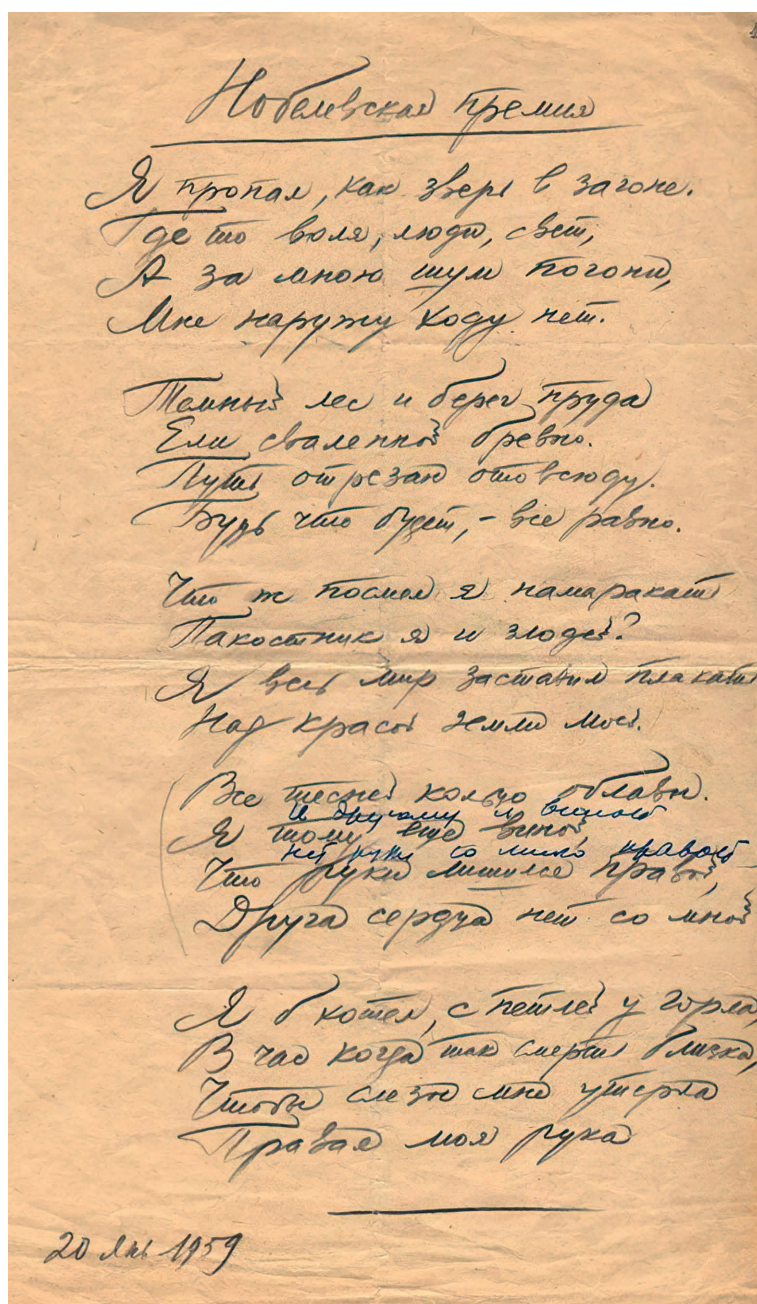
тие Луи Арагоном, Полем Низаном и др. теории социалистического реализма во Франции.

Первый этап восприятия творчества Шолохова происходил в широком интермедиальном контексте, где большую роль играло кино. По смежности романы Шолохова воспринимались через призму фильмов С. Эйзенштейна, особое внимание благодаря отзывам критика Жоржа Альтмана привлёк его фильм «Генеральная линия». В 1933 г. в неидеологизированном издательстве «Галлимар» выходит «Поднятая целина»: перевод делался сразу после публикации книги в СССР. Название оказалось трудным для переводчиков, которые передали его как «Распахиватели». К тому же текст заканчивался раньше времени – на 33-й главе (где бабы бьют коммуниста Давыдова), что спровоцировало некоторых недоброжелателей поддержать фальсификацию: «Читайте новый роман Шолохова! Читайте, как русские бабы приветствуют мордобоем Давыдова – красного комиссара в колхозе на Дону!..»

В целом литературную ценность романа определяли его документальной основой [22, р. 2, 5]. В мае 1935 г. Ромен Роллан в знаменитой статье «О роли писателя в современном обществе» подчёркивал, что лучшие из новых произведений советской литературы — к ним он отнёс роман Шолохова «Тихий Дон» — продолжают великую реалистическую традицию русской классики. В 1950-е гг. выходит новый перевод «Тихого Дона», выполненный театральным деятелем Антуаном Витезом («Le Don Paisible»). Когда Витез работал над переводом и готовил его публикацию, он находился под большим влиянием Л. Арагона. После выхода в свет этой книги критики сравнивали её с произведениями Л.Н. Толстого, Э. Хемингуэя, Стендаля. Именно этот перевод будет в центре внимания во время присуждения Шолохову Нобелевской премии.

Критика 1960-х гг. во многом продолжает обе тенденции, намечившиеся в 1930-е гг. Сравнение с Л.Н. Толстым как автором «эпопеи» доминирует во многих статьях. Присутствует также более или менее скрытое сравнение «Тихого Дона» с «Доктором Живаго». Авторы прокоммунистического журнала «Комба» утверждают, что Нобелевская премия была дана Шолохову как «компенсация» за Пастернака.

Что касается Пастернака, то, несмотря на переводы, вышедшие во французской версии журнала «Интернациональная литература», его поэзия была мало известна французскому читателю. Настоящее знакомство с писателем начинается только после присуждения Нобелевской премии

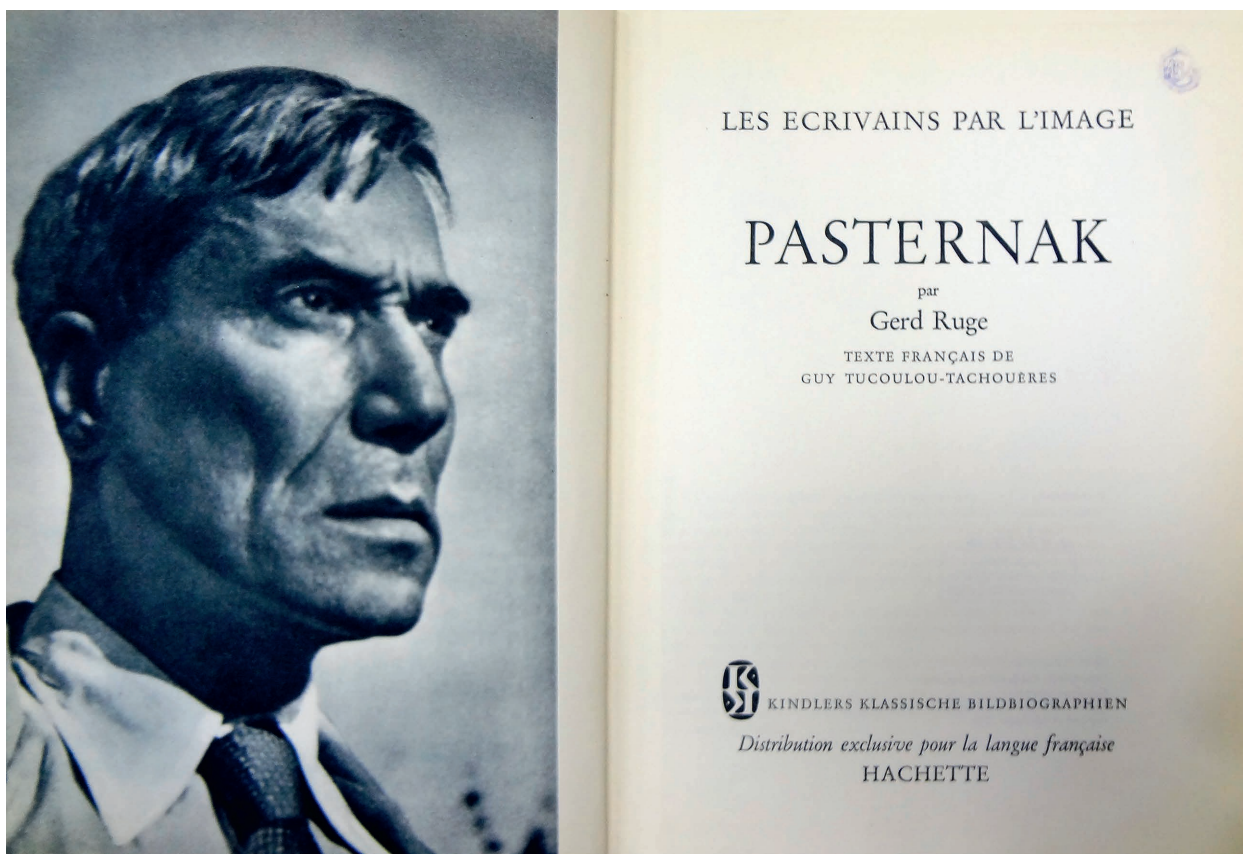

Ил. 7. Автограф стихотворения Б. Пастернака «Нобелевская премия». 20 января 1959.

Ист.: <https://ruverses.com/autographs/boris-pasternak/nobel-prize/>

в 1958 г. и связано с переводом «Доктора Живаго».

Большую роль в присуждении Нобелевской премии Пастернаку сыграл А. Камю, высоко ценивший его поэзию. Французская издательская политика в отношении Пастернака и рецепция его творчества во многом зависели от Л. Арагона и Э. Триоле, считавшей Пастернака конкурентом и почти врагом Маяковского.

Ил. 8. Титульная страница книги Герда Руге «Пастернак» в переводе на французский язык. Paris: Hachette, 1959

Издательство «Галлимар» в 1964 г. выпустило в свет первую и вторую часть книги «Поднятой целины» в новом переводе. В большом предисловии к первой книге романа говорится об исключительной смелости Шолохова как писателя-историка. Присуждение Шолохову Нобелевской премии 1965 г. вызвало горячее одобрение на страницах большинства газет Франции.

Имя Б.Л. Пастернака в реакции испаноязычной прессы на Нобелевскую премию М.А. Шолохова

Как известно, ранние переводы «Тихого Дона» в Испании были выполнены с немецких или французских переводных версий [см. подробнее: 23]. Испаноязычные отзывы о творчестве русских нобелиатов позволяют сделать вывод, что имя Бориса Пастернака возникало

в связи с творчеством Михаила Шолохова чрезвычайно часто, чаще, чем имя Ивана Бунина. Интересно, что Пастернака упоминали как критики, так и апологеты официальной советской литературы, и делали это для того, чтобы оценить, не была ли и премия 1965 г. политическим жестом, а также противопоставить писателей друг другу.

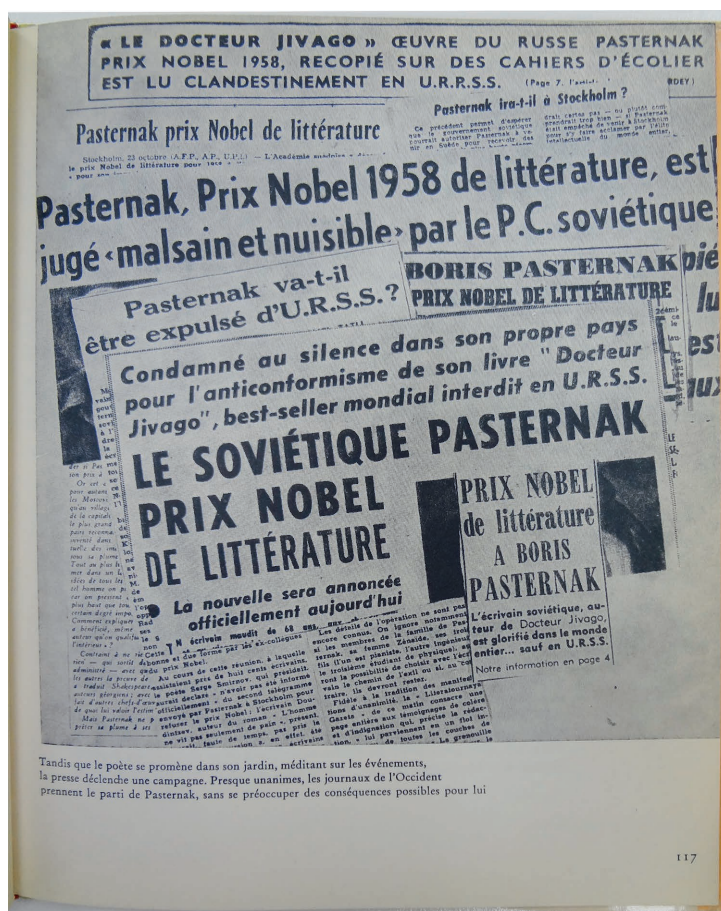
В глазах испаноязычной читающей аудитории два советских нобелиата всегда оставались антиподами. При этом испаноязычной критике было особенно свойственно мифотворчество. Авторы часто превращали Шолохова в непосредственного участника описываемых им событий, в бывшего казака и ветерана советской революции. Что касается Пастернака, то Фернандо-Гильермо де Кастро создавал своего рода «антимиф», когда возмущался тем, что Пастернак не участвовал в Первой мировой войне, «не марал руки о револю-

цию» и оставался равнодушным и спокойным, пока «революционные поэты» Блок, Есенин и Маяковский «один за другим» кончали жизнь самоубийством. На его фоне роман Шолохова описывается как «трепещущий» и «очаровывающий», «историческая справедливость — и ничего больше». Любопытно, что автор пытается обоих оценивать по «заветам» Хемингуэя: Шолохов им следует (причём уже в годы написания «Тихого Дона»), а Пастернак — нет.

Выводы

Обращение к рецепции творчества Бориса Пастернака и Михаила Шолохова, запечатлённой в огромном массиве предвоенной и послевоенной зарубежной газетной и журнальной периодики, обеспечило переход исследования кросс-культурной коммуникации на социоантропологический уровень, представляющий этос составлявших её отдельных лиц и обнаруживающий новые мотивы в её истории.

Так, знакомство англоязычных читателей с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» Шолохова началось уже в ранние 1930-е гг., чему немало способствовало наличие широких просоветски настроенных слоёв западного общества, характеризующихся общим интересом к советской стране, стране сбывающейся коммунистической утопии. В то же время «регионализм» Шолохова — певца Донщины имел аналогии в истории американской литературы первой половины XX в., а эпический размах его полотна — на фоне всё усложняющейся политической обстановки в мире — вызывал ассоциации с широкими полотнами национальной жизни, созданными Львом Толстым, Голсуорси, Ремарком и родившимися советского писателя с классиками мировой литературы.

Ил. 9. Коллаж из французских отзывов о присуждении Б. Пастернаку Нобелевской премии. Страница из книги Герда Руге «Пастернак» в переводе на французский язык. Paris: Hachette, 1959

В отличие от Михаила Шолохова Борис Пастернак, раскрывшийся в 1920-е гг. прежде всего как поэт, воспринимался на Западе прямым наследником утончённой культуры Серебряного века и высоких духовных традиций русской классической поэзии. Именно поэтому позднее открытие творчества Пастернака-прозаика на Западе происходило подчас в формах противопоставления его «политически ангажированному» Шолохову. Это стало данью большой политике и личному выбору рецензента, что лишний раз подтверждает: институт критики, впрочем, как и институт писательства, представляет собой социологический субстрат литературы. В социологической перспективе оценки западных рецензентов принадлежали прежде всего рынку идеологических

ценностей. И тем не менее американский литературовед Роберт Клементс сумел аргументированно соединить изменчивую политическую конъюнктуру, которой чутко внимали шведские академики, с имманентными ценностями мировой литературы. Представив в статье «Политизирована ли Нобелевская премия?», опубликованной по итогам выдвижения нобелевских лауреатов 1965 г., достаточно прихотливую «политическую» логику Шведской академии и предложив поясняющую её модель «маятника», согласно которой каждый новый лауреат «компенсирует» политические перегибы предыдущего выдвижения или же «наказывает» политически скомпрометированные страны, Клементс заканчивает статью на совершенно другой ноте. Он напоминает читателям, что премия по литературе, согласно завещанию Альфреда Нобеля, должна присуждаться авторам «наиболее выдающихся произведений идеалистиче-

ской направленности». Закономерен вопрос: какую связь с «презренной» политической игрой может иметь выдающееся литературное произведение, отмеченное возвышенным идеализмом? Клементс отвечает: «Поскольку политика в её лучшем проявлении – со времён Платона – это попытка найти утопическую форму правления, и поскольку литература является выражением общества, а также человеческой индивидуальности, постольку Нобелевская премия по литературе вряд ли может быть освобождена от политики».

Для самого общего вывода, следующего из пёстрых оценок политически ангажированной зарубежной критики права советских писателей Бориса Пастернака и Михаила Шолохова на звание нобелевских лауреатов по литературе, может быть использована формула Ф. Моретти: «то, как мы представляем себе мировую литературу, отображает наше видение мира» [24, с. 173].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972.
2. Хмыров А.А. М.А. Шолохов в англоязычных странах: Переводы. Литературоведение. Критика: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
3. Алеев Р.В. М.А. Шолохов в западном литературоведении и литературной критике: Писатель в диалоге и противостоянии культур 1950–1990-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
4. Стопченко Н.И. М.А. Шолохов в Германии (1929–2011): диалог культур-цивилизаций. М.: Вузовская книга, 2012.
5. Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München; Wien: Böhlau Verlag, 2007.
6. Маньковская С.А. Нобелевская премия Б. Пастернака в британской газетной хронике Октября 1958 г.: от присуждения к отказу // Русская классика. Вып. II: Фет. Чехов. Пастернак. Пришвин: Сборник научных статей М.: Древлехранилище, 2021. С. 284–295.
7. Флейшман Л. Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Лексрус, 2015.
8. Толстой И.Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009.
9. Allén S., Espmark K. The Nobel Prize in Literature. Stockholm, 2001.
10. «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия. М.: Река времён, 2012.
11. Московская Д.С. М.А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа «Тихий Дон» на английский язык // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 8. Вып. 61. С. 26–33.
12. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
13. Margaret Marshall. Notes by the Way // The Nation. August 16. 1941.

14. Malcolm Cowley. Black Earth // The New Republic, T. 105. 1941, August 18. Pp. 225–226.
15. Kenneth White. The Social Novel // The New Republic, December, 25. 1935. T. 85. P. 206.
16. Б/п. Mikhail Sholokhov. Novelist of Action // The Guardian, October 16. P. 9.
17. Wizelius I. Pasternaks nya roman // Dagens nyheter, 4.12.1957. S. 4.
18. Michail Scholochow Der stille Don Roman in 4 Büchern / Übers. von Olga Halpern. Moskau: Verl. für fremdsprachige Literatur, 1951–1954. 4 Bd.
19. Robert Hotz. Sie kämpften für die Heimat: Michail Scholochow als Schriftsteller, Parteiliterat und «Enfant terrible». Bern, Frankfurt M.: Peter Lang International Academic Publishers, 1972.
20. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. 2006, Juni. H. 188. S. 542–552.
21. Ариас-Вихиль М.А., Московская Д.С. Нобелевская премия Б. Пастернака (1958) и М. Шолохова (1965) в оценке итальянской критики // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45). С. 713–719.
22. Cholokhov M. Les defricheurs. Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e ed. Paris, Gallimard, 1933.
23. Симонова М.В. К истории переводов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» в Испании // Учёные записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 134–138.
24. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Works of the Nobel Prize Winners Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov: the Experience of Integration into the Western System of References (1930s–1970s)

Daria Sergeevna Moskovskaya – Dr. habil. (Philology), chief researcher, head of the Department of Manuscripts of Gorky Institute of World Literature RAS, head of the project ‘Nobel Prize Winners Boris Pasternak (1958) and Mikhail Sholokhov (1965) in European Cross-Cultural Communication. New Materials on the History of Russian Literature in the 1930s–1960s’. (20-012-00539).

E-mail: darya-mos@yandex.ru

The project’s goal was to cover as comprehensively as possible the reception of the Russian Soviet novelists in the countries, the national languages of which, being the means of international communication, helped spread the literary masterpieces created by Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov worldwide. The translations of the novels *And Quiet Flows the Don*, *Virgin Soil Uplturned*, *Doctor Zhivago* in the 1930s–1950s proved to be an important ideological and aesthetic factor influencing the global historical and ideological processes. For the first time, the authors studied journals and newspapers that published critical reviews of the works by the Nobel-winning authors. The introduction of Mikhail Sholokhov’s work to Western readers began as early as the 1930s, far ahead of the introduction of Boris Pasternak, whose name was practically unknown to foreign readers before the publication of his translated novel. The antagonism of Sholokhov to Pasternak, provoked by big politics, failed to muffle those voices, which emphasized the unity of the Russian novel tradition and the equality of Soviet nominees throughout its history.

Keywords: Nobel Prize in Literature, Sholokhov, Pasternak, periodicals, criticism, assimilation, politics, cultural conventions, comparison, cross-cultural communication, local literature, literary canon, genre

REFERENCES

1. Priima K.I. «Tikhii Don» srazhaetsya. Rostov-na-Donu: Rostovskoe kn. izd-vo, 1972 (in Russian).
2. Khmyrov A.A. M.A. Sholokhov v angloyazychnykh stranakh: Perevody. Literaturovedenie. Kritika: Diss. ... kand.filol. nauk. M., 2005 (in Russian).
3. Aleev R.V. M.A. Sholokhov v zapadnom literaturovedenii i literaturnoi kritike: Pisatel' v dialoge i protivostoyanii kul'tur 1950–1990-kh godov: Diss. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006 (in Russian).
4. Stopchenko N.I. M.A. Sholokhov v Germanii (1929–2011): dialog kul'tur-tsvilizatsii. M.: Vuzovskaya kniga, 2012 (in Russian).
5. Marchenko T.V. Russkie pisateli i Nobelevskaya premiya (1901–1955). Köln; München; Wien: Böhlau Verlag, 2007 (in Russian).
6. Man'kovskaya S.A. Nobelevskaya premiya B. Pasternaka v britanskoj gazetnoi khronike Oktyabrya 1958 g.: ot prisuzhdeniya k otkazu // Russkaya klassika. Vyp. II: Fet. Chekhov. Pasternak. Prishvin: Sbornik nauchnykh statei M.: Drevlekhranilishche, 2021. S. 284–295 (in Russian).
7. Fleishman L. Boris Pasternak i Nobelevskaya premiya. M.: Leksrus, 2015 (in Russian).
8. Tolstoi I.N. Otmyty roman Pasternaka: «Doktor Zhivago» mezhdru KGB i TSURU. M.: Vremya, 2009 (in Russian).
9. Allén S., Espmark K. The Nobel Prize in Literature. Stockholm, 2001.
10. «Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya. M.: Reka vremyon, 2012 (in Russian).
11. Moskovskaya D.S. M.A. Sholokhov v angloyazychnoi kross-kul'turnoi kommunikatsii: k istorii perevoda romana «Tikhii Don» na angliiskii yazyk // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2022. T. 8. Vyp. 61. S. 26–33 (in Russian).
12. Espan' M. Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018 (in Russian).
13. Margaret Marshall. Notes by the Way // The Nation. August 16. 1941.
14. Malcolm Cowley. Black Earth // The New Republic, T. 105. 1941, August 18. Pp. 225–226.
15. Kenneth White. The Social Novel // The New Republic, December, 25. 1935. T. 85. P. 206.
16. B/p. Mikhail Sholokhov. Novelist of Action // The Guardian, October 16. P. 9.
17. Wizelius I. Pasternaks nya roman // Dagens nyheter, 4.12.1957. S. 4.
18. Michail Scholochow Der stille Don Roman in 4 Büchern / Übers. von Olga Halpern. Moskau: Verl. für fremdsprachige Literatur, 1951–1954. 4 Bd.
19. Robert Hotz. Sie kämpften für die Heimat: Michail Scholochow als Schriftsteller, Parteiliterat und «Enfant terrible». Bern, Frankfurt M.: Peter Lang International Academic Publishers, 1972.
20. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. 2006, Juni. H. 188. S. 542–552.
21. Arias-Vikhil' M.A., Moskovskaya D.S. Nobelevskaya premiya B. Pasternaka (1958) i M. Sholokhova (1965) v otsenke ital'yanskoi kritiki // Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 6 (45). S. 713–719 (in Russian).
22. Cholokhov M. Les defricheurs. Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e ed. Paris, Gallimard, 1933.
23. Simonova M.V. K istorii perevodov romana M.A. Sholokhova «Tikhii Don» v Ispanii // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2008. № 3. S. 134–138 (in Russian).
24. Moretti F. Dal'nee chtenie. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Индекс УДК 159.9

Код ГРНТИ 15.21.00; 15.21.41

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-119-130

**А.О. ПРОХОРОВ,
А.В. ЧЕРНОВ,
М.И. КАРТАШЕВА***

Система Я в ментальной регуляции психических состояний

Теоретическим основанием исследования являлись концептуальные представления о центральной роли системы Я в ментальной регуляции психических состояний. Ментальная регуляторная система представляет собой структуру взаимоотношений между характеристиками сознания: репрезентациями, рефлексией, переживаниями, смысловыми структурами, ментальным (субъективным) опытом, в которой система Я выполняет интегрирующую функцию в обусловливании регуляции состояний субъекта структурами сознания. В ходе исследований были использованы 24 методики диагностики ментальных структур и свойств личности, а также специально разработанные авторские анкеты. Изучение психических состояний и эффективности их саморегуляции осуществлялось на примере учебной деятельности студентов в различных по напряжённости формах обучения: на лекциях, семинарах и экзаменах.

В результате проведённых исследований установлено, что высокий уровень самоотношения и самооценки связан с использованием конструктивных совладающих стратегий, что способствует повышению общей эффективности саморегуляции состояний студентов. Выявлены особенности взаимодействия составляющих системы Я и рефлексивных, смысловых структур во влиянии на регуляторные процессы: у студентов с большой самооценностью максимальная эффективность саморегуляции достигается в случае сочетания высокого уровня смысложизненных ориентаций и ретроспективной рефлексии.

* **Прохоров Александр Октабринович** — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ), руководитель проекта «Система Я в ментальной регуляции психических состояний» (20-013-00076).

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

Чернов Альберт Валентинович — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии КФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: albertprofit@mail.ru

Карташева Мадина Ильгизовна — ассистент кафедры общей психологии КФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: madin-ka@mail.ru

Получены данные о взаимосвязи психологических свойств личности и системы Я: для респондентов с высоким уровнем отношения к себе характерна развитость таких черт личности, как общительность, эмоциональная стабильность, экспрессивность и эффективный самоконтроль. Выявлена специфика организованности взаимосвязей между структурами сознания, показателями регуляторных процессов и личностными характеристиками в различных по степени напряжённости ситуациях: в повседневной учебной ситуации показатели актуального психического состояния и эффективности саморегуляции в большей мере связаны с компонентами системы Я, тогда как на экзамене усиливается роль самоактуализации личности.

Ключевые слова: психическое состояние, система Я, ментальная регуляция, способ саморегуляции, самоотношение

Изучение психических состояний человека закономерно приводит исследователя к проблеме их регуляции. В этом контексте особенно необходимыми являются знания о ментальных механизмах саморегуляции состояний и особенностях участия в них структур сознания. Благодаря этим структурам происходит выбор средств и способов саморегуляции в повседневных и напряжённых жизненных ситуациях, вследствие чего обеспечивается адекватность психических состояний субъекта, его поведение и социальная адаптация к различным обстоятельствам жизнедеятельности. Однако эти структуры и механизмы чаще всего остаются за рамками анализа: в психологических исследованиях саморегуляции акценты в большей степени смещены к описанию результатов регуляции, «опорой» которых являются психологические качества субъекта, а вектором процесса регуляции — деятельность или поведение [1–3].

В то же время в ряде концепций зарубежных учёных наблюдается тенденция исследований, где саморегуляция представлена как протяжённый во времени процесс, в рамках которого разворачиваются определённые когнитивные стратегии, связанные с постановкой целей, прогнозированием, оценкой и реализацией действий [4, 5]. Изучению связи личностных особенностей и регуляторных процессов посвящены работы [6–8], в последние

годы отмечается рост числа исследований, связанных с регуляцией эмоциональных состояний [9–11].

В разрабатываемой нами концепции ментальной регуляции психических состояний структурно-функциональная организация регуляторного процесса представляет собой систему взаимоотношений между психическими состояниями, характеристиками сознания (система Я, репрезентации, рефлексия, переживания, смысловые структуры, составляющие субъективный опыт) и внешними факторами (ситуации, пространство культуры, образ жизни, социальная среда). Интеграция составляющих сознания, направленная на достижение цели — регуляцию психического состояния, происходит в структуре субъективного ментального опыта [12]. Взаимодействие структур сознания осуществляется в ходе регуляторных действий. Саморегуляция совершается при активном участии психических процессов и с опорой на психологические свойства личности (темперамент, характер, способности и пр.). Ключевую роль в ментальной регуляции состояний выполняет система Я, которая организует включённость структур сознания в регуляторный процесс, влияет на выбор операциональных средств (способы, приёмы) регуляции и регуляторных действий.

Необходимо отметить, что изучение системы Я вызывает неизменный интерес ми-

рового психологического сообщества. При многообразии представлений исследователей о содержании и объёме конструкта системы Я человека [13, 14] подавляющее большинство из них признают центральное место системы Я в психической жизни человека, определяют её ядром личности, обеспечивающим внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию [15]. Подчёркивается необходимость интегративного подхода к изучению системы Я в силу её многомерности и иерархичности [16, 17]. Наиболее распространённым является представление о структуре системы Я, включающей три основных компонента: когнитивный (совокупность представлений индивида о себе, самооценка), аффективный (эмоционально-ценностное отношение к себе) и поведенческий (регулятивный) [18, 19]. Как ключевой механизм саморегуляции система Я контролирует и регламентирует поведение и деятельность, восприятия себя и мира, собственный опыт и внешние воздействия [20–22]. В то же время именно регулятивные компоненты самосознания изучены крайне недостаточно [23]. Практически не изучен их вклад в изменения состояний субъекта, их роль и значение в регуляторном процессе.

С учётом изложенных концептуальных представлений целью проекта являлось изучение роли системы Я в ментальной регуляции психических состояний. Решались следующие частные задачи: изучить психологические механизмы влияния составляющих системы Я (самооценка и самоотношение) на регуляцию психических состояний студентов в различных ситуациях учебной деятельности (повседневной, обыденной и напряжённой, стрессовой); выявить закономерности взаимодействия системы Я с характеристиками сознания (рефлексивными и смысловыми структурами, переживаниями) в ходе регуляторного процесса; установить опосредующее влияние внутренних факторов (психологических свойств личности) и внешних факторов (напряжённости ситуации) на участие системы Я в регуляции.

Организация и методика исследования

Исследование проводилось в Казанском (Приволжском) федеральном университете. В ходе различных этапов проекта в исследовании приняли участие 132 студента-гуманитария 1–3 курсов, возраст 19–23 года.

Использовались 24 методики, позволившие провести диагностику индивидуально-психологических особенностей учащихся, характеризующих специфику структур сознания (система Я, рефлексивные процессы, смысловые структуры, переживания), параметры регуляторной деятельности (копинг-стратегии, способы саморегуляции, способность к самоконтролю и самоуправлению), свойства личности (темперамент, характер), отношение к внешним факторам жизнедеятельности, а также специально разработанные авторские анкеты. Диагностика актуального психического состояния и эффективности саморегуляции студентов проводилась в реальных условиях учебного процесса: в повседневных формах обучения (лекция, семинар) и в напряжённой ситуации экзамена.

Для анализа полученных данных были использованы следующие методы статистической обработки: корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена, структурный анализ корреляционной матрицы, сравнение распределения независимых выборок с использованием критерия Манна-Уитни и критерия Краскела-Уоллеса, факторный анализ с использованием вращения «Варимакс». Обработка данных выполнена при помощи статистического пакета SPSS Statistics 22.0.

Результаты исследования

В результате исследования установлено, что в ходе учебной деятельности у студентов с разным уровнем отношения к себе и самооценки доминируют различные по интенсивности и модальности состояния (рис. 1).

Так, в ходе повседневных форм обучения (лекция, семинар) студенты с высоким уровнем отношения к себе чаще испыты-

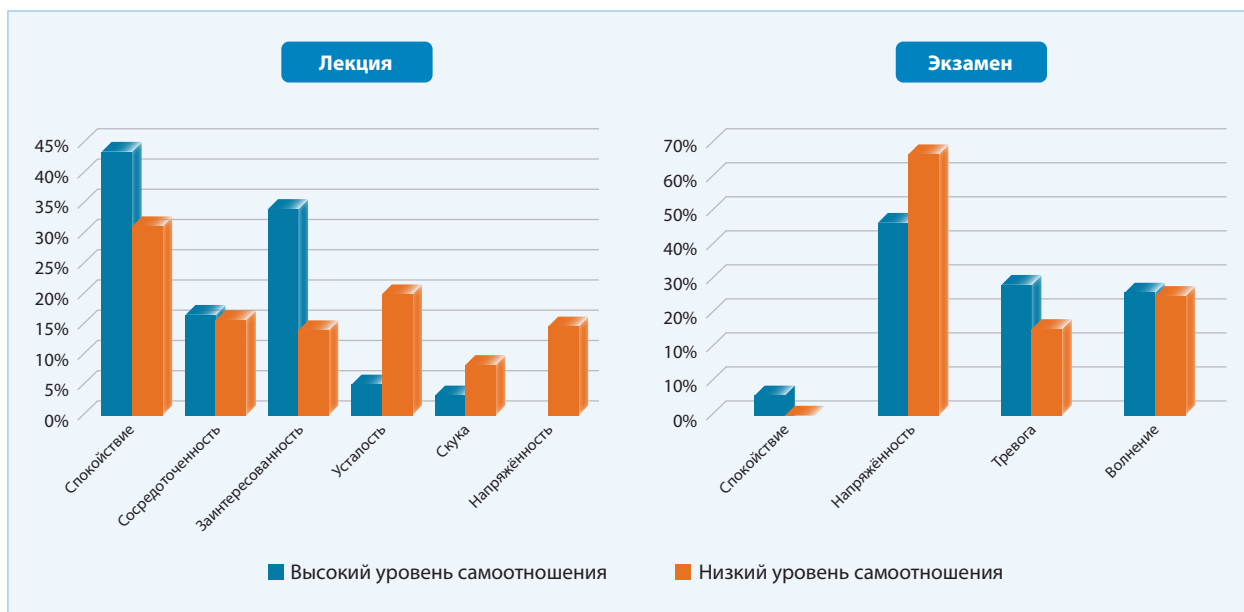

Рис. 1. Психические состояния в процессе учебной деятельности у студентов с высоким и низким уровнем отношения к себе

вают состояния спокойствия, сосредоточенности, заинтересованности, радости. Для студентов с негативными стратегиями по отношению к себе в повседневных ситуациях обучения более характерны состояния усталости, скуки. В напряжённой ситуации экзамена доминирующими состояниями независимо от уровня отношения к себе выступают тревога, волнение и напряжённость. Во всех формах учебной деятельности с ростом уровня самооценки и отношения к себе увеличивается интенсивность проявления подструктур психических состояний (когнитивные и соматические процессы, переживания, поведение).

Кроме того, установлено, что особенности переживания психических состояний и эффективность регуляторных процессов связаны также с оценкой собственных сторон личности (образ Я). Студенты, характеризующиеся низкой эффективностью саморегуляции состояний на занятиях, по мере снижения у них образа их физического Я проявляют наиболее интенсивные негативные состояния. Аналогичные закономерности характерны и для нравственного Я. Развитое Я-поведенческое определяет частоту переживания состояния ответственно-

сти в течение семестра. Высокий уровень Я-волевого обуславливает снижение частоты переживания мечтательности и повышение частоты переживания настойчивости на экзаменах. В свою очередь, высокий уровень Я-социального обуславливает более частое переживание заботы об одноклассниках во время семестра и сосредоточенности во время экзаменационной сессии. Представления студентов о наличии у себя развитого интеллекта (Я-интеллектуальное) влияет на усилия по преодолению себя на семинаре, а также на более интенсивные переживания переутомления в ходе сдачи экзамена. Высокий уровень образа Я-эмоционального связан с готовностью к общению и состоянием преодоления себя во время экзаменов. Выявлено, что Я-творческое связано с переживанием в процессе учёбы состояния озарения. Высокий уровень развития нравственного Я у студентов актуализирует воспоминания о частом переживании грусти и подавленности в процессе учёбы.

В исследовании установлено, что позитивное отношение к себе и высокая самооценка способствуют повышению общей эффективности саморегуляции состояний студентов. На рис. 2 показано, что тенден-

ция к снижению эффективности саморегуляции с ростом напряжённости учебной ситуации наблюдается у студентов как с высоким, так и с низким уровнем самоотношения. Однако в каждой из форм учебной деятельности эффективность саморегуляции статистически значимо выше у студентов с высоким уровнем отношения к себе. Отметим также, что показатели таких частных стратегий негативного отношения к себе, как внутренняя конфликтность и самообвинение, отрицательно влияют на эффективность саморегуляции состояний.

В ходе исследования изучались связи составляющих системы Я с индивидуальным регуляторным профилем субъекта, который включает показатели выраженности различных этапов регуляторного процесса, а также преобладающие операциональные средства (способы, методы) саморегуляции. Установлено, что позитивное отношение к себе и высокий уровень самооценки положительно коррелируют с развитой способностью саморегуляции на всех её этапах (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов) и самоуправления (анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание и др.). А выраженность внутренней конфликтности и самообвинения отрицательно сказываются на когнитивных процессах в ходе саморегуляции, а также общем уровне способности к саморегуляции и самоуправлению.

Показатель регуляторного профиля «гибкость», определяющий способность личности к активному выбору и переосмотру актуальных методов саморегуляции, прямо коррелирует с позитивными стратегиями по отношению к себе: самоуверенностью, саморуководством, отражённым самоотношением, самооценностью, самопривязанностью, а также с уровнем самооценки. Отрицательно сказываются на гибкости саморегуляции внутренняя

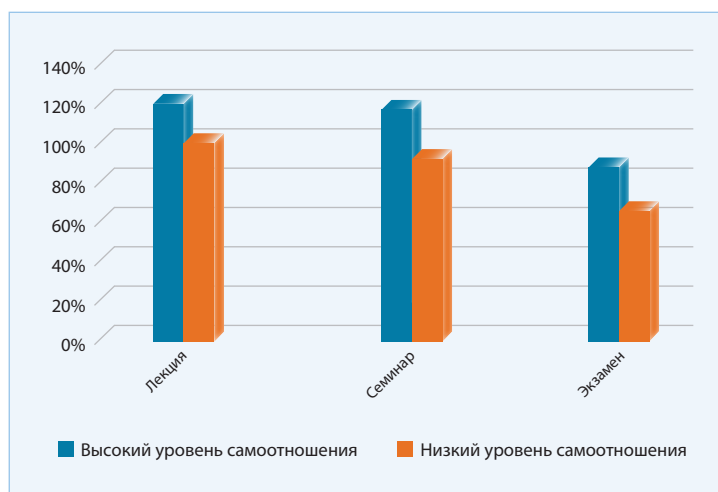

Рис. 2. Эффективность саморегуляции в группах с высоким и низким уровнем самоотношения в различных формах учебной деятельности

конфликтность и самообвинение. Кроме того, эти негативные стратегии по отношению к себе вносят большой вклад в формирование у студентов таких стратегий совладающего поведения, как конфронтация, дистанцирование, принятие ответственности, бегство-избегание. В развитие социального самоконтроля наибольший вклад вносят показатели уровня самооценки и открытости. Для студентов с высокой самооценкой и уровнем отношения к себе характерно использование конструктивных совладающих стратегий: планирование решения проблем и положительная переоценка, а также такие методы саморегуляции, как размышление, самовнушение/самоприказы.

Другим аспектом исследования являлось изучение взаимосвязи системы Я с характеристиками сознания: рефлексивными и смысловыми структурами, а также переживанием в процессе регуляции состояний. Установлено, что для студентов с высоким уровнем самооценки и отношения к себе характерны конструктивные формы рефлексии, позволяющие получать положительный эффект от размышлений о прошлом опыте и своей личности (рис. 3), тогда как низкий уровень отношения к себе связан с выраженностью деструктивной онтогенетической рефлексии. Преоблада-

Рис. 3. Взаимосвязь составляющих системы Я и рефлексии студентов

ние негативных стратегий по отношению к себе связано также с усилением ретроспективной (направленной на прошлые события) и перспективной (направленной на будущее) рефлексии.

Уровень самооценки и позитивное отношение к себе положительно коррелируют с высоким уровнем осмысленности, а также параметрами смысловых структур в части, касающейся регуляции и организации смыслового пространства, особенностей стратегий и механизмов смыслообразования личности. Высокий уровень самооценки и самоотношения соответствует большей выраженности всех вариантов направленности смысловых ориентаций (рис. 4): на будущее (наличие целей, придающих осмысленность жизни), на настоящее (восприятие жизни насыщенной и наполненной смыслом) и на прошлое (удовлетворённость прожитой частью жизни).

Шкала локус контроля-Я также имеет значимые прямые корреляции с показателями позитивного самоотношения и уровнем самооценки. Неуверенность и размытость собственного образа Я связаны с низким уровнем осмысленности и снижением субъектной позиции личности в отношении себя и своей жизнедеятельности. Кроме того, студенты с высоким уровнем отношения к себе и самооценкой дают более высокую субъективную оценку интенсивности собственных переживаний.

Дальнейший анализ показал, что существует специфика взаимодействия составляющих системы Я и структур сознания на эффективность саморегуляции психических состояний в различных по напряжённости формах учебной деятельности. Так, в повседневных формах обучения (семинар и лекция) обнаружено воздействие совокупности показателей смысложизненных ориентаций, самооценности личности и онтогенетической рефлексии на эффективность саморегуляции психических состояний.

У студентов с высокой степенью ощущения собственной ценности наибольшая эффективность саморегуляции достигается в случае сочетания высокого уровня смысложизненных ориентаций и ретроспективной рефлексии. Однако в сочетании с низкой осмысленностью жизни высокая рефлексия прошлого опыта приводит к значительному снижению успешности саморегуляции состояний. По-видимому, отсутствие жизненных ориентиров при глубокой рефлексии у студентов приводит лишь к «зацикливанию» на прошлом опыте и не даёт возможности эффективно управлять собственными состояниями.

В напряжённой ситуации экзамена на первый план выходит взаимодействие показателей внутренней конфликтности,

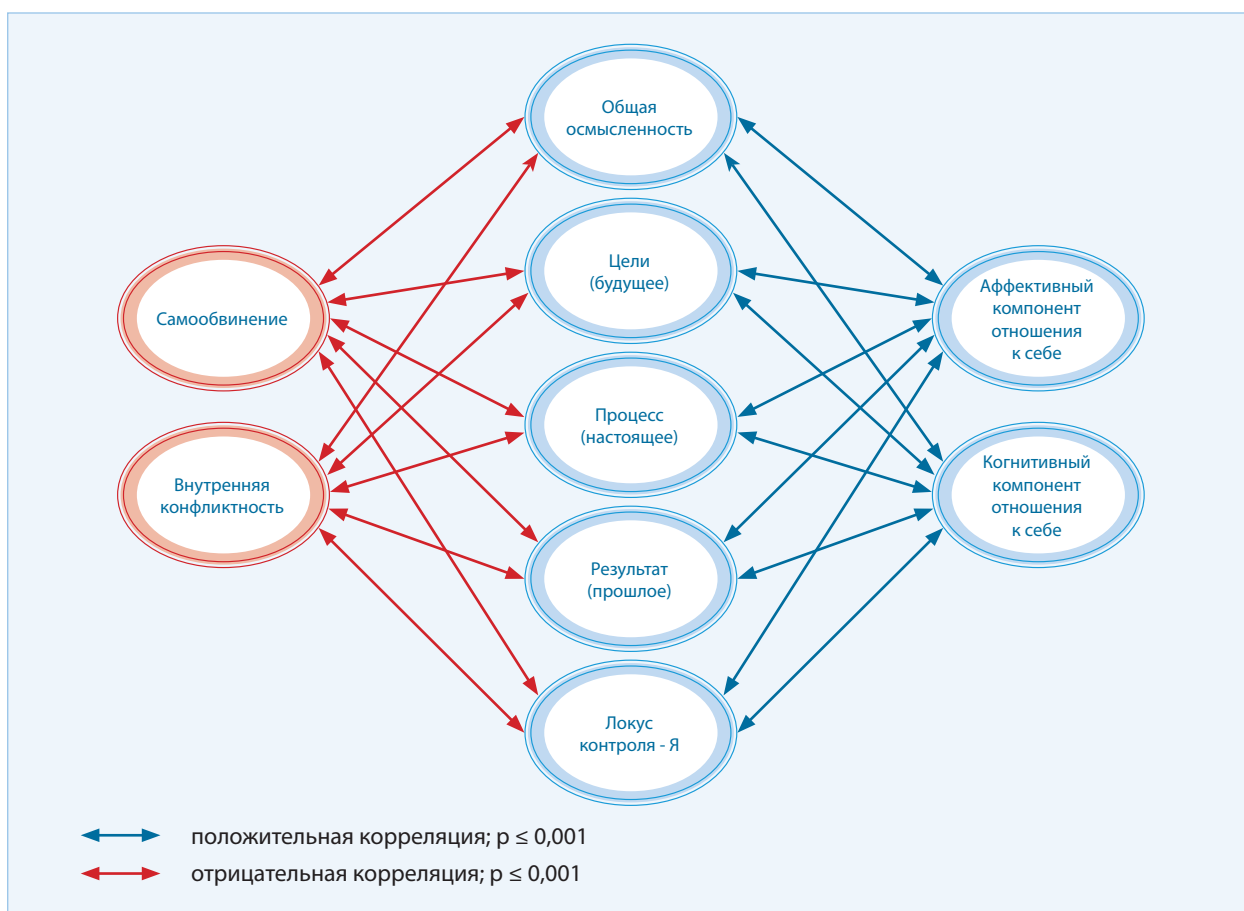

Рис. 4. Взаимосвязь составляющих системы Я и смысложизненных ориентаций

рефлексии состояний и смысложизненных ориентаций личности. В целом у студентов с высоким уровнем внутренней конфликтности показатели эффективности саморегуляции ниже, однако по мере роста уровня рефлексии состояния и осмысленности жизни её эффективность возрастает. При низкой внутренней конфликтности сочетание высокого уровня рефлексии состояний и смысложизненных ориентаций также способствует наиболее эффективной регуляции состояний. Однако низкие показатели осмысленности вкупе с отсутствием рефлексии ведут к увеличению эффективности саморегуляции. Вероятно, это связано с тем, что такие студенты не в полной мере осознают себя, свои цели в жизни и не склонны дифференцировать эффективность процесса саморегуляции состояний.

Установлена взаимосвязь между компонентами системы Я и личностными характеристиками. Наибольшее число взаимо-

связей с компонентами системы Я имеют факторы, определяющие эмоциональные и коммуникативные характеристики. Для респондентов с высоким уровнем отношения к себе характерна развитость таких черт личности, как общительность, эмоциональная стабильность, экспрессивность и высокий самоконтроль, практичность, спокойствие и конформизм.

Анализ взаимосвязей между компонентами системы Я и показателями уровня самоактуализации личности позволяет заключить, что больший уровень самоактуализации характерен для респондентов с высоким уровнем самооценки и отношения к себе. Уровень отношения к себе положительно коррелирует с одним из базовых показателей уровня самоактуализации личности: «шкалой поддержки», характеризующей степень независимости ценностей и поведения личности от воздействия извне (опора на себя). Значимая

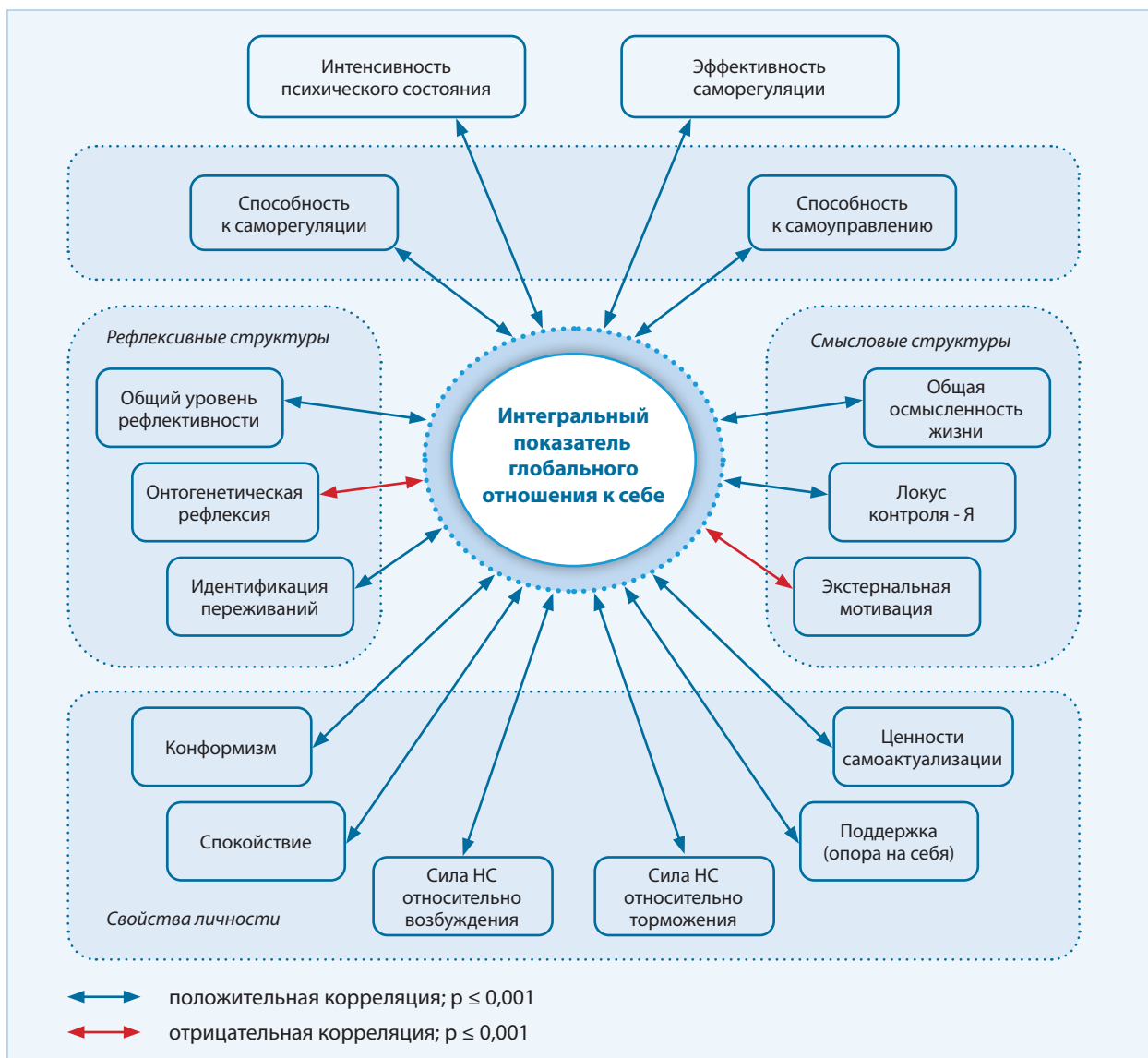

Рис. 5. Взаимосвязь интегрального показателя глобального отношения к себе и характеристик структур сознания, регуляторного профиля, свойств личности и эффективности саморегуляции

отрицательная связь выявлена между вторым базовым показателем уровня самоактуализации — «ориентация во времени», определяющим способность человека жить настоящим, и внутренней конфликтностью, самообвинением.

Для иллюстрации на рис. 5 представлены наиболее значимые корреляционные связи интегрального показателя глобального отношения к себе в структуре взаимоотношений с характеристиками структур сознания, регуляторного профиля, свойствами личности и эффективностью саморегуляции психических со-

стояний студентов в ходе учебной деятельности.

В результате проведённого факторного анализа установлено, что в повседневной учебной ситуации показатели актуального психического состояния и эффективности саморегуляции в большей мере связаны с компонентами системы Я и наряду с ними составляют «фон» ситуации жизнедеятельности, входя в состав первого наиболее значимого фактора в системе взаимосвязей структур сознания, свойств личности и параметров саморегуляции. Кроме того, необходимо отметить, что компоненты сис-

темы Я присутствуют практически во всех факторных характеристиках структуры, что также свидетельствует о ведущей роли системы Я в структуре компонентов, участвующих в регуляторном процессе.

В напряжённой ситуации экзамена более значимыми становятся показатели, характеризующие уровень самоактуализации личности. Их интеграция с компонентами системы Я и типологическими свойствами нервной системы является основным фактором регуляторного процесса в напряжённой ситуации жизнедеятельности.

Заключение

В исследовании показано, что интегрирующим звеном в ментальной регуляции состояний является система Я, выполняющая узловую функцию в организации включения ментальных структур и выбора операциональных средств в саморегуляцию состояний.

Установлено влияние показателей системы Я на качество и интенсивность психических состояний студентов в ходе учебной деятельности. В ходе повседневных форм обучения студенты с высоким уровнем самоотношения чаще испытывают состояния спокойствия, сосредоточенности, заинтересованности, тогда как для студентов с низким самоотношением более характерны состояния усталости и скуки. В напряжённой ситуации экзамена доминирующими состояниями являются напряжённость, тревога и волнение.

Обнаружены взаимосвязи составляющих системы Я с индивидуальным регуляторным профилем субъекта, который включает показатели выраженности различных этапов регуляторного процесса, а также преобладающие операциональные средства саморегуляции. Показано, что позитивное самоотношение и высокий показатель самооценки связаны с развитой способностью к саморегуляции на всех её этапах (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов) и конструктивными копинг-стратегиями личности.

Обнаружена опосредующая роль черт личности на процесс регуляции: для респондентов с высоким уровнем самоотношения характерна выраженность таких черт, как общительность, эмоциональная стабильность, экспрессивность и высокий самоконтроль, практичность, спокойствие.

Выявлены различия в организованности структур сознания, свойств личности и операциональных средств регуляции, характерных для повседневных и напряжённых ситуаций деятельности. В повседневной учебной деятельности показатели актуального психического состояния и эффективности саморегуляции в большей мере связаны с компонентами системы Я и наряду с ними составляют «фон» ситуации жизнедеятельности. В свою очередь в напряжённой ситуации экзамена более значимыми становятся показатели, характеризующие уровень самоактуализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
2. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъективного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
3. Леонова А.Б. Системная методология анализа механизмов регуляции функциональных состояний работающего человека // Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени / Под ред. Ю.П. Зинченко, В.И. Моросановой. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 37–65.
4. Gross J.J. The extended process model of emotion regulation: Elaborations, applications, and future directions // Psychological Inquiry. An International Journal for the Advancement of Psychological Theory. 2015. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 130–137. DOI:10.1080/1047840X.2015.989751.

5. Nguyen T., Carnevale J.J., Scholer A.A., Miele D.B., Fujita K. Metamotivational knowledge of the role of high-level and low-level construal in goal-relevant task performance // Journal of Personality and Social Psychology. 2019. Vol. 117. Iss. 5. Pp. 876–899. DOI:10.1037/pspa0000166.
6. Baumeister R.F., Vohs K.D., Tice D.M. The strength model of self-control // Current Directions in Psychological Science. 2007. Vol. 16. Iss. 6. Pp. 351–355. DOI:10.1111/j.1467-8721.2007.00534.x.
7. Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. Becoming who you are: An integrative review of self-determination theory and personality systems interactions theory // Journal of Personality. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology. 2019. Vol. 87. Iss. 1. Pp. 15–36. DOI:10.1111/jopy.12380.
8. Segerstrom S.C., Smith G.T. Personality and coping: individual differences in responses to emotion // Annual Review of Psychology. 2019. Vol. 70. Pp. 651–671. DOI:10.1146/annurev-psych-010418-102917.
9. Baumeister R.F. Self-regulation, ego depletion, and inhibition // Neuropsychologia. 2014. № 65. Pp. 313–319. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2014.08.012.
10. Burman J.T., Green C.D., Shanker S. On the Meanings of Self-Regulation: Digital Humanities in Service of Conceptual Clarity. Child Development. 2015. № 86 (5). Pp. 1507–1521. DOI:10.1111/cdev.12395.
11. Schmeichel B.J., Baumeister R.F. Self-regulatory strength // R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds.). Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications. New York: Guilford, 2004. Pp. 84–98.
12. Прохоров А.О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 5–18. DOI:10.31857/S020595920007852-3.
13. Зайцева Л.А. Основные аспекты теоретико-психологического исследования Я в контексте изучения развития Я-концепции личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 3. <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN320.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).
14. Bernstein M.J., Haines E. The self as a central tenet of our psychology: New perspectives on the self // Self and Identity. 2018. Vol. 17. Iss. 4. Pp. 367–370. DOI:10.1080/15298868.2018.1440627.
15. Голубь О.В. Я-концепция как экзистенциальное ядро личности, обеспечивающее её внутреннюю самоорганизацию и саморегуляцию // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2012. № 1 (3). С. 94–100.
16. Дорфман Л.Я. Диверсификация и интеграция поля «Я» в контексте концепции метаиндивидуального мира // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 38–46. DOI:10.31857/S020595920002247-7.
17. Wehrle K., Fasbender U. Self-Concept // Encyclopedia of Personality and Individual Differences. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford (Eds). Springer. Cham, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-28099-8_2001-1.
18. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
19. Кон И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. М.: Политиздат, 1984.
20. Агапов В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. 2013. № 1 (45). С. 27–30.
21. Прохоров А.О., Карташева М.И. Система Я в субъективном (ментальном) опыте переживания неравновесных психических состояний // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 89–104.
22. Tesser A., Crepaz N., Beach S.R.H., Cornell D., Collins J.C. Confluence of self-esteem regulation mechanisms: On integrating the self-zoo // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26. Pp. 1476–1489.
23. Петрова С.М. К проблеме структурных компонентов самосознания личности: методический аспект // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 182–190.

Self-System in the Mental Regulation of Mental States

Aleksandr Oktyabrinovich Prokhorov – Dr. habil. (Psychology), Professor at the Department of General Psychology, Kazan Federal University (KFU), head of the project ‘Self System in the Mental Regulation of Mental States’ (20-013-00076).

E-mail: alprokhor1011@gmail.com

Albert Valentinovich Chernov – Candidate of Science (Psychology), associate professor at the Department of General Psychology KFU, executor of the same project.

E-mail: albertprofit@mail.ru

Madina Ilgizovna Kartasheva – assistant professor at the Department of General Psychology, executor of the same project.

E-mail: madin-ka@mail.ru

The study's theoretical basis was the concepts of the central role of the self-regulatory system in mental regulation of mental states. The mental regulatory system is a structure of relations between characteristics of consciousness: representation, reflection, experiences, semantic structures, mental (subjective) experience, whereas the self-system serves as an integrator in stipulating the regulation of one's states by the structures of consciousness. The researchers used 24 techniques of diagnostics of mental structures and personality characteristics, as well as an originally developed questionnaires. In their study of mental states and their self-regulation efficiency the authors used as an example students' various educational activity: classes, workshops, and exams.

The research revealed that a high level of self-esteem and self-assessment are connected with constructive coping strategies, which contributes to the overall efficiency of the students' self-regulation of their states. The study revealed the specifics of how the components of the self-system interrelate with reflexive, meaningful structures affecting regulatory processes: students with high self-esteem achieve the maximum self-regulation efficiency if they combine a high level of meaningful-life orientations and retrospective reflection. The authors gained data that a person's psychological qualities and the self-system are connected: the respondents with a high level of self-concept typically have such personality traits as sociability, emotional stability, expressiveness and effective self-control. The authors found that the correlation between the structures of consciousness, indicators of regulatory processes, and personality traits are different in different situations depending on the stress: in the everyday classroom situation, the indicators of the current mental state and self-regulation efficiency are mostly connected with the self-system components, while at exams the role of the personal self-actualization strengthens.

Keywords: mental state, self-system, mental regulation, self-regulation methods, self-perception

REFERENCES

1. Dikaya L.G. Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2003 (in Russian).
2. Konopkin O.A. Obshchaya sposobnost' k samoregulyatsii kak faktor sub"ektivnogo razvitiya // Voprosy psikhologii. 2004. № 2. S. 128–135 (in Russian).
3. Leonova A.B. Sistemnaya metodologiya analiza mekhanizmov regulyatsii funktsional'nykh sostoyanii rabotayushchego cheloveka // Psikhologiya samoregulyatsii: evolyutsiya podkhodov i vyzovy vremeni / Pod red. Yu.P. Zinchenko, V.I. Morosanovoi. SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. S. 37–65 (in Russian).

4. Gross J.J. The extended process model of emotion regulation: Elaborations, applications, and future directions // *Psychological Inquiry. An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. 2015. Vol. 26. Iss. 1. Pp. 130–137. DOI:10.1080/1047840X.2015.989751.
5. Nguyen T., Carnevale J.J., Scholer A.A., Miele D.B., Fujita K. Metamotivational knowledge of the role of high-level and low-level construal in goal-relevant task performance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2019. Vol. 117. Iss. 5. Pp. 876–899. DOI:10.1037/pspa0000166.
6. Baumeister R.F., Vohs K.D., Tice D.M. The strength model of self-control // *Current Directions in Psychological Science*. 2007. Vol. 16. Iss. 6. Pp. 351–355. DOI:10.1111/j.1467-8721.2007.00534.x.
7. Koole S.L., Schlinkert C., Maldei T., Baumann N. Becoming who you are: An integrative review of self-determination theory and personality systems interactions theory // *Journal of Personality. Special Issue: Self-determination theory as a unifying theory within personality psychology*. 2019. Vol. 87. Iss. 1. Pp. 15–36. DOI:10.1111/jopy.12380.
8. Segerstrom S.C., Smith G.T. Personality and coping: individual differences in responses to emotion // *Annual Review of Psychology*. 2019. Vol. 70. Pp. 651–671. DOI:10.1146/annurev-psych-010418-102917.
9. Baumeister R.F. Self-regulation, ego depletion, and inhibition // *Neuropsychologia*. 2014. № 65. Pp. 313–319. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2014.08.012.
10. Burman J.T., Green C.D., Shanker S. On the Meanings of Self-Regulation: Digital Humanities in Service of Conceptual Clarity. *Child Development*. 2015. № 86 (5). Pp. 1507–1521. DOI:10.1111/cdev.12395.
11. Schmeichel B.J., Baumeister R.F. Self-regulatory strength // R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds.). *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications*. New York: Guilford, 2004. Pp. 84–98.
12. Prokhorov A.O. Strukturno-funktsional'naya model' mental'noi regulyatsii psikhicheskikh sostoyanii sub"ekta // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. T. 41. № 1. S. 5–18. DOI:10.31857/S020595920007852-3 (in Russian).
13. Zaitseva L.A. Osnovnye aspekty teoretiko-psikhologicheskogo issledovaniya YA v kontekste izucheniya razvitiya YA-kontseptsii lichnosti // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2020. № 3. <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN320.pdf> (data obrashcheniya: 12.10.2021) (in Russian).
14. Bernstein M.J., Haines E. The self as a central tenet of our psychology: New perspectives on the self // *Self and Identity*. 2018. Vol. 17. Iss. 4. Pp. 367–370. DOI:10.1080/15298868.2018.1440627.
15. Golub' O.V. YA-kontseptsiya kak ekzistentsial'noe yadro lichnosti, obespechivayushchee ee vnutrennyuyu samoorganizatsiyu i samoregulyatsiyu // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki*. 2012. № 1 (3). S. 94–100 (in Russian).
16. Dorfman L.Ya. Diversifikatsiya i integratsiya polya «YA» v kontekste kontseptsii metaindividual'nogo mira // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. T. 40. № 1. S. 38–46. DOI:10.31857/S020595920002247-7 (in Russian).
17. Wehrle K., Fasbender U. Self-Concept // *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. V. Zeigler-Hill, T. Shackelford (Eds). Springer. Cham, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-28099-8_2001-1.
18. Berns R. *Razvitie YA-kontseptsii i vospitanie*. M.: Progress, 1986 (in Russian).
19. Kon I.S. *V poiskakh sebya. Lichnost' i eyo samosoznanie*. M.: Politizdat, 1984 (in Russian).
20. Agapov V.S. Sistemnoe izuchenie YA-kontseptsii sub"ekta v rossiiskoi psikhologii // *Akmeologiya*. 2013. № 1 (45). S. 27–30 (in Russian).
21. Prokhorov A.O., Kartasheva M.I. Sistema YA v sub"ektivnom (mental'nom) opyte perezhivaniya neravnovesnykh psikhicheskikh sostoyanii // *Eksperimental'naya psikhologiya*. 2020. T. 13. № 3. S. 89–104 (in Russian).
22. Tesser A., Crepez N., Beach S.R.H., Cornell D., Collins J.C. Confluence of self-esteem regulation mechanisms: On integrating the self-zoo // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26. Pp. 1476–1489.
23. Petrova S.M. K probleme strukturnykh komponentov samosoznaniya lichnosti: metodicheskii aspekt // *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2007. № 1. S. 182–190 (in Russian).

Индекс УДК 159.9+616.89-02-056.7 + 575.162

Код ГРНТИ 15.81.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-131-143

**М.В. АЛФИМОВА,
В.В. ПЛАКУНОВА,
Н.В. КОНДРАТЬЕВ,
И.С. ЛЕБЕДЕВА,
В.Е. ГОЛИМБЕТ***

Психологические и молекулярно-генетические корреляты шизотипии в общей популяции

Долгое время шизотипия рассматривалась как проявление генетической предрасположенности к шизофрении. Однако накопившиеся данные свидетельствуют о сложной, гетерогенной генетической этиологии шизотипических черт. Её изучение должно ответить на вопрос о целесообразности дальнейшего применения психометрической шизотипии для исследования и превенции шизофрении и помочь в организации помощи лицам с высокой выраженностью шизотипических черт, поскольку последняя нередко сочетается с различными признаками дезадаптации. С целью изучения этиологии шизотипии в данной работе мы оценили взаимоотношения между когнитивно-перцептивным, паранойяльным, межперсональным и дезорганизационным факторами шизотипии и личностными ($n = 1115$), мотивационными ($n = 645$), когнитивными процессами ($n = 557$) и полигенными показателями риска шизофрении и связанных с шизотипией психологических особенностей ($n = 417$). Использован регрессионный и сетевой анализы. Исследование показало, что выраженность шизотипических

* **Алфимова Маргарита Валентиновна** — доктор психологических наук, главный научный сотрудник лаборатории клинической генетики Научного центра психического здоровья, руководитель проекта «Генезис шизотипических черт в общей популяции» (20-013-00230).

E-mail: m.alfimova@gmail.com

Плакунова Виктория Валерьевна — младший научный сотрудник лаборатории клинической генетики Научного центра психического здоровья, исполнитель того же проекта.

E-mail: Jackfrost14.12@gmail.com

Кондратьев Николай Витальевич — научный сотрудник лаборатории клинической генетики Научного центра психического здоровья, исполнитель того же проекта.

E-mail: nikolay.quadrat@gmail.com

Лебедева Ирина Сергеевна — доктор биологических наук, заведующая лабораторией нейровизуализации и мультимодального анализа Научного центра психического здоровья.

E-mail: lebedeva-i@yandex.ru

Голимбет Вера Евгеньевна — доктор биологических наук, заведующая лабораторией клинической генетики Научного центра психического здоровья.

E-mail: golimbet@mail.ru

черт не коррелирует с генетическим грузом шизофрении, но в определённой степени связана с полигенной предрасположенностью к нейротизму. Последняя, по-видимому, может влиять на показатели шизотипии как непосредственно, так и через установку на ответ при заполнении опросников. При этом собственно черты тревожного ряда не выступают в качестве медиаторов связи между полигенными показателями нейротизма и шизотипическими чертами. Вместе с литературными данными полученные нами результаты указывают как на необходимость совершенствования инструментов измерения шизотипии – введения в них шкал валидности ответов, так и на генетически обусловленную склонность к высокому нейротизму как на один из источников шизотипии в общей популяции, что требует дальнейшего глубокого изучения.

Ключевые слова: шизотипия, личность, шизофрения, мотивация, когниции, нейротизм, социальная желательность, полигенные показатели риска

Согласно континуальной гипотезе происхождения шизофрении, генетическая предрасположенность к заболеванию может проявляться не только в виде психоза, но и в виде расстройств личности или даже как вариант «нормальной» личности [1]. Последний называется шизотипией и представляет собой индивидуальные особенности, которые напоминают позитивные (бред, галлюцинации), негативные (уплощённый аффект, ангедония, асоциальность) и дезорганизационные (причудливое мышление и поведение) симптомы шизофрении и могут быть измерены психометрически с помощью опросников. Долгое время ожидалось, что психометрически определяемая шизотипия принесёт плоды в выявлении лиц, подверженных риску психоза, и в предотвращении шизофрении. Однако годы исследований вызывают сомнения в отношении этих ожиданий, поскольку самооценка шизотипических черт часто не соответствует объективно измеренным особенностям респондентов [2].

В последние годы, благодаря развитию полногеномных исследований (GWAS), появилась возможность изучать связь между молекулярно-генетическими и психологическими особенностями человека непосредственно. Эти исследования показали, что риск шизофрении объясняется влиянием тысяч общих однонуклеотидных замен

(SNP) с небольшими индивидуальными эффектами [3]. В силу этого для оценки генетического груза шизофрении (как и других полигенных признаков) у конкретного человека применяются полигенные показатели (ПГП) риска, которые объединяют эти SNP с учётом силы связи между каждым SNP и заболеванием. Проведённые пока немногочисленные исследования не выявили корреляций ПГП риска шизофрении с выраженностью шизотипических черт у лиц из общей популяции [4–6]. Показано также, что шизотипия коррелирует с «нормальными» чертами личности и, таким образом, может быть следствием их определённых сочетаний [7, 8].

Сказанное согласуется с предположением о сложной, гетерогенной генетической этиологии шизотипии [9]. Исследование генезиса шизотипических черт в общей популяции представляет интерес с точки зрения целесообразности дальнейшего применения психометрической шизотипии для понимания механизмов развития шизофрении. Кроме того, лица с высокой выраженностью шизотипических черт часто характеризуются субъективным неблагополучием и различными признаками дезадаптации [10], что делает их самостоятельным объектом изучения и помощи, независимо от риска шизофрении.

Целями настоящего исследования были поиск личностных, мотивационных

и когнитивных процессов, которые могут играть роль в формировании шизотипических черт у лиц из общей популяции, и оценка связи шизотипии с ППП риска шизофрении и других фенотипов, которые могут влиять на вариативность шизотипических черт.

Материал и методы

Выборка

В исследовании участвовали психически здоровые испытуемые ($n = 1468$; средний возраст $26,43 \pm 9,89$ лет; 50% женщин), заполнившие Опросник шизотипической личности А. Рейна (SPQ-74, адаптация А.Г. Ефремова и С.Н. Ениколопова). Критериями включения были: 1) возраст не младше 16 лет; 2) образование не менее 9 классов; 3) отсутствие заболеваний, нарушающих когнитивную деятельность; 4) отсутствие родственников 1-й и 2-й степени родства, страдающих расстройствами шизофренического или аффективно-го спектра. Испытуемыми были студенты различных вузов и сотрудники научных и медицинских учреждений Москвы, знакомые исполнителей исследования. Из этой общей группы для анализа были сформированы подгруппы для изучения личностных, аффективных, когнитивных и молекулярно-генетических параметров, связанных с шизотипией. Численность и характеристики подгрупп даны при описании оценки соответствующих параметров. Исследование одобрено Этическим комитетом НЦПЗ (№ 662/21.07.2020). Все испытуемые подписали информированное согласие на участие в нём.

Психологическая оценка

SPQ-74 состоит из девяти шкал, соответствующих клиническим критериям шизотипического расстройства личности. Для каждого испытуемого были вычислены значения четырёх факторов SPQ согласно модели N. Stefanis, которая, по нашим данным [11], лучше всего описывает структуру SPQ в российской популяции. Когнитивно-перцептивный фактор (CогP) включал

шкалы Необычное восприятие и Магическое мышление; паранойяльный (Par) — Идеи отношения, Подозрительность, Избыточная социальная тревожность; межперсональный (IR) — Избыточная социальная тревожность, Подозрительность, Ограниченный аффект, Отсутствие близких друзей; дезорганизационный (Ds) — Странное поведение и Странная речь.

Оценку связи факторов SPQ с нормальными и психопатологическими личностными чертами проводили в подгруппе из 1115 человек (средний возраст $26,04 \pm 9,42$ лет; 51% женщин). Использовали Опросник темперамента и характера Р. Клоингера (TCI-125, адаптация А.Г. Ефремова и С.Н. Ениколопова) и Миннесотский многофакторный личностный опросник (MMPI, адаптация Ф.Б. Березина с соавт.). TCI оценивает четыре черты темперамента: Поиск новизны (NS), Избегание опасности (NA), Зависимость от поощрения (RD, т.е. привязанность, потребность в одобрении) и Настойчивость (P). Он также включает три шкалы характера: Самонаправленность (SD, т.е. саморегуляция), Сотрудничество (Coop) и Трансцендентность Я (ST, т.е. духовность). Шизотипический склад определяется низкими оценками SD и Coop в сочетании с высокой ST [7]. MMPI состоит из трёх оценочных (L — ложь, F — аггравация, K — социальная желательность/закрытость) и 10 основных шкал, отражающих близость к определённым психопатологическим проявлениям, включая шкалу Шизофрении (Sc).

Мотивационную сферу исследовали в подгруппе из 645 человек (средний возраст $23,18 \pm 6,97$ года; 36% женщин). Применяли Шкалу времени переживания удовольствия Д. Гарда (TEPS, адаптация М.В. Алфимовой с соавт.) и Опросник Карвера и Уайта (BIS/BAS, адаптация Г.Г. Князева). TEPS измеряет склонность к переживанию консуматорного (CON, т.е. в момент получения «награды») и антиципирующего (ANT, т.е. при ожидании «награды») удовольствия. BIS/BAS оценивает нейропсихологические системы торможения (BIS)

и активации (BAS) поведения. BIS отражает чувствительность к отрицательным сигналам, т.е. тревогу. BAS включает три шкалы: Реактивность на стимулы награды (RR), Драйв (Drive) и Поиск развлечений (Fun).

Когнитивное обследование прошли 557 человек (средний возраст 28.18 ± 10.30 лет; 62% женщин). Оно включало оценку вербальной беглости, эпизодической вербальной памяти (Тест слухоречевой памяти Рея), концентрации внимания/рабочей памяти (отсчитывания с переключением от 200 по 2 и 5), функций планирования и контроля (Тест следования по маршруту – часть Б и Цветовой тест Струпа), распознавания эмоций (более подробно см. [12]). Интегральный когнитивный индекс (Cogn M) вычисляли путём усреднения стандартизованных показателей по отдельным тестам. Уровень образования кодировали в соответствии с Международной системой классификации образования (МСКО-2011).

Полигенные показатели

ДНК выделяли из периферической крови фенол-хлороформным методом. Полногеномные данные были получены в ходе выполнения настоящего проекта и совместной работы с консорциумами deCode и ENIGMA с использованием различных микрочипов Illumina¹. Анализ сырых полногеномных данных проводили с помощью программы GenomeStudio 2.0; дальнейший стандартный контроль качества – с помощью программы PLINK 1.9. Последний включал: 1) контроль на отклонение от равновесия Харди-Вайнберга; 2) фильтрацию образцов и генотипов по доле потерянных данных; 3) контроль на гетерозиготность; 4) контроль на соответствие данных анкетному полу; 5) контроль на родственные связи; 6) контроль на популяционную структуру с использованием данных проекта 1000 геномов.

На основе результатов контроля качества в анализ были включены 417 человек

европейского этнического происхождения (средний возраст 30.33 ± 11.37 лет; 59% женщин). После импутирования генотипов (применяли панель референтных генотипов Haplotype Reference Consortium для европейской популяции) с помощью программы LDpred2-auto [13] для них рассчитывали ППП риска шизофрении, используя суммарную статистику самого масштабного GWAS заболевания [3]. С помощью PGS каталога (<https://www.pgscatalog.org/about/>; дата обращения: 13.12.2022) проводили поиск GWAS прокси-показателей черт, коррелирующих с шизотипией, и рассчитывали их ППП.

Статистический анализ

Статистическую обработку результатов проводили с помощью программы JASP 0.16.4.0 [14]. Основным методом оценки связей между признаками служила пошаговая множественная регрессия с полом и возрастом в качестве ковариат. В анализе связей между SPQ факторами и психологическими признаками зависимой переменной был фактор, а независимыми переменными – набор личностных или мотивационных признаков, интегральный когнитивный показатель или уровень образования. В анализе связей фенотипов с ППП зависимой переменной служил фенотипический признак, независимыми – полный набор вычисленных ППП; в качестве дополнительных ковариат вводили две первые главные компоненты генетической дисперсии выборки. Данное число главных компонент было выбрано на основе анализа каменистой осыпи. Доверительные интервалы (с поправкой на смещение) для значений коэффициентов регрессии вычисляли с помощью 1000 бутстреп-выборок. Поскольку факторы шизотипии не являются ортогональными, для дальнейшего изучения структуры выявленных с помощью множественной регрессии связей применяли анализ сетей. При построении сети использовали EBICglasso-регуляризацию, с гиперпараметром $\gamma = 0.05$. Вычисляли

¹ Мы благодарим консорциумы deCode и ENIGMA за предоставленную полногеномную информацию.

Таблица 1

**Средние значения психологических признаков и их связь
(значимые коэффициенты регрессии) с факторами шизотипии**

Признаки		SPQ CogP	SPQ Par	SPQ IR	SPQ Ds
Шкала	M ± SD	2.54 ± 2.83	6.20 ± 4.82	7.79 ± 5.95	3.70 ± 3.42
MMPI L	50.64 ± 12.83				
MMPI F	59.02 ± 16.34				
MMPI K	53.07 ± 12.05	-0.18 (0.051) ^a	-0.36 (0.337)	-0.22 (0.116)	-0.32 (0.248)
MMPI Hs	54.62 ± 11.05		0.07		
MMPI D	50.36 ± 12.22				
MMPI Hy	55.69 ± 10.42		-0.16	-0.10	
MMPI Pd	52.71 ± 10.73	0.06	0.08		
MMPI Mf	51.99 ± 13.23				
MMPI Pa	50.56 ± 12.66				
MMPI Pt	55.09 ± 11.67		0.11 (0.104)		0.08
MMPI Sc	55.56 ± 14.74	0.11 (0.025)	0.11	0.15	0.22 (0.111)
MMPI Ma	60.17 ± 10.52	0.08			
MMPI Si	48.50 ± 11.31			0.26 (0.340)	
TCI NS	8.70 ± 3.17	0.07			0.13
TCI HA	8.67 ± 4.79		0.17	0.18	
TCI RD	8.34 ± 2.69			-0.17	
TCI P	2.30 ± 1.19		0.09	0.07	
TCI SD	15.90 ± 4.72			-0.13 (0.029)	-0.07
TCI Coop	18.61 ± 3.92	-0.05	-0.11		
TCI ST	5.19 ± 3.35	0.41 (0.313)	0.19 (0.030)	0.10	0.17 (0.039)
TEPS ANT	41.77 ± 7.16		0.12		
TEPS CON	37.14 ± 5.61				
BAS RR	16.64 ± 2.30				
BAS Fun	11.65 ± 2.37	0.10			0.18
BAS Drive	12.33 ± 2.35				
BIS	18.96 ± 4.00	0.09	0.26	0.31	0.11
Cogn M	-0.09 ± 0.70	-0.51	-1.30	-1.24	
Образование	5.30 ± 1.57	-0.13	-0.36	-0.42	

Примечание. Коэффициенты регрессии даны для стандартизованных психологических признаков. ^a — для трёх личностных признаков с максимальным вкладом в дисперсию фактора в скобках курсивом после коэффициента регрессии показана доля объясняемой дисперсии R^2_{adj} . Факторы SPQ: CogP — когнитивно-перцептивный, Par — паранойальный, IR — межперсональный и Ds — дезорганизационный. Шкалы MMPI: L — ложь, F — аггравация, K — социальная желательность/закрытость, Hs — ипохондрия, D — депрессия, Hy — истерия, Pd — психопатическая девиация, Mf — мужественность/женственность, Pa — паранойя, Pt — психастения, Sc — шизофрения, Ma — гипомания, Si — социальная интроверсия. Шкалы TCI: NS — Поиск новизны, HA — Избегание опасности, RD — Зависимость от поощрения, P — Настойчивость, SD — Самонаправленность, Coop — Сотрудничество, ST — Трансцендентность Я. Шкалы TEPS: ANT — антиципирующее удовольствие, CON — консуматорное удовольствие. Шкалы BIS/BAS: RR — Реактивность на стимулы награды, Drive — Драйв, Fun — Поиск развлечений, BIS — Система торможения поведения. Cogn M — общий индекс когнитивного функционирования.

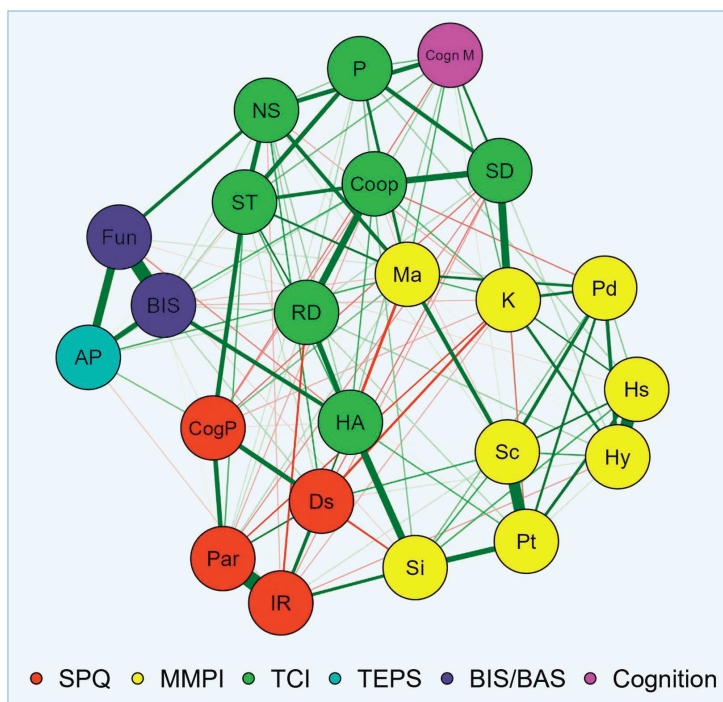

Рис. 1. Сеть психологических признаков. Толщина рёбер отражает силу связи, цвет — направление: зелёный — положительная корреляция, красный — отрицательная. Расшифровка сокращений признаков дана в примечаниях к табл. 1

стандартизованные индексы центральности по посредничеству (доля самых коротких путей, соединяющих каждую пару вершин и проходящих через данную вершину) и силе (учитывает число и величину рёбер, связывающих вершину с другими вершинами в сети). Стабильность параметров сети — рёбер и индексов центральности — оценивали с помощью коэффициентов стабильности, вычисленных с помощью 1000 бутстреп-выборок, сгенерированных методом отбрасывания подмножеств (case-dropping subset bootstrap). Коэффициенты > 0.7 свидетельствовали о высокой стабильности. Анализ сетей позволяет визуализировать корреляции между признаками, вычисленные для каждой пары признаков с учётом их корреляций со всеми другими признаками в сети (сеть частных корреляций), увидеть важные для поведения всей сети признаки, ориентируясь на индексы центральности, а также сформулировать гипотезы о факторах, опосредующих связи между признаками.

Результаты и обсуждение

Значимые психологические предикторы факторов SPQ представлены в таблице 1. Личностные черты в совокупности объясняли около половины вариативности каждого фактора (R^2_{adj} : 0.41; 0.49; 0.55; 0.42), а мотивационные показали малые эффекты (R^2_{adj} : 0.02–0.09). Также CogP, Par и IR слабо отрицательно коррелировали с общим когнитивным индексом и уровнем образования (R^2_{adj} : 0.001–0.03). Все факторы, хотя и в разной степени, были связаны со шкалой К, а также со шкалами, которые традиционно соотносят с шизотипическими чертами, — Трансцендентность Я и Шизофрения. Кроме того, все факторы шизотипии коррелировали с показателем активации системы торможения поведения.

Сеть факторов SPQ и их психологических коррелятов представлена на рис. 1. Согласно результа-

там сетевого анализа, за пределами группы шизотипических факторов важнейшим положительным коррелятом CogP является Трансцендентность Я, отрицательным — Социальная интроверсия; Par наиболее сильно связан с установкой на ответ (К); IR — с показателями отчуждённости (высокая Социальная интроверсия и низкая Зависимость от поощрения) и тревожности (Избегание опасности); Ds положительно коррелирует с чертами импульсивности и неконформизма (К, Шизофрения, Поиск новизны). Интересно отметить, что Трансцендентность Я и Шизофрения непосредственно связаны с разными факторами шизотипии: CogP и Ds соответственно. Наиболее высокие значения центральности по посредничеству получены для Избегания опасности (2.42) и Социальной интроверсии (1.83), по силе — для Избегания опасности (1.16) и IR (1.58). Это позволяет предположить, что Избегание опасности (компонент супердомена личностных черт «нейротизм») и Социальная интроверсия (компонент

супердомена «экстраверсия») являются признаками, связывающими разные уровни и системы описания личностной сферы. Когнитивный индекс находился на периферии сети (посредничество = -1.17 ; сила = -2.04) и из факторов SPQ непосредственно коррелировал только с SocP. Показатели стабильности параметров сети были высокими (> 0.07).

В целом анализ психологических признаков показал, что помимо черт, сходных с шизофренией (шкалы Шизофрения и Трансцендентность Я), факторы SPQ связаны с чертами тревожного ряда/эмоциональной нестабильностью, импульсивностью/снижением саморегуляции и особенностями межличностных взаимодействий. Когнитивные способности также могут в определённой степени влиять на показатели SPQ, хотя, по-видимому, опосредствованно — через установку на ответ и ряд личностных особенностей. Опираясь на эти результаты, мы, помимо ПГП шизофрении, рассчитали ещё 10 ПГП. В первую группу вошли ПГП психических расстройств, тесно связанных с шизофренией — биполярного [15] и большого депрессивного расстройства [16]. Во вторую — ПГП эмоциональной нестабильности: ПГП нейротизма в узком смысле (согласно Г. Айзенку, беспокойство и депрессивность) [17]; ПГП нейротизма как суперфактора личности из большой пятёрки (включает, кроме того, импульсивность, гневливость и уязвимость к стрессу; показатель нейротизма вычислен в соответствующем GWAS на основе различных опросников, в том числе опросников для измерения большой пятёрки личностных черт, TCI и других) [18]; ПГП «долгое беспокойство после неловкой ситуации» [19]. Третья группа была представлена ПГП межперсональных отношений (ПГП «одиночество/изоляция» [19], ПГП «посещение социальных досуговых меро-

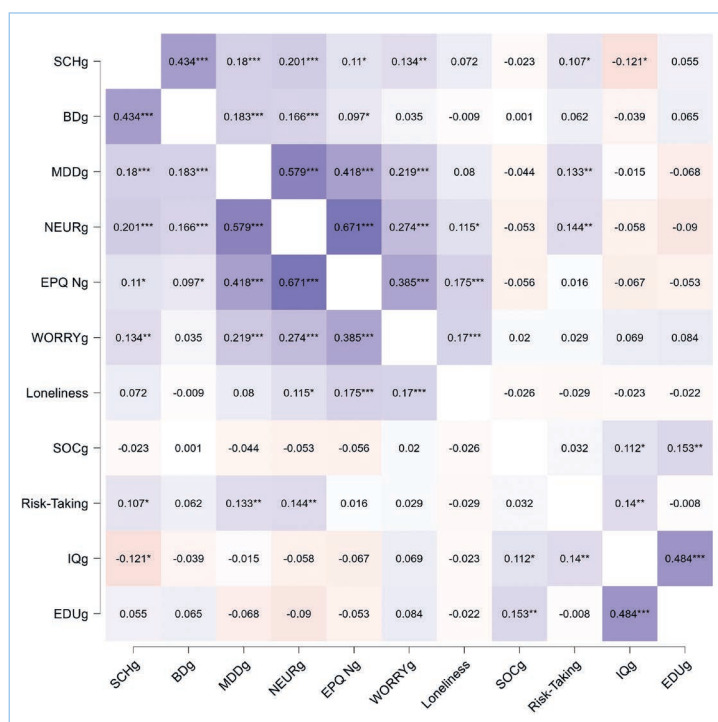

Рис. 2. Частные корреляции Спирмена между полигенными показателями 11 фенотипов, вычисленные с учётом значений первой и второй главной компоненты генетической дисперсии в выборке. Значения p : * — < 0.05 ; ** — < 0.01 ; *** — < 0.001 .

Расшифровка названий полигенных показателей дана в примечаниях к табл. 2

приятый (спортивных залов)» [19]); четвёртая — импульсивности (ПГП «склонность к риску» [20]) и пятая — когнитивной сферы (ПГП образования [21] и ПГП интеллекта [22]). Эти ПГП тесно взаимосвязаны (рис. 2), поэтому мы вводили их в каждую регрессионную модель вместе. Дополнительно провели регрессионный анализ, в котором предиктором показателей SPQ был только ПГП риска шизофрении. Его результаты были отрицательными.

Результаты основного регрессионного анализа факторов SPQ и связанных с ними психологических признаков с использованием ПГП представлены в таблице 2.

Ни общий балл SPQ, ни отдельные факторы не коррелировали с ПГП риска шизофрении. Кроме того, ПГП риска шизофрении не были связаны со шкалами Шизофрении и Трансцендентности Я. В то же время показатели SPQ коррелировали с ПГП эмоциональной нестабильности. Последние были также связаны с установкой

Таблица 2

**Значимые коэффициенты регрессии полигенных показателей
и доля объясняемой ими дисперсии (курсив) в моделях,
предсказывающих психологические признаки**

Признаки	SCHg	MDDg	NEURg	EPQ Ng	WORRYg	Risk-taking	SOCg	IQg	EDUg
SPQ CogP			0.33 (0.008)						
SPQ Par									
SPQ IR					0.69 (0.011)				
SPQ Ds				0.46 (0.014)					
SPQ Общий				1.52 (0.014)					
MMPI K				-1.94 (0.017)					
MMPI Pt				1.71 (0.015)					
MMPI Ma									-1.67 (0.021)
TCI NS			0.47 (0.016)						
TCI HA									0.80 (0.021)
TCI RD		0.49 (0.023)							0.47 (0.022)
TCI SD			-0.68 (0.016)						
TCI Coop							0.41 (0.016)		0.46 (0.012)
BAS Fun	0.68 (0.081)					0.67 (0.032)			
Cogn M						-0.08 (0.015)		0.20 (0.110)	
Образование									0.43 (0.087)

Примечание. Представлены только психологические признаки и ППП, для которых имелись значимые корреляции. В скобках курсивом после коэффициента регрессии показана доля объясняемой дисперсии R^2_{adj} . Расшифровка названий психологических признаков дана в примечаниях к табл. 1. Полигенные показатели: SCHg — риск шизофрении, MDDg — большого депрессивного расстройства, NEURg — нейротизма в широком смысле, EPQ Ng — нейротизма в модели Г. Айзенка, WORRYg — «долгое беспокойство после неловкой ситуации», Risk-taking — «склонность к риску», SOCg — «посещение социальных досуговых мероприятий (спортивных залов)», IQg — интеллекта, EDUg — уровня образования.

на ответ (K) и некоторыми личностными чертами. Учитывая размер выборки, мы включили в анализ сетей, помимо факторов SPQ, только те личностные черты, которые были наиболее тесно и непосредственно связаны с шизотипией (рис. 1)

и коррелирующие с ними ППП, а также ППП шизофрении. Результаты сетевого анализа представлены на рис. 3.

Коэффициенты стабильности были высокими для рёбер и центральности по силе и низкие — для посредничества. Тем не ме-

нее полученные данные позволяют предположить, что ПГП таких компонентов нейротизма, как депрессивность и беспокойство (EPQ Ng) могут оказывать некоторое влияние на факторы SPQ опосредствованно — через установку на ответ (К). В то же время генетические факторы, связанные с другими компонентами этого суперфактора личности — слишком долгого беспокойства после неловкой ситуации и, по-видимому, импульсивности и уязвимости к стрессу — могут оказывать эффект на вариативность факторов шизотипии непосредственно, что не исключает и непрямы́х эффектов через личностные черты. В отличие от этого, ПГП образования, который отражает генетические предпосылки как интеллекта, так и других свойств, способствующих общей адаптивности [23], очевидно, могут влиять на шизотипию только через Избегание опасности. ПГП шизофрении не оказывают прямого влияния ни на один из факторов SPQ. Однако в целом эффекты ПГП на психологические признаки малы (за исключением связи между когнитивным индексом и ПГП интеллекта, табл. 2), возможно, из-за того, что все существующие ПГП сложных признаков (полигенных заболеваний, психологических черт) объясняют пока лишь небольшую долю генетической дисперсии этих признаков.

Заключение

Таким образом, наше исследование показало, что в русской, как и в других европейских популяциях [4–6], выраженность психометрически измеренных шизотипических черт не коррелирует с генетическим грузом шизофрении или ПГП такой связанной с шизофренией психической патологии, как биполярное расстройство. В то же время полученные данные позволяют предположить, что выраженность

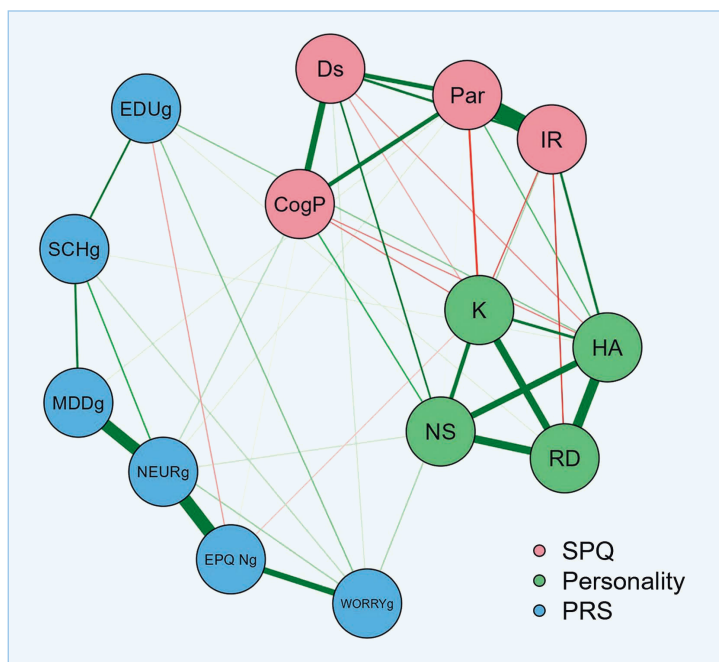

Рис. 3. Сеть психологических признаков и полигенных показателей. Толщина рёбер отражает силу связи, цвет — направление: зелёный — положительная корреляция, красный — отрицательная. Расшифровка сокращений признаков и полигенных показателей дана в примечаниях к табл. 1 и 2

шизотипии зависит от генетических факторов, предрасполагающих к эмоциональной нестабильности. Последние, по-видимому, могут действовать как непосредственно, так и влияя на то, как респондент отвечает на вопросы тестов. Генетически обусловленная склонность к беспокойству может вести к более открытым, самокритичным ответам, способствуя тем самым повышению показателей по шкалам шизотипии. Однако мы не можем исключить и обратное: что усиление выраженности шизотипических черт обуславливает меньшую закрытость и большую неконвенциальность ответов на вопросы тестов. При этом собственно черты тревожного ряда не выступают в качестве медиаторов связи ПГП нейротизма и шизотипических черт.

Следует отметить, что генетическая связь шизотипии с нейротизмом обнаруживалась и ранее. Так, в близнецовом исследовании было показано, что более половины общей дисперсии позитивной (т.е. когнитивно-перцептивной) шизоти-

пии и нейротизма, измеренного с помощью шкалы Г. Айзенка, объясняется общими генетическими факторами [9]. Связь шизотипии с ППП нейротизма была обнаружена в большой выборке из Шотландии [5]. Вместе с этими предшествующими данными полученные нами результаты указывают как на необходимость совер-

шенствования инструментов измерения шизотипии – введения в них шкал валидности ответов, так и на генетически обусловленную склонность к высокому нейротизму как на один из источников шизотипии в общей популяции, и механизм этой связи должен быть исследован более глубоко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grant P., Green M.J., Mason O.J. Models of Schizotypy: The Importance of Conceptual Clarity. *Schizophr. Bull.* 2018. № 44 (2). S. 556–563. DOI: 10.1093/schbul/sby012.
2. Cohen A.S., Mitchell K.R., Beck M.R., Hicks J.L. The Subjective-Objective Disjunction in Psychometrically-Defined Schizotypy: What it is and Why it is Important? // *J. Exp. Psychopathol.* 2017. № 8 (4). Pp. 347–363. DOI:10.5127/jep.056316.
3. Trubetskoy V., Pardiñas A.F., Qi T. et al. Mapping genomic loci implicates genes and synaptic biology in schizophrenia // *Nature.* 2022. № 604 (7906) Pp. 502–508. DOI: 10.1038/s41586-022-04434-5.
4. Hatzimanolis A., Avramopoulos D., Arking D.E. et al. Stress-Dependent Association Between Polygenic Risk for Schizophrenia and Schizotypal Traits in Young Army Recruits // *Schizophr. Bull.* 2018. № 44 (2). Pp. 338–347. DOI:10.1093/schbul/sbx074.
5. Docherty A.R., Shabalín A.A., Adkins D.E. et al. Molecular Genetic Risk for Psychosis Is Associated With Psychosis Risk Symptoms in a Population-Based UK Cohort: Findings From Generation Scotland // *Schizophr. Bull.* 2020. № 46 (5). Pp. 1045–1052. DOI: 10.1093/schbul/sbaa042.
6. Nenadić I., Meller T., Schmitt S. et al. Polygenic risk for schizophrenia and schizotypal traits in non-clinical subjects // *Psychol. Med.* 2022. № 52 (6). Pp. 1069–1079. DOI:10.1017/S0033291720002822.
7. Giakoumaki S.G., Karagiannopoulou L., Rózsa S., Zouraraki C., Karamaouna P., Cloninger C.R. Psychometric properties of the Greek TCI-R and its clinical correlates: schizotypy and the self-regulation of affective and cognitive functioning // *PeerJ.* 2016. № 4. e1830. DOI: 10.7717/peerj.1830.
8. Kwopil T.R., Gross G.M., Burgin C.J., Raulin M.L., Silvia P.J., Barrantes-Vidal N. Validity of the Multidimensional Schizotypy Scale: Associations with schizotypal traits and normal personality // *Personal. Disord.* 2018. № 9 (5). Pp. 458–466. DOI: 10.1037/per0000288.
9. Macare C., Bates T.C., Heath A.C., Martin N.G., Etinger U. Substantial Genetic Overlap Between Schizotypy and Neuroticism: A Twin Study // *Behav. Genet.* 2012. № 42. Pp. 732–742. DOI: 10.1007/s10519-012-9558-6
10. Rbeiz K.S., Clark H.E., Kemp K.C. et al. The association of multidimensional schizotypy with symptoms and impairment across racial groups // *Personal. Ment. Health.* 2022. № 16 (1). Pp. 79–89. DOI: 10.1002/pmh.1528.
11. Алфимова М.В., Лежейко Т.В., Сергеев Н.В., Плакунова В.В., Голимбет В.Е. Структура шизотипических черт в российской популяции // *Журн. неврол. психиатр. им. С.С. Корсакова.* 2020. № 120 (7). Pp. 94–101. DOI: 10.17116/jnevro202012007194.
12. Лежейко Т.В., Алфимова М.В. Эпигенетические исследования когнитивного дефицита при шизофрении: некоторые методологические проблемы // *Журн. неврол. психиатр. им. С.С. Корсакова.* 2017. № 117 (10). Pp. 76–80. DOI: 10.17116/jnevro201711710176-80.
13. Privé F., Aschard H., Carmi S. et al. Portability of 245 polygenic scores when derived from the UK Biobank and applied to 9 ancestry groups from the same cohort // *Am. J. Hum. Genet.* 2022. № 109 (1). Pp. 12–23. DOI: 10.1016/j.ajhg.2021.11.008.
14. JASP Team. JASP (Version 0.16) [Computer software]. 2022. <https://jasp-stats.org/> (дата обращения: 01.12.2022).

15. Mullins N., Forstner A.J., O'Connell K.S. et al. Genome-wide association study of more than 40,000 bipolar disorder cases provides new insights into the underlying biology // Nat. Genet. 2021. № 53 (6). Pp. 817–829. DOI:10.1038/s41588-021-00857-4.
16. Howard D.M., Adams M.J., Clarke T.K. et al. Genome-wide meta-analysis of depression identifies 102 independent variants and highlights the importance of the prefrontal brain regions // Nat. Neurosci. 2019. № 22 (3). Pp. 343–352. DOI: 10.1038/s41593-018-0326-7.
17. Weissbrod O., Kanai M., Shi H. et al. Leveraging fine-mapping and multipopulation training data to improve cross-population polygenic risk scores // Nat. Genet. 2022. № 54. Pp. 450–458. DOI:10.1038/s41588-022-01036-9.
18. Baselmans B.M.L., Jansen R., Ip H.F. et al. Multivariate genome-wide analyses of the well-being spectrum // Nat. Genet. 2019. № 51 (3). Pp. 445–451. DOI: 10.1038/s41588-018-0320-8.
19. Tanigawa Y., Qian J., Venkataraman G. et al. Significant sparse polygenic risk scores across 813 traits in UK Biobank // PLoS Genet. 2022. № 18 (3). e1010105. DOI: 10.1371/journal.pgen.1010105.
20. Barr P.B., Ksinan A., Su J. et al. Using polygenic scores for identifying individuals at increased risk of substance use disorders in clinical and population samples // Transl. Psychiatry. 2020. № 10. P. 196. DOI: 10.1038/s41398-020-00865-8.
21. Savage J.E., Jansen P.R., Stringer S. et al. Genome-wide association meta-analysis in 269,867 individuals identifies new genetic and functional links to intelligence // Nat. Genet. 2018. № 50 (7). Pp. 912–919. DOI: 10.1038/s41588-018-0152-6.
22. Okbay A., Wu Y., Wang N. et al. Polygenic prediction of educational attainment within and between families from genome-wide association analyses in 3 million individuals // Nat. Genet. 2022. № 54 (4). Pp. 437–449. DOI: 10.1038/s41588-022-01016-z.
23. Demange P.A., Malanchini M., Mallard T.T. et al. Investigating the genetic architecture of non-cognitive skills using GWAS-by-subtraction // Nat. Genet. 2021. № 53. Pp. 35–44. DOI: 10.1038/s41588-020-00754-2.

Psychological and Molecular Genetic Correlates of Schizotypy in the General Population

Margarita Valentinovna Alfimova – Dr. habil. (Psychology), chief researcher at the Clinical Genetics Laboratory at the Mental Health Research Center, head of the project ‘Genesis of Schizotypal Traits in the General Population’ (20-013-00230).

E-mail: m.alfimova@gmail.com

Viktoria Valerievna Plakunova – junior researcher at the Clinical Genetics Laboratory at the Mental Health Research Center, executor of the same project.

E-mail: Jackfrost14.12@gmail.com

Nikolay Vitalievich Kondratyev – researcher at the Clinical Genetics Laboratory at the Mental Health Research Center, executor of the same project.

E-mail: nikolay.quadrat@gmail.com

Irina Sergeevna Lebedeva – Dr. habil. (Biology), head of the Laboratory of Neuroimaging and Multimodal Analysis at the Research Center for Mental Health.

E-mail: lebedeva-i@yandex.ru

Vera Evgenievna Golimbet – Dr. habil. (Biology), head of the Clinical Genetics Laboratory at the Mental Health Research Center.

E-mail: golimbet@mail.ru

For a long time, schizotypy was regarded as a manifestation of a genetic predisposition to schizophrenia. However, accumulated data suggest a complex, heterogeneous genetic etiology of schizotypal traits. This study is intended to answer the question of whether psycho-

metric schizotypy should be further applied to the study and prevention of schizophrenia and to help provide care for individuals with high schizotypal severity, as the latter is often coupled with various signs of maladaptation. To explore the etiology of schizotypy, in this study the authors assessed the relations between cognitive & perceptual, paranoid, interpersonal and disorganizational factors in schizotypy and personality ($n = 1,115$), motivational ($n = 645$), cognitive processes ($n = 557$) and polygenic risk scores (PRS) of schizophrenia and schizotypy-related psychological traits ($n = 417$). The researchers used regression and network analyses. The study demonstrated that the severity of schizotypal traits does not correlate with the genetic burden of schizophrenia, but to a certain extent is associated to the polygenic predisposition to neuroticism. The latter could apparently influence schizotypal traits both directly and through the response set. However, the anxiety traits themselves do not mediate the relation between polygenic scores of neuroticism and schizotypal traits. Together with the source data, findings of this study point to the need to improve schizotypy assessment tools by introducing validity scales, and to adopt a genetically determined tendency to high neuroticism as a source of schizotypy in the general population, which requires further in-depth investigation.

Keywords: schizotypy, personality, schizophrenia, motivation, cognitions, neuroticism, social desirability, polygenic risk scores

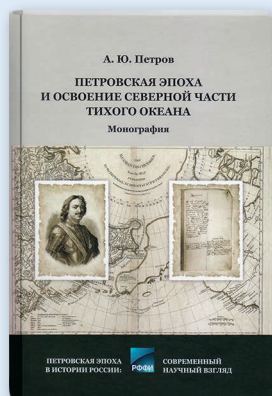
REFERENCES

1. Grant P., Green M.J., Mason O.J. Models of Schizotypy: The Importance of Conceptual Clarity. *Schizophr. Bull.* 2018. № 44 (2). S. 556–563. DOI: 10.1093/schbul/sby012.
2. Cohen A.S., Mitchell K.R., Beck M.R., Hicks J.L. The Subjective-Objective Disjunction in Psychometrically-Defined Schizotypy: What it is and Why it is Important? // *J. Exp. Psychopathol.* 2017. № 8 (4). Pp. 347–363. DOI:10.5127/jep.056316.
3. Trubetskoy V., Pardiñas A.F., Qi T. et al. Mapping genomic loci implicates genes and synaptic biology in schizophrenia // *Nature.* 2022. № 604 (7906) Pp. 502–508. DOI: 10.1038/s41586-02204434-5.
4. Hatzimanolis A., Avramopoulos D., Arking D.E. et al. Stress-Dependent Association Between Polygenic Risk for Schizophrenia and Schizotypal Traits in Young Army Recruits // *Schizophr. Bull.* 2018. № 44 (2). Pp. 338–347. DOI:10.1093/schbul/sbx074.
5. Docherty A.R., Shabalina A.A., Adkins D.E. et al. Molecular Genetic Risk for Psychosis Is Associated With Psychosis Risk Symptoms in a Population-Based UK Cohort: Findings From Generation Scotland // *Schizophr. Bull.* 2020. № 46 (5). Pp. 1045–1052. DOI: 10.1093/schbul/sbaa042.
6. Nenadić I., Meller T., Schmitt S. et al. Polygenic risk for schizophrenia and schizotypal traits in non-clinical subjects // *Psychol. Med.* 2022. № 52 (6). Pp. 1069–1079. DOI:10.1017/S0033291720002822.
7. Giakoumaki S.G., Karagiannopoulou L., Rózsa S., Zouraraki C., Karamaouna P., Cloninger C.R. Psychometric properties of the Greek TCI-R and its clinical correlates: schizotypy and the self-regulation of affective and cognitive functioning // *PeerJ.* 2016. № 4. e1830. DOI: 10.7717/peerj.1830.
8. Kwapil T.R., Gross G.M., Burgin C.J., Raulin M.L., Silvia P.J., Barrantes-Vidal N. Validity of the Multidimensional Schizotypy Scale: Associations with schizotypal traits and normal personality // *Personal. Disord.* 2018. № 9 (5). Pp. 458–466. DOI: 10.1037/per0000288.
9. Macare C., Bates T.C., Heath A.C., Martin N.G., Etinger U. Substantial Genetic Overlap Between Schizotypy and Neuroticism: A Twin Study // *Behav. Genet.* 2012. № 42. Pp. 732–742. DOI: 10.1007/s10519-012-9558-6

10. Rbeiz K.S., Clark H.E., Kemp K.C. et al. The association of multidimensional schizotypy with symptoms and impairment across racial groups // *Personal. Ment. Health*. 2022. № 16 (1). Pp. 79–89. DOI: 10.1002/pmh.1528.
11. Alfimova M.V., Lezheiko T.V., Sergeev N.V., Plakunova V.V., Golimbet V.E. Struktura shizotipicheskikh chert v rossiiskoi populyatsii // *Zhurn. nevrolog. psikiatr. im. S.S. Korsakova*. 2020. № 120 (7). Pp. 94–101. DOI: 10.17116/jnevro20201200719 (in Russian).
12. Lezheiko T.V., Alfimova M.V. Epigeneticheskie issledovaniya kognitivnogo defitsita pri shizofrenii: nekotorye metodologicheskie problemy // *Zhurn. nevrolog. psikiatr. im. S.S. Korsakova*. 2017. № 117 (10). Pp. 76–80. DOI: 10.17116/jnevro201711710176-80 (in Russian).
13. Privé F., Aschard H., Carmi S. et al. Portability of 245 polygenic scores when derived from the UK Biobank and applied to 9 ancestry groups from the same cohort // *Am. J. Hum. Genet.* 2022. № 109 (1). Pp. 12–23. DOI: 10.1016/j.ajhg.2021.11.008.
14. JASP Team. JASP (Version 0.16) [Computer software]. 2022. <https://jasp-stats.org/> (data obrashcheniya: 01.12.2022).
15. Mullins N., Forstner A.J., O'Connell K.S. et al. Genome-wide association study of more than 40,000 bipolar disorder cases provides new insights into the underlying biology // *Nat. Genet.* 2021. № 53 (6). Pp. 817–829. DOI:10.1038/s41588-021-00857-4.
16. Howard D.M., Adams M.J., Clarke T.K. et al. Genome-wide meta-analysis of depression identifies 102 independent variants and highlights the importance of the prefrontal brain regions // *Nat. Neurosci.* 2019. № 22 (3). Pp. 343–352. DOI: 10.1038/s41593-018-0326-7.
17. Weissbrod O., Kanai M., Shi H. et al. Leveraging fine-mapping and multipopulation training data to improve cross-population polygenic risk scores // *Nat. Genet.* 2022. № 54. Pp. 450–458. DOI:10.1038/s41588-022-01036-9.
18. Baselmans B.M.L., Jansen R., Ip H.F. et al. Multivariate genome-wide analyses of the well-being spectrum // *Nat. Genet.* 2019. № 51 (3). Pp. 445–451. DOI: 10.1038/s41588-018-0320-8.
19. Tanigawa Y., Qian J., Venkataraman G. et al. Significant sparse polygenic risk scores across 813 traits in UK Biobank // *PLoS Genet.* 2022. № 18 (3). e1010105. DOI: 10.1371/journal.pgen.1010105.
20. Barr P.B., Ksinan A., Su J. et al. Using polygenic scores for identifying individuals at increased risk of substance use disorders in clinical and population samples // *Transl. Psychiatry*. 2020. № 10. P. 196. DOI: 10.1038/s41398-020-00865-8.
21. Savage J.E., Jansen P.R., Stringer S. et al. Genome-wide association meta-analysis in 269,867 individuals identifies new genetic and functional links to intelligence // *Nat. Genet.* 2018. № 50 (7). Pp. 912–919. DOI: 10.1038/s41588-018-0152-6.
22. Okbay A., Wu Y., Wang N. et al. Polygenic prediction of educational attainment within and between families from genome-wide association analyses in 3 million individuals // *Nat. Genet.* 2022. № 54 (4). Pp. 437–449. DOI: 10.1038/s41588-022-01016-z.
23. Demange P.A., Malanchini M., Mallard T.T. et al. Investigating the genetic architecture of non-cognitive skills using GWAS-by-subtraction // *Nat. Genet.* 2021. № 53. Pp. 35–44. DOI: 10.1038/s41588-020-00754-2.

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-144-147

М.А. ФИЛИМОНОВА*

Рецензия на книгу:
Петров А.Ю. Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2022. — 280 с.**

Ключевые слова: Пётр Первый, Тихий океан, экспедиции, история колонизации

Монография «Петровская эпоха и освоение северной части Тихого океана», подготовленная известным российским учёным А.Ю. Петровым в рамках проекта РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд», вышла из печати в 2022 г., когда отмечалось 350-летие со дня рождения основателя Российской империи – Петра Великого, и заслуженно вошла в список основных мероприятий Правительства РФ по празднованию этого юбилея.

Книга содержит Вступительное слово, написанное академиком А.О. Чубарьяном, 11 тематических глав, а также документальные приложения.

Научные результаты, представленные в монографии, опираются на документы

из архивов, которые поделены им на пять групп.

1. Отечественные архивы Санкт-Петербурга и Москвы. Важные материалы, хранящиеся в них, до сих пор не были полностью введены в научный оборот и потому представляют интерес для дальнейшего исследования. Используются документы из таких архивов, как Российский государственный исторический архив (РГИА), Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), Архив Русского географического общества (АРГО), отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Архив внешней политики Российской империи

* **Филимонова Мария Александровна** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения США Курского государственного университета.
E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

** Проект 20-09-42044.

- (АВПРИ), отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.
2. Малоизученные региональные архивы РФ. Это Государственные архивы Вологодской (ГАВО), Иркутской (ГАИО), Архангельской (ГААО) областей.
 3. Ранее не используемые отечественные архивы, в частности фонды архивов Крыма, Омска, Томска и Барнаула.
 4. Архивы США (National Archives and Record Service в Вашингтоне, а также архивы Калифорнии и Аляски), Испании и Франции.
 5. Велась также работа в архивах других стран, в которых были обнаружены материалы по теме исследования.

Особенно важными представляются документы, выявленные в РГАВМФ. А.Ю. Петрову удалось разыскать документы, составленные Берингом, но не попавшие в опубликованные сборники документов и, соответственно, не известные исторической науке. Это письма Беринга в Иркутскую провинциальную канцелярию и его рапорты в Адмиралтейств-коллегию за 1727 г. В фонде 223 «Рукописи Петра Великого» было продолжено выявление материалов о так называемой секретной сибирской экспедиции (Д. 29). Среди прочего в деле имеется инструкция Адмиралтейств-коллегии от 23 декабря 1724 г. с собственноручными правками Петра I.

Если говорить о зарубежных архивах, представляется, что наиболее интересные данные были получены в Библиотеке Конгресса, в частности, это материалы путевого журнала Первой Камчатской экспедиции. В этих журналах важными оказались сведения М. Шпанберга и капитана П.А. Чаплина. Выявленные материалы А.Ю. Петров сопоставил со сведениями В.Н. Берха¹, а также с данными У. Халлея.

Монография содержит современный взгляд на изучаемые события, связанные с освоением новых территорий, на основе обнаруженных автором и впервые введенных в научный оборот архивных источников при комплексном использовании концептуальных подходов и методологии. Помимо традиционных методов исторической науки особое внимание было уделено картографическому методу исследования – изучению выявленных карт конца XVII – начала XVIII в. об освоении Дальнего Востока, Сибири и изучении севера Тихого океана, содержащейся в них информации, состоянии картографических знаний на тот момент, допущенных в картах ошибок и неточностях.

Обращение к культурологическим, этнографическим, психологическим аспектам изучаемых явлений имело место при изучении вопросов взаимодействия русских с коренным населением и сбором ясака. Современное понимание исторического процесса как многофакторного явления, а также специфика заявленной темы потребовали проведения системного анализа, что необходимо учитывать при различных трактовках одних и тех же событий в документах испанских, английских и отечественных архивов. Применение системного и проблемно-хронологического принципов позволило автору выявить определённые периоды в деятельности отечественных и зарубежных землепроходцев, миссионеров, представителей государственных структур и иных образований, например, взаимодействие русских и испанцев на севере Тихого океана или русских и китайцев в Кяхте.

Междисциплинарность работы выразилась в применении подходов, характерных для ряда гуманитарных наук, среди которых в первую очередь должны быть отмечены:

¹ Берх В.Н. Первое морское путешествие россиянь, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия съ Америкою, и совершенное въ 1727–1729 годахъ подъ начальствомъ флота Капитана 1-го ранга Витуса Беринга. СПб.: Императорская Академия Наук, 1823. 140 с.; Dall W.H. Geographical Explorations. Early expeditions to the region of Bering Sea and Strait, etc. Washington, D.C.: W.H. Lowdermilk & Co. publishers, 1891. 38 p.

- бихевиористский — анализ поступков отдельных личностей и процедур принятия ими тех или иных решений на основе убеждений, ценностных приоритетов, особенностей характера (в первую очередь при принятии решений Петром I об изучении дальневосточных территорий и севера Тихого океана, хотя в его окружении были и противники данной политики);
- психологический — изучение механизма формирования конфронтационного мышления и влияния личностных качеств представителей внешнеполитического истеблишмента на внешнюю политику Российской империи;
- компаративный — сопоставление как внешних (видимые, демонстративные действия, публичные декларации, совпадающие или различающиеся реакции), так и внутренних характеристик участников исторических событий, в том числе мотивов, реакций и поведенческих стандартов, влиявших на решение одних и тех же международных проблем.

В документальном приложении к монографии имеются материалы из сборников документов «Памятники Сибирской истории XVIII века» (СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1882), которые являются ныне библиографической редкостью. Многие из опубликованных тогда документов считаются утраченными, при этом их научная ценность весьма высока. Документы, которые сложно или невозможно проверить по источникам из архивов, приведены так, как указано в «Памятниках Сибирской истории XVIII века».

А.Ю. Петров установил, что уже в первой половине XVIII в. русские устремляются к берегам Америки. Предпосылкой этого процесса стало активное освоение Сибири, выразившееся в миссионерской деятельности Русской Православной Церкви, органов государственной власти, раз-

витии промыслов, сельского хозяйства, строительства укрепленных поселений, городов, дорог и т.п.

Период освоения севера Тихого океана, начавшийся в XVII в., получил мощный импульс во время правления Петра I. Его отличала настойчивость в достижении поставленных целей. Он возвёл государственные интересы в абсолютный приоритет. Пётр I долго вынашивал и перед самой кончиной предложил ряд проектов по изучению севера Тихого океана, реализация которых привела к формированию российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XVIII в.

Пётр Первый опирался на отечественный и мировой опыт географических исследований. В этом отношении весьма важным было посещение им Англии в ходе Великого посольства. Именно тогда, по всей видимости, он заинтересовался тем, что представляют собой очертания Америки со стороны Азии. В дальнейшем взгляды императора развивались под влиянием западноевропейских учёных. Особенно важными были для него сведения Г. Лейбница и Н. Витсена. Однако решающей стала идея обеспечения безопасности и становления государственности на восточных рубежах империи.

А.Ю. Петров выделил следующие составляющие движения русских на восток: военная (участие казачества), промышленная (участие поморов и представителей угро-финских народов и населения северо-запада России), а также культурная и правовая. Они могут рассматриваться как в отдельности, так и в совокупности.

Автор успешно развивает предложенную им трактовку истории Русской Америки в узком и широком аспектах. Для первопроходцев Петровской эпохи «Америка» — термин, обозначающий не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. А потому историю освоения северной части Тихого океана в первой четверти XVIII в. нужно изучать как в узком (географическом), так и в широком смысле. В широком смысле

это освоение рассматривается в контексте Петровских реформ и внешней политики императора, включая европейское, американское (Калифорния), восточное (Китай, Курильские острова) направления, которые, в свою очередь, продвигались государственными структурами или частными лицами. Начало истории Русской Америки к началу Петровских реформ и целенаправленной стратегии государства по очерчиванию рубежей Российской империи и претензий на приобретение заморских колоний.

В наше время материал, связанный с изучением Азиатско-Тихоокеанского регио-

на во время Петровских реформ, широко востребован. Результаты, полученные в монографии, соответствуют мировому уровню исследований и даже превосходят его в некоторых отношениях. Проведённое исследование может создать предпосылки для формирования и развития новых научных направлений и расширит возможности практического применения научных результатов.

Новый интересный труд по истории Русской Америки будет полезен как специалистам, так и широкому кругу людей, интересующихся отечественной историей.

Review of the book: A.Yu. Petrov 'Petrine Era and the Exploration of the North Pacific'. Ryazan: Yesenin Ryazan State University, 2022 — 280 p.

Maria Aleksandrovna Filimonova — Dr. habil. (History), leading researcher at the Center for U.S. Studies, Kursk State University.

E-mail: mar-filimonova@yandex.ru

Keywords: Peter the Great, Pacific Ocean, expeditions, history of colonization

Т.И. ВИНОГРАДОВА*

**Рецензия на книгу:
Образ Петра Великого в странах
Восточной Азии / Под ред. Н.А. Самойлова.
М.: Весь мир, 2022. — 432 с.: ил. ****

Ключевые слова: представления о России в мире, образ Петра Великого в Китае, образ Петра Великого в Японии, образ Петра Великого в Южной Корее, образ Петра Великого во Вьетнаме

Книга посвящена изучению проблем репрезентации образа российского императора Петра I в четырёх странах Восточной Азии: Китае, Японии, Корее и Вьетнаме. Выход в свет этой монографии приурочен к празднованию 350-летнего юбилея Петра Великого.

Выбор исследуемых стран закономерно обусловлен их принадлежностью к единому Восточноазиатскому (Дальневосточному) историко-культурному региону, традиционно выделяемому востоковедами. В коллектив авторов книги вошли китаеведы: профессор Н.А. Самойлов (руководитель проекта), доцент Д.И. Маяцкий и магистр востоковедения Е.В. Ланькова, кореевед доцент А.А. Гурьева, японовед доцент В.В. Щепкин, вьетнамовед магистр востоковедения А.М. Харитоновна, а также англовед и востоковед с широким кругом интересов доцент Е.Г. Андреева. Каждый из них является серьёзным специалистом в своей обла-

сти — преимущественно в исторических науках и филологии. Написанная ими монография — первое такого рода в отечественной гуманитарной науке имагологическое исследование, позволяющее разобрататься в специфике восприятия России и связанных с ней ярких исторических и культурных символов, одним из которых на Востоке является Пётр I. Данная тема исследования по праву может считаться абсолютно новой (поскольку прежде по ней аналогичных трудов не выходило), а также весьма актуальной и перспективной, особенно в очень непростую современную историческую эпоху, когда российское государство активно разворачивает вектор своей внешней политики в сторону Азии и стремится сблизиться с ней в разных сферах.

Определение образа Петра Великого в Восточной Азии в качестве целевой темы монографии позволило авторам поставить и решить целый ряд новых иссле-

* **Виноградова Татьяна Игоревна** — кандидат исторических наук, заведующая Отделом литературы стран Азии и Африки Библиотеки Российской академии наук.
E-mail: ptat-vinogradova2008@yandex.ru

** Проект 20-09-42018.

довательских задач. Во-первых, системно обозначить факты, историческую хронологию (со времени жизни первого русского императора до наших дней) и динамику знакомства в изучаемых азиатских странах с биографией и государственной деятельностью царя Петра I. Во-вторых, установить обстоятельства, выявить и максимально широко охватить основные источники, направления и социальные силы, ставшие проводниками этой просветительской миссии на протяжении многих десятилетий, а в отношении Китая и Японии — даже трёх столетий. Учитывая масштаб хронологических рамок исследования, объективную многосложность и многоплановость задач, а также вызванную пандемией невозможность в 2020–2022 гг. совершать командировки в выбранные для изучения страны с целью посещения библиотек, музеев, архивов и прочих научных центров, авторы в некоторых случаях были вынуждены ограничиться рассмотрением наиболее значимых явлений и событий, нередко происходивших в этих странах в типологически сходных условиях, на фоне имплицитного культурного и политического влияния Китая и Японии друг на друга, равно как и на соседние по отношению к ним Корею и Вьетнам. Не будет преувеличением утверждать, что невзирая на стоявшие перед авторами трудности, со своими задачами они справились блестяще. Накопленные ими в ходе реализации проекта наблюдения, безусловно, могут представлять для востоковедов (и не только) значительную ценность, поскольку они являются преимущественно новыми или малоизвестными. В-третьих, в книге, что исключительно важно, представлена необходимая, характерная для каждой страны индивидуальная социокультурная картина, обусловленная неизбежными уникальными культурными, политическими и прочими местными особенностями. Наконец, в отдельных случаях были произведены уместные сравнения со спецификой репрезентации образа Петра Великого в основных странах, представляющих англоязычный мир, — США и Вели-

кобритании (в сетевой, научно-популярной и школьной учебной литературе). Эти сравнения дополнены сопутствующими объяснениями сходств и различий.

Издание содержит Предисловие, семь основных глав (1. Китайское направление внешней политики Петра Великого; 2. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии; 3. Образ Петра Великого в Китае; 4. Сравнение образа Петра Великого в учебной, научно-популярной и сетевой литературе КНР, Великобритании и США; 5. Образ Петра Великого в Японии; 6. Образ Петра Великого в Корее; 7. Образ Петра Великого во Вьетнаме), списки литературы по главам, обширную аннотацию на английском языке и сведения об авторах.

О глубокой фундированности исследования свидетельствует обширный перечень использованной литературы, привлечённых источников и материалов, оформленных для каждой главы отдельно, что в значительной степени повышает удобство её чтения. Списки организованы по единому принципу: литература на русском языке; на языке соответствующей страны в порядке русского алфавита нормативной транскрипции (по системе китаевода архимандрита Палладия, япониста Е.Д. Поливанова и др.); на западноевропейских языках и перечень интернет-ресурсов с полагающимися ссылками.

Имеется в книге вклейка замечательных высококачественных цветных и чёрно-белых иллюстраций: несколько примеров для каждой страны, расположенных в строгом хронологическом порядке, способствуют визуализации выявленных научных фактов.

Первые две главы носят вводный характер и раскрывают те факты многогранной деятельности Петра Великого, которые непосредственно были связаны с Востоком и, в первую очередь, с Китаем и Японией, с которыми царь стремился наладить контакты. Здесь внимание уделено происходившим в Петровскую эпоху дипломатическому урегулированию политических

и торгово-экономических отношений России с цинским Китаем, первым российским торговым и гуманитарным миссиям в Китай, первому китайскому посольству в Россию цинского чиновника Тулишэня (1712–1715 гг.) и написанным им по этому поводу «Запискам о путешествии на край света», ранним контактам с Японией, роли Петра Великого в организации сбора предметов материальной культуры Востока, равно как и научного изучения Востока в России и т.д. По причине существенного объёма информации различным аспектам образа Петра Великого в Китае посвящены две главы, т.е. больше, чем другим странам: рассмотрению образа царя в Японии, Корее и Вьетнаме уделено по одной главе.

Страновым главам присуща своя специфика. Так, особенностью Китая и Японии является то, что сведения о Петре Великом в эти земли начали проникать раньше (преимущественно из европейских источников), чем в соседние. В Корею и Вьетнам они пришли позднее, в XIX в. — как правило, из Китая и Японии, но также и из Европы. Пример преобразований Петра I особенно сильно воздействовал на умы японских и китайских интеллигентов в последней трети XIX — начале XX столетия, когда в Японии проводились близкие по своему историческому значению реформы Мэйдзи (1868–1889), а в Китае предпринимались неудачные попытки инициировать такие же реформы сверху («Сто дней реформ» в 1898 году). Но и потом, в XX веке, к фигуре Петра Великого в своих книгах обращались такой популярный японский мыслитель и романист, как Сибя Рётаро (1923–1996), историк Дохи Цунэюки (род. в 1947 г.), другие видные деятели культуры и науки.

Новый всплеск интереса к русскому царю отмечался в КНР в 1950-х гг. — в период советско-китайской дружбы и первых экономических успехов молодого тогда коммунистического китайского государства под руководством его основателя — председателя Мао Цзэдуна, вселявшего своими военными и государственными

достижениями немалые надежды патриотически настроенному населению. Заставшим ту пору китайцам особенно сильно запомнился переведённый на китайский язык и озвученный в 1952 г. Шанхайской киностудией советский художественный историко-биографический фильм «Пётр Первый» о жизни и деятельности царя, снятый режиссёром В.М. Петровым (1937 г.). Колоритный в исполнении талантливого и высокого ростом актёра Н.К. Симонова (1901–1973) царь произвёл тогда на китайских зрителей неизгладимое впечатление и остался в их памяти надолго.

Авторы коллективной монографии абсолютно верно отмечают, что интерес к личности и реформам Петра Великого резко вырос в КНР за последние четыре десятилетия с начала проведения политики реформ и открытости («кайфан чжэнцэ»). В этот период параграфы о русском царе прочно вошли в учебники китайских школ, а посвящённые ему специальные вопросы — в задания обязательных централизованных экзаменов по всеобщей истории. Авторы рецензируемой монографии не только подробно проанализировали труды современных китайских историков о Петре Великом, но и обратили внимание на такое уникальное явление, как самобытные исторические или фэнтезийные романы о русском царе, появляющиеся в Интернете. В Китае сегодня очень популярны детские комиксы и даже компьютерные игры, где фигурирует Петр I. По центральным каналам телевидения устраиваются показы документальных фильмов, в которых царь Пётр упоминается в одном ряду с такими значимыми историческими деятелями, как Наполеон, Джордж Вашингтон, японский император Мэйдзи и др.

Подобных процессов (в контексте масштаба распространения знаний о Петре Великом) во Вьетнаме и Южной Корее исследователи не обнаружили, хотя и установили, что там царь тоже неплохо известен как образованным людям, читающим специальную литературу, так и многим обычным детям благодаря доступным на вьетнамском

и корейском языках детским иллюстрированными книгам и комиксам, частым публикациям в сети Интернет, туристическим буклетам, переводным литературным сочинениям и другим источникам. В этих странах грамотное население обычно знает о реформах царя, основании им Санкт-Петербурга и других деяниях.

Наряду со страновыми особенностями рецензируемая монография позволяет говорить о некоторых общих чертах, характеризующих популярность Петра Великого в выбранных странах в целом. Здесь особо отмечена роль переводов на китайский, корейский и вьетнамский языки произведений русской классической литературы – в основном, сочинений А.С. Пушкина и, в первую очередь, его поэмы «Медный всадник». Эта поэма устойчиво ассоциируется у граждан Китая, Японии и Южной Кореи с царём, его градом и знаменитым памятником на берегу реки Невы. В рецензируемой книге описано такое уникальное явление культурной жизни Южной Кореи, как «литературные путешествия», в рамках которых посещения южнокорейскими туристами Санкт-Петербурга с целью увидеть Медного всадника и места, связанные с жизнью и деятельностью Петра Великого, занимают важное место. Не меньшее значение в этом плане имеет и роман А.Н. Толстого «Пётр Первый».

Материалы монографии дают возможность читателю сравнить подходы к оценке российского императора в странах восточноазиатского региона, используя приведённые в разных главах факты: от описания деятельности Петра в школьных учебниках до оценки его моральных качеств в произведениях литературы и искусства. Многие позволяют понять и сравнения Петра I с историческими личностями каждой из этих стран. В связи с этим особо стоит упомянуть популярные в наши дни в Китае сравнения Петра Великого с его современником императором Канси (правил в 1661–1722 гг.), имевшим много общего с русским царём: например, также стремившимся к образованию и использованию иностранного опыта на благо отечества. В XIX в. Петра Великого сравнивали с древним циньским правителем Сяо-гуном (361–338 гг. до н.э.), основателем первой китайской империи Цинь Шихуанди (221–210 гг. до н.э.), Александром Македонским, японским императором Мэйдзи (1867–1912 гг.) и т.д. Сейчас в рассматриваемых странах его любят сравнивать с современными политическими деятелями.

Усилиями петербургских востоковедов заложена качественная методологическая основа изучения восприятия выдающихся личностей российской истории и культуры в разных странах мира.

Review of the book: 'The Image of Peter the Great in the Eastern Asian Countries' / Edited by N.A. Samoilov. Moscow: Ves mir, 2022. — 432 p: ill.

Tatyana Igorevna Vinogradova — Candidate of Science (History), head of the Asian and African Literature Department, RAS Library.

E-mail: vinogradovati@post.ru

Keywords: perceptions of Russia in the world, Peter the Great's image in China, Peter the Great's image in Japan, Peter the Great's image in South Korea, Peter the Great's image in Vietnam

В.А. ЛАМИН, Я.А. КУЗНЕЦОВА*

**Рецензия на книгу:
Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма:
исторический опыт позднесоветской модернизации
районов Байкало-Амурской железнодорожной
магистрали. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского
госуниверситета, 2022. — 332 с.****

Ключевые слова: социалистическая модернизация регионов Сибири и Дальнего Востока, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль (БАМ), всесоюзная ударная комсомольская стройка, система комсомольского шефства, районы нового промышленного освоения, позднесоветская урбанизация

В конце 2022 г. отечественная историография пополнилась новой интересной работой, посвящённой истории строительства Байкало-Амурской магистрали и социально-экономического освоения притрассовых районов. Монография стала итогом реализации комплексного междисциплинарного научно-исследовательского проекта РФФИ и Российского исторического общества «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)».

В настоящее время обращение к историческому опыту хозяйственного освоения северных территорий Сибири и Дальнего Востока является особенно востребованным. Современная геополитическая и социально-экономическая ситуация требует ускоренного развития восточных ре-

гионов страны, а изучение исторического опыта формирования их промышленной, социальной и транспортной инфраструктуры позволит избежать ошибок и выработать практические рекомендации по стратегическому планированию и комплексному освоению данных территорий.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль представляет крупный, стратегически ориентированный инфраструктурный проект, занимающий важное место в истории позднего СССР и современной России. Районы прохождения БАМа с их богатейшими запасами минерального сырья могут оказаться в центре планирования и осуществления крупных программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Начиная с 2014 г. осуществляется комплексная модерниза-

* **Ламин Владимир Александрович** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, научный руководитель Института истории СО РАН.
E-mail: lamin@history.nsc.ru

Кузнецова Янина Александровна — кандидат исторических наук, учёный секретарь Института истории СО РАН.
E-mail: scriptor_iisoran@mail.ru

** Проект 21-09-43043.

ция железнодорожной магистрали, получившая название «БАМ-2». В рамках данной программы предусмотрены не только реконструкция существующих и прокладка новых железнодорожных путей, но также разработка месторождений и развитие населённых пунктов вдоль трассы БАМа.

Несмотря на всю грандиозность проекта, история позднесоветского БАМа не заняла достойного места в современной историографии «развитого социализма». Комсомольская стройка рассмотрена преимущественно на материалах западного участка на основе документальных источников партийных и комсомольских архивов, а также текущих материалов делопроизводства строительных предприятий. В исторической науке до сих пор отсутствует оценка причин возобновления строительства БАМа в 1970-е гг., нуждаются во всестороннем изучении, критическом анализе и переосмыслении такие аспекты истории стройки, как проектирование магистрали, планирование и управление процессом строительства, система всесоюзного шефства, вклад союзных республик и автономий РСФСР в проект, особенности размещения в регионе новых производств, их влияние на урбанизационные процессы и формирование социальной среды притрассовых поселений. Эти и другие вопросы нашли отражение на страницах новой книги о БАМе.

Автор начинает с подробного обзора научных публикаций историков и обществоведов о БАМе, в котором выделяет три больших периода в изучении комсомольской стройки: позднесоциалистический (1970-е – середина 1980-х гг.), «перестроечный» (середина 1980 – начало 1990-х гг.) и постсоветский (1990–2010-е гг.). В данном разделе показано, как изменялся тематический вектор в работах учёных, каким образом историческая оценка эволюционировала от идеализации в сторону критики масштабного проекта вплоть до появления тезисов о БАМе как «памятнике застою» и «дороге в никуда».

Далее следует описание привлечённых к исследованию источников, среди кото-

рых материалы центральных, региональных, муниципальных и ведомственных архивов, нормативно-правовые документы, статистические сведения, музейные коллекции, материалы периодической печати, устные исторические свидетельства.

Большой интерес представляют фонды Министерства транспортного строительства СССР (РГАЭ), ГлавБАМСтроя (Государственный архив Амурской области), Дирекции строительства БАМ (Государственный архив Хабаровского края), Центрального штаба ЦК ВЛКСМ на БАМе (РГАСПИ), а также материалы строительных трестов и управлений, партийных и советских органов власти из 8 региональных и 14 муниципальных архивов страны. На основе выявленных архивных документов автором были составлены 36 таблиц, помещённых в приложение и содержащих подробные статистические сведения о строительстве и хозяйственном освоении зоны БАМа.

Несомненным успехом автора стало привлечение к исследованию повествовательных источников из музейных и частных коллекций. В книге можно найти фрагменты автобиографий, личных писем и дневников строителей, а также советской и современной публицистики о БАМе.

Оригинальным решением стало использование в работе полевых материалов автора, представленных данными включённого наблюдения и интервьюирования местных жителей. Представленные в книге воспоминания участников и современников ударной комсомольской стройки позволяют читателю погрузиться в описываемую эпоху, увидеть стройку глазами рядовых строителей. Обывательское восприятие БАМа, опосредованное повседневными практиками местных жителей, диссонирует с эпическим образом магистрали, конструируемым официальным нарративом. У читателя появляется возможность ознакомиться с неформальными оценками тех или иных аспектов истории БАМа, узнать значимые, не фиксируемые в письменных источниках, неизвестные или замалчиваемые прежде факты.

Основная часть книги включает две главы, в которых последовательно раскрываются вопросы строительства БАМа и хозяйственного освоения прилегающих территорий.

В первой главе автор рассматривает широкий спектр вопросов, включающих особенности организации строительства, сооружение транспортных объектов, производственное строительство, финансирование и материально-техническое снабжение стройки, обеспечение проектно-сметной документацией, формирование строительных кадров.

Анализируя причины возобновления строительства БАМа в 1970-е гг., автор объединяет имеющиеся в историографии взгляды в четыре основных версии: транзитную, минерально-сырьевую, военно-стратегическую, политико-идеологическую. Он отмечает, что все попытки связать начало сооружения магистрали с военно-политическими факторами не имеют прочной аргументации и упираются в отсутствие доступных официальных источников. В то же время декларируемый властями тезис о необходимости создания северного широтного пояса индустриального освоения также был слабо отражён в законодательных актах и практически не упоминался в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Отдельное внимание автор уделяет характеристике и исторической оценке системы всесоюзного шефства на БАМе. В книге показано, как осуществлялось распределение шефов по объектам, механизмы их взаимодействия с генподрядчиками, преимущества и издержки использования данного подхода в строительстве.

Сооружению транспортных объектов в книге посвящён отдельный параграф, в котором выделены подразделы, описывающие отсыпку земляного полотна и сооружение верхнего строения пути, строительство тоннелей, мостов, энергоснабжение и связь.

В разделе о производственном строительстве, помимо капитальных жилищно-гражданских объектов, рассмотрены инвен-

тарные посёлки строителей, чему в отечественной историографии уделяется очень мало внимания. Читатель имеет возможность узнать, какие проектные решения принимались относительно временных и постоянных посёлков БАМа, проследить динамику капиталовложений в основные отрасли непромышленного строительства, ознакомиться со специфической «бамовской» типологией жилья и пр.

Интересным, на наш взгляд, является раздел по проблемам финансирования и материально-технического снабжения стройки. В нём показано, как на разных этапах строительства корректировались объёмы капиталовложений, изменялась структура расходов, уточнялась проектно-сметная документация, выстраивалась логистика поставок стройматериалов и оборудования, использовалась экономия ресурсов, шла работа по повышению рентабельности.

Завершает первую главу параграф о формировании строительных кадров, в котором рассмотрены источники и формы комплектования строителей, основные виды материального и морального стимулирования, мотивация приезда на стройку, условия труда, производственный травматизм.

Вторая глава книги охватывает такие аспекты социально-экономического развития притрассовых районов, как промышленное и транспортное развитие, создание продовольственной базы стройки и организация сельхозпроизводства, торговля и общественное питание, система бытового обслуживания, жилищно-коммунальное хозяйство, развитие здравоохранения, образования и культуры.

Автор рассматривает, как эволюционировало понятие «зона БАМа», изменялись территориальные границы и подходы к структурированию зоны освоения, какие планы территориально-производственного развития притрассовых районов разрабатывались проектировщиками и как осуществлялось их внедрение на практике. Отдельные разделы посвящены развитию горнодобывающей промышленности,

предприятий строительной индустрии, лесной промышленности, транспорта и др.

Анализируя состояние и перспективы развития различных отраслей, автор книги ищет ответ на вопрос, почему социально-экономическое освоение прилегающих территорий носило очаговый, локальный характер и не смогло стать градообразующей основой новых населённых пунктов. Он отмечает, что практический опыт реализации проекта выявил многочисленные просчёты и ошибки проектировщиков, столкнулся с отсутствием крупных инвестиций в геологоразведку, разработку месторождений и строительство обоганительных комбинатов, с неразвитостью дорожной сети, системы энергоснабжения и прочих инфраструктурных объектов, с недостатком квалифицированных кадров и прочими трудностями. В результате после окончания стройки перспективы дальнейшего хозяйственного освоения зоны БАМа оказались неясными.

В рыночных условиях объём железных перевозок по БАМу сократился, что привело к резкому снижению рентабельности и, в конечном счёте, к слиянию Байкало-Амурской железной дороги с ВСЖД и ДВЖД. Переход

районов БАМа из ведомственно-отраслевой в территориальную систему управления вызвал разрыв прежних социальных связей, ломку градообразующих и градообслуживающих структур, погружение районов влияния БАМа в полосу глубокой экономической депрессии.

Вместе с тем в заключении работы автор подчёркивает, что накопленный за годы комсомольской стройки социальный опыт стал основой солидарности и консолидации местных сообществ и «выступает основным ресурсом, поддерживающим жизнедеятельность рассматриваемых территорий в современных условиях».

В целом рецензируемая монография является самостоятельным исследованием, отличающимся богатством фактического материала, структурно-композиционной стройностью и логичностью изложения, концептуальной глубиной обобщений и оценок. Издание будет востребовано российскими и зарубежными исследователями, специалистами по позднесоветскому обществу, а также всеми интересующимися историей социалистической модернизации Сибири и Дальнего Востока.

Review of the book: N.S. Baikalov 'The Ultimate Construction of Socialism: Historical Experience of the Late Soviet Modernization of the Baikal–Amur Mainline Railway'. Ulan-Ude: Buryat State University publishing, 2022. — 332 p.

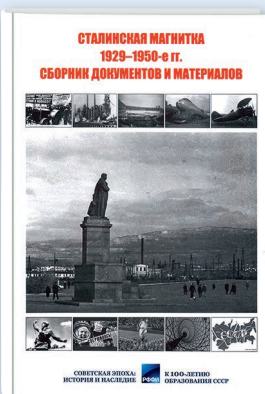
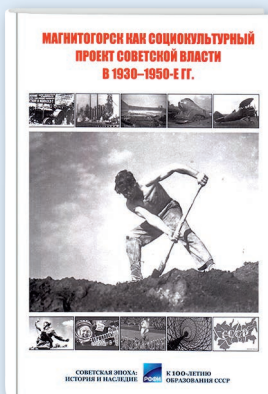
Vladimir Alexandrovich Lamin — correspondent member RAS, Dr. habil. (History), research advisor at the Institute of History, RAS Siberian Branch.

E-mail: lamin@history.nsc.ru

Yanina Aleksandrovna Kuznetsova — Candidate of Science (History), academic secretary at the Institute of History, RAS Siberian Branch.

E-mail: scriptor_iisoran@mail.ru

Keywords: socialist modernization of the Siberian and Far East regions, Baikal–Amur Mainline Railway (BAM), All-Union shock Komsomol construction, Komsomol system, regions of new industrial development, late Soviet urbanization

В.И. ИСАЕВ*

Рецензия на книги: Макарова Н.Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021. — 532 с.; Сталинская Магнитка. 1929–1950-е гг.: Сборник документов и материалов / Под ред. Н.Н. Макаровой, Н.В. Черновой, Е.М. Буряк. Магнитогорск, 2022. — 588 с. **

Ключевые слова: история повседневности, Магнитогорск, соцгород, быт, рабочий класс, советский образ жизни, источники по истории советского периода

Изучение истории создания, развития и крушения советского проекта строительства гуманного и справедливого общества остаётся для современных исследователей актуальной научной и общественно-политической задачей. Наследие советской эпохи во многом определяет состояние и перспективы развития российского государства и общества. Именно поэтому данная тема является одной из самых востребованных в перечне проблем, финансируемых РФФИ.

Весомым вкладом в историографию темы стало выполнение проекта РФФИ 21-09-43032 «Повседневная жизнь и эмоциональный режим промышленного города (по материалам Магнитогорска 1930–1950-х гг.)». Руководителем проекта РФФИ являлась доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета Н.Н. Макарова. В состав научного кол-

лектива вошли доценты той же кафедры Н.В. Чернова и Е.М. Буряк. Проект выполнялся в рамках конкурса на лучшие проекты фундаментальных научных исследований по теме «Советская эпоха: история и наследие (к 100-летию образования СССР)», проводимого РФФИ совместно с Российским историческим обществом. Результатом проекта стали монография Н.Н. Макаровой «Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг.» и сборник документов и материалов «Сталинская Магнитка. 1929–1950-е гг.».

Монография Н.Н. Макаровой представляет собой многоаспектное и глубокое исследование повседневной жизни человека в условиях раннесоветского общества. В контексте истории повседневности и истории эмоций автор анализирует историю Магнитогорска, само появление и развитие которого в 1930–1950-е гг. можно рассматривать как один

* **Исаев Виктор Иванович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории социально-экономического развития Института истории Сибирского отделения РАН.
E-mail: history49@mail.ru

** Проект 21-09-43032.

из важнейших социокультурных проектов советской власти.

Предложенный в монографии подход, по нашему мнению, является интересным и перспективным для дальнейших исторических исследований. Во-первых, интересно изучение истории одного города на протяжении почти 30 лет с точки зрения эволюции повседневного существования человека. Легендарный Магнитогорск, который «на протяжении нескольких лет выступал в качестве площадки для реализации социалистического эксперимента»¹ и по замыслу советского руководства воплощал идею нового города, в котором живёт и трудится новый советский человек, представляется в этом плане удачным выбором. Во-вторых, история эмоций, к которой обратилась автор работы, является относительно малоисследованной областью научных исследований. В-третьих, сочетание методологических подходов истории повседневности и истории эмоций вызывает определённый интерес, демонстрирует возможности и перспективы работы историков на материалах других городов или регионов. В настоящее время нет примеров анализа городского сообщества в XX столетии в контексте проблем повседневного существования и эмоционального фона, а также данную монографию можно считать первой в этом направлении.

Автор рассматривает население города Магнитогорска в 1930–1950-е гг. как уникальное эмоциональное сообщество с особым типом повседневного существования. Заметим, однако, что аналогичную картину повседневной жизни можно было наблюдать во многих городах — новостройках сталинской эпохи. Особым типом существования это можно считать по отношению к традиционному обществу.

Несомненными достоинствами монографии являются широкая источниковая база (воспоминания горожан, интервью, делопроизводственные документы, статисти-

ка и т.д.; большая часть источников ранее не была опубликована). Богатый методологический инструментарий, предложенный Ю. Бессмертным, Х.Р. Яусом, Я. Плампером, У. Редди, а также сочетание общенаучных, специально-исторических подходов и методов смежных дисциплин позволили автору монографии успешно решить поставленные научные задачи. Стоит отметить и объёмный научный аппарат книги, включающий более 1700 сносок, список источников и литературы, список сокращений.

Монография состоит из пяти глав, в которых последовательно рассматриваются этапы жизни горожан в 1929–1941 гг., 1941–1945 гг., 1945–1955 гг. В первой главе автор анализирует демографические характеристики Магнитогорска (численность населения, семейно-брачные отношения). Вторая глава посвящена изучению материальной основы жизни горожан (городское пространство, благоустройство, жильё, снабжение и здравоохранение горожан). Третья глава повествует о культуре, образовании, досуге, религии в городе. В четвёртой главе анализируются девиации поведения и стратегии выживания магнитогорцев; в пятой — эмоциональный багаж горожан.

Структура книги выстроена вполне логично. Интересным представляется избранный автором приём противопоставления официально-пропагандистской и реальной картины повседневного существования горожан. Например, предложен набор официальной документации о том, как должно было выглядеть обеспечение жильём горожан, и представлена реальная картина жилищного дефицита в Магнитогорске; показано, каким был официальный дискурс культурного пространства в городе и каким был уровень знаний и культуры фактически. Любопытна пятая глава, в которой автор исследует эмоции, присущие горожанам: страх, гордость, любовь. Именно здесь наиболее достоверно «говорят» источники личного происхождения, озвучивая реальные

¹ Макарова Н.Н. Магнитогорск как социокультурный проект советской власти в 1930–1950-е гг. Магнитогорск, 2021. С. 3.

мысли и чувства горожан, а не должные или принятые в той или иной ситуации.

В целом в своём исследовании Н.Н. Макарова воссоздала достоверную и обобщённую картину повседневной жизни городского сообщества Магнитогорска. Магнитогорцы представляли собой пёстрый в демографическом, социокультурном, национальном и профессиональном отношении мир. Их эмоциональный багаж был разнообразным и сложным, каждый горожанин «одновременно принадлежал к различным эмоциональным сообществам, демонстрировавшим порой неодобряемые эмоциональные реакции» (с. 4). Специфика «нового», строящегося промышленного города с крайне сложными социально-бытовыми условиями оказывала прямое влияние на повседневность жителей Магнитогорска.

На наш взгляд, книга Н.Н. Макаровой несомненно будет интересна как профессиональным историкам, аспирантам и студентам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей России. Кроме того, важна практическая значимость исследования на локальном уровне — при организации музейной и экскурсионной работы в Магнитогорске.

Свой вклад в исследование раннесоветского общества вносит и второй труд, изданный по итогам выполнения проекта. При подготовке сборника документов и материалов «Сталинская Магнитка. 1929–1950-е гг.» исполнители проекта поставили перед собой задачу введения в научный оборот источников по истории интересного и противоречивого периода отечественной истории в локальном измерении. Собранные в представленном сборнике документы и материалы иллюстрируют особенности исторических процессов в Магнитогорске, который по замыслу большевистской партии был призван олицетворять социалистический город.

В структуре сборника выделены три раздела: «Магнитогорск на путях форсированной индустриализации», «Магнитка в солдатской шинели» и «Магнитогорск в период послевоенного восстановления». В каждом

из них документы и материалы размещены в хронологическом порядке. В последний, четвёртый, раздел помещены визуальные источники: редкие фотографии и репродукции фотографий из газет «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский металл». Этот раздел, несомненно, является украшением сборника. К недостаткам издания можно отнести то, что научно-справочный аппарат издания представлен только списком сокращений. Наличие комментариев к опубликованным документам позволило бы более полно понять особенности документооборота, взаимодействия отдельных организаций между собой и с центральными органами управления.

Составители сборника обработали и включили в него около 400 документов. Была проделана огромная работа по выявлению различного вида источников, использованы материалы пяти архивов (центральных и местных).

Видовое многообразие источникового материала заслуживает отдельного внимания. В сборнике присутствует делопроизводственная документация, представленная протоколами (или выписками из них) Горсовета и узкого состава Исполкома, закрытого партийного собрания Драматического театра им. А.С. Пушкина и партийного собрания первичной организации городского отдела милиции, многочисленные статьи периодической печати. Широко представлены источники личного происхождения, среди которых воспоминания магнитогорских первостроителей и иностранных рабочих, принимавших участие в возведении металлургического завода и сопутствующих ему предприятий. Собранные документы и материалы позволяют увидеть разнообразную картину магнитогорской повседневности, меняющейся под давлением процессов, происходивших в советском государстве, с сохранением присущего Магнитогорску колорита.

Сборник отражает многие стороны становления, развития и функционирования первого социалистического города Советского Союза — Магнитогорска на протяже-

нии более 20 лет. Следует отметить, что акцент при отборе документов был сделан на жизнедеятельность города как единого организма (деятельность Горсовета, городских предприятий, торговли, средств связи, процессы застройки и озеленения, а главное, отношение жителей к этим самым процессам, их непосредственное участие в организации жизни Магнитогорска).

Ещё одной особенностью сборника документов и материалов можно назвать его эмоциональную окрашенность. Составителям удалось подобрать документы таким образом, что по мере ознакомления с ними возникает ощущение погружённости в реальную жизнь, где слышится брюзжание пассажиров, не сумевших сесть в трамвай после длительного ожидания, возмущение покупателя по поводу недостойного поведения продавца, недоумение почтальона, разыскивающего дом без каких-либо обозначений, страх жителя города, потерявшего продуктовые карточки. И в то же время присутствует чувство гордости за свой город и надежды, что его ждёт радостное, яркое, светлое будущее. Документы, авторами которых выступали различные социальные категории магнитогорцев, позволяют читателю услышать детские голоса, рассуждающие о школьном дне или о помощи матери, расслышать речь домохозяйки, ратующей за организацию яслей или

вдохновенно рассказывающей о наведении порядка в столовой. Слышна речь американских и немецких рабочих и специалистов, празднующих трёхлетие своего пребывания в Магнитогорске или негодующе протестующих против порядков, утвердившихся в столовой. В военные будни голоса магнитогорцев на страницах документов становятся более собранными, твёрдыми, лаконичными, перерастают в речь цифр и отчётов. Однако послевоенное время вновь наливается многоголосьем, иногда с оттенками критики и недовольства.

Несомненно, сборник документов и материалов «Сталинская Магнитка. 1929 – 1950-е гг.» принесёт большую пользу специалистам-историкам и послужит важным инструментом исследовательской работы.

Подводя итоги выполнения коллективом магнитогорских учёных проекта РФФИ, можно сказать, что обе книги, изданные в рамках проекта, следует рассматривать как результат единого исследования. Монография Н.Н. Макаровой и сборник документов дополняют друг друга и отражают основные проблемы жизни горожанина в эпоху сталинизма. Вместе обе книги представляют собой комплексное исследование проблем повседневности и эмоциональности населения Магнитогорска в сталинскую эпоху.

Review of the book: N.N. Makarova 'Magnitogorsk as a Socio-Cultural Project of the Soviet Power in the 1930s–1950s'. Magnitogorsk, 2021. — 532 p.; Stalin's Magnitogorsk Iron and Steel Works 1929-1950s: Collection of Documents and Materials / Edited by N.N. Makarova, N.V. Chernova, E.M. Buryak. Magnitogorsk, 2022. — 588 p.

Viktor Ivanovich Isaev — Dr. habil. (History), Professor, head of the Department of History of Social & Economic Development, Institute of History, RAS Siberian Branch.
E-mail: history49@mail.ru

Keywords: history of everyday life, Magnitogorsk, socialist city, everyday life, working class, Soviet lifestyle, sources on the history of the Soviet period

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2023, № 1 (112)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Подписано в печать 23.03.2023. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 32

Отпечатано в типографии ООО «Гран-При».
152900, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57